

**«НАС МОЖНО
РАСПОЗНАТЬ ИЗДАЛЕКА»**

Ленинград-Петербург-Молотов-Пермь

В. Ф. Гладышев

**«НАС МОЖНО
РАСПОЗНАТЬ ИЗДАЛЕКА»**

Ленинград-Петербург-Молотов-Пермь

Н-31. В. Ф. Гладышев. «Нас можно распознать издалека». – Пермь, : ООО «ИД «Типография купца Тарасова», 2010. – 138 с.

Книга, выходящая в свет в год 65-летия Победы в Великой Отечественной войне, представляет собой сборник воспоминаний, очерков, объединенных темой Ленинград-Молотов, Петербург-Пермь. Издается в рамках проекта «Ленинградский квартал. Памяти блокадников», разработанного активистами Пермского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВО-ОПИК) при содействии партнеров, общественных организаций. Публикуются беседы автора с прототипами произведений В. Каверина и В. Пановой, с известными деятелями культуры М. Козаковым, Н. Боярчиковым, М. Пиотровским, воспоминания блокадников и тружеников тыла и даже раскрывается несколько казусов.

Выражаем сердечную благодарность за содействие Г. Ф. Станковской, И. А. Толстых, краевой библиотеке им. Горького, Пермскому краевому музею, Пермскому государственному краевому архиву, гимназии № 4 им. братьев Каменских, а также пермским краеведам Н. А. Аликиной, И. Г. Ежикову, Н. Н. Красноперовой, И. А. Кобецу, В. С. Колбасу, Е. Б. Коноваловой, П. П. Петерсу, доктору филологических наук Е. Н. Поляковой, И. В. Рогожникову, Е. П. Субботину, В. В. Семяникову, Н. Тряscyной, Н. Хановой.

Фото на 1 стр. обложки: (вверху) – Вид Петербурга. Худ. А. Сведомский (?), 1907 г., (внизу) – народный артист России Михаил Козаков в местах своего военного детства.

Фото на 4 стр. обложки: (вверху) – «Девушка в красном» (Е. Н. Гейденрейх). Художник З. Серебрякова; (внизу) – вид Молотова (Перми). Рисунок Ирины Гузиковой из окна «Дома горсовета» на ул. 25 Октября. 1944 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ КВАРТАЛ

«Здравствуйте! Спасибо вам за участие, за то, что согласились помочь нам найти могилу моего брата. Христофор Христофорович Вермишев был вывезен из блокадного Ленинграда вместе с нашей мамой по дороге жизни. Их сняли с поезда из-за плохого состояния брата, в больнице он пролежал не больше недели, после чего нам пришла телеграмма о его смерти...»

Это только одно из писем, включенных в сборник воспоминаний о ленинградцах. Письмо пришло от Ю. Х. Вермишева. Запросы о ленинградцах, живших в годы эвакуации в Молотове, поступают в Пермь почти каждый год.

В год 65-летия Победы на старинном Егошихинском кладбище установлен памятный знак в честь ленинградских блокадников, умерших в эвакуации в нашем городе. Памятник, а также реставрация и благоустройство мест захоронений эвакуированных ленинградцев, проведены в рамках проекта «Ленинградский квартал. Памяти блокадников». Проект стал победителем в XII городском конкурсе социально значимых проектов «Город – это мы!». Осуществили его активисты Пермского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) при содействии таких организаций, как хореографический колледж, центр дополнительного образования «Луч», общество «Пермский краевед», благотворительный фонд им. Ф. Граля, общество «Арабеск» и другие.

Памятник появился на территории 11 квартала, возле храма Всех Святых. Большой объем работы по благоустройству «Ленинградского квартала» провели волонтеры из Центра дополнительного образования Свердловского р-на, школы № 10, Пермского хореографического колледжа, студенты Пермского педагогического университета.

Названием для сборника воспоминаний о ленинградцах послужили строки из стихотворения, которое написал в эвакуации известный поэт Анатолий Адольфович д'Актиль (Френкель).

*На молотовских солнечных панелях
Нас можно распознать издали –
Как будто бесконечные века
Мы провели, запряженные в щелях.
Таких от нас потребовала сил
Циничная и наглая блокада,
Что, оглядев, вчера меня спросил
Случайный встречный: «Вы из Ленинграда?»*

Всего Молотовская (Пермская) область приняла и разместила на своей территории около 320 000 человек. Из 667 промышленных предприятий, эвакуированных из западных областей прифронтовой полосы, – 124 были размещены в Пермской области. Часть из них слилась с родственными заводами. С августа 1941 года в городе поселились артисты Кировского театра – не беженцы, а – делегаты, как писал тот же д'Актиль, – «мы города великого гонцы». Выбор места назначения, кстати, принадлежал дирижеру театра, нашему земляку народному артисту СССР Арию Пазовскому. Его творческая биография начиналась здесь, в Перми. Один из первых маршрутов Ария Моисеевича по родному городу лежал в любимый театр, где юный виртуоз Арик дебютировал как скрипач, а затем на Егошихинское кладбище, где похоронены его родители.

Для прибывших производств не хватало площадей, для эвакуированного населения – жилья. Людей подсаляли к местным жителям, размещали в наспех построенных бараках и даже землянках. Несмотря на трудности и лишения, люди трудились самоотверженно, и поступившее оборудование вступало в строй в исключительно короткий срок. Уже к ноябрю 1941 года около половины эвакуированных в нашу область предприятий полностью или частично вступили в строй. Производственно-техническая база местных заводов расширилась на 65 процентов по отношению к довоенному уровню. (Данные приводятся по книге «Победители – потомкам», П., 2000).

С октября 1941 года на Урал стали поступать ленинградские дети, многие из них находились уже в крайне тяжелом состоянии. Был среди них и будущий историк преподаватель ПГУ Олег Малис.

Не всех блокадников удавалось выходить, спасти. Умирили от голода труженики эвакуированных военных заводов, которых иногда хоронили в общей братской могиле, особенно в зимнее время, когда

земля промерзала. Об этом сообщила нам жительница Ленинградской области Л. М. Васильева, приехавшая в Пермь навестить могилу своей сестры Валентины Михайловны Богдановой (1901-1944). Сестра работала на велосипедном заводе (в годы войны – военное производство), умерла от дистрофии. Известно также, что далеко не всех пациентов удавалось вылечить в эвакогоспиталях, и местом последнего приюта для ленинградцев также становился старинный городской некрополь между речками Стикс и Егошихой, фактически ставший нашим, местным Пискаревским кладбищем.

«Не отдадим фашистам Ленинграда, ни площадей, ни скверов, ни палат!» – страстно призывал соотечественников поэт д'Актиль. На пермскую землю он уже был привезен смертельно больным и уйдет из жизни в ноябре 1942 года, когда ему будет всего 50 с небольшим.

В числе умерших в годы войны ленинградцев были и известные деятели культуры. На той же центральной аллее у Всехсвятского храма, где лежит д'Актиль, похоронена ленинградская, а точнее, петербургская писательница и переводчица Надежда Арбенева (1890-1954). Она настолько «срослась» с проблемами и заботами местных литераторов, что осталась здесь работать до конца своих дней. Для многих пермских литераторов ее советы были незаменимыми. Она была воплощением истинно петербургской «старорежимной» интеллигенции.

Однако десятки могил эвакуированных блокадников, похороненных в так называемом «театральном квартале», возле церкви Всех Святых, со временем оказались утрачены.

В этом кладбищенском храме в разное время также служили священниками, настоятелями выходцы из Петербурга-Ленинграда. И судьбы этих пастырей сложились просто на удивление по-разному! Александр Михайлович Толстопятов, в прошлом блестящий морской офицер, выпускник Морского кадетского корпуса, участник русско-японской войны, – станет архиепископом Молотовским и Соликамским, ему выпала честь открывать храмы в конце войны. А вот другой православный пастырь, профессор богословия А. Осипов, позже не выдержит печально знаменитого хрущевского прессинга, гонения против церкви, которой «не место в светлом коммунистическом завтра». Он станет вероотступником, будет выступать с атеистическими лекциями.

В годы войны оборвалась карьера и жизнь нескольких артистов балета знаменитой Мариинки (Кировского театра), оказавшихся на

берегах Камы в эвакуации. Место их захоронения предположительно известно, это в 11-м квартале, рядом с могилами артистов и работников местных театров. Здесь покоятся участница дягилевских «Русских сезонов» Евгения Васильевна Лопухова; заслуженный артист, балетмейстер, педагог Леонид Сергеевич Леонтьев, также участвовавший в первых Русских сезонах; орденосец Ольга Петровна Мунгалова; заведующий балетной труппой Иван Николаевич Иванов. Здесь же похоронен артист Ленинградского Кировского театра Захар Николаевич Мацин. И другие приезжие, биографии многих из них нам удалось уточнить и «прописать» в ходе работы над книгой.

Как можно забывать таких людей?! Невозможно смириться с беспомощностью, с массовым параличом исторической памяти, словно постигшим «общество развитого социализма» в советские годы. Считать, что могилы блокадников безвозвратно утрачены, никак нельзя. Целенаправленный архивный, краеведческий поиск приносит свои плоды. На территории Егошихинского Парка памяти – такой статус носит теперь старинный некрополь – совершаются открытия, появляются новые памятники.

Например, недавно была найдена могила видного геофизика Бориса Козловского, потомка А. С. Пушкина. Окончив Петроградский университет, он успел сделать блестящую карьеру в Ленинграде и Москве, а затем был арестован как «враг народа» и в годы войны искал полезные ископаемые на Урале как подневольный. За свои архиполезные открытия получил медаль и на этом основании был реабилитирован...

Выступая на открытии памятного знака в честь блокадников, пермский краевед президент общества «Арабеск» Евгений Субботин, другие участники торжества называли еще ряд фамилий деятелей культуры, судьбы которых еще предстоит уточнить. Например, у балерины народной артистки РСФСР Ирины Зубковской в годы войны здесь умер отец, Борис Израилев.

Помимо мемориального знака установлен новый надгробный памятник (в виде креста, выделенного на благотворительной основе фирмой «Ритуальные услуги») на могиле врача Михаила Михайловича Вечеслова. Прежний деревянный крест полусгнил. М. М. Вечеслов был отцом балерины народной артистки СССР Татьяны Вечесловой.

Проникновенные воспоминания оставил о жизни в военном Молокове и знаменитый балетмейстер Николай Боярчиков.

В Перми действует клуб блокадников. Этим людям хочется общаться – и им есть с кем общаться. Многие из ленинградцев остались жить, трудиться на уральской земле. Как, например, Галина Федоровна Станковская, известный архивист, выступавшая 18 сентября на открытии мемориального знака. Внимательно слушали ее ребята из хореографического колледжа, пришедшие на торжество в Парке памяти вместе со своим руководителем педагогом Анной Викторовной Смольковой. Можно с уверенностью сказать, что повезло местному театру, а с ним и всей Перми. Не уехала, осталась работать (на несколько лет) талантливый педагог Е. Н. Гейденрейх. На основе знаменитой ленинградской балетной труппы было создано хореографическое училище. И это сплетенье судеб двух театров будет всегда с благодарностью отмечаться и в городе на Каме, и в городе на Неве.

Такова уж наша общая родная история: Ленинград не оторвать от Петербурга, и наоборот... Осип Мандельштам в 1930 году написал пророческие пронзительнейшие строки:

«...Петербург, я еще не хочу умирать,

У тебя телефонов мои номера.

Петербург, у меня еще есть адреса,

По которым найду мертвецов голоса».

В советские годы популярная певица включила в свой репертуар песню на эти слова, но вместо Петербурга все же пела – Ленинград. В этом трагическом хитросплетении – тоже наша история.

Новые памятники, которые появились в символическом «Ленинградском квартале» у церкви Всех святых, стали исполнением воли и давних пожеланий потомков блокадников, таких, как Богдановы, Вермишевы, Вечесловы и многих других – тех, от лица которых поэт написал: «И всю ночь напролет жду гостей дорогих»...

Поиск продолжается, и не только на территории старинного некрополя, но и в архивах. Было бы интересно познакомиться с неопубликованными воспоминаниями артистки Ольги Мунгаловой, они хранятся в библиотеке петербургского отделения Союза театральных деятелей (инв. № 412). В перспективе на месте скромного памятного знака, установленного обществом охраны памятников, появится достойный мемориал.

Познавая историю известных, знаменитых людей, да и не знаменитых тоже, участники проекта сами словно «укореняются», становятся ближе друг другу. А молодые волонтеры постепенно приходят к осознанию простой истины: их работа способствует упрочению того, что принято называть связью времен и поколений.

В сборник включены также несколько очерков из книги В. Гладышева «Беседы в родительский день» (П., 2006), значительно переработанных, исправленных и дополненных.

Часть 1

**ЛЕНИНГРАД-ПЕТЕРБУРГ
В СУДЬБАХ ПЕРМИ И ПЕРМЯКОВ**

НАС СБЛИЖАЮТ БЕЛЫЕ НОЧИ

В 2010 году на свет появился проект, который сразу кто-то назвал «амбициозным», – культурный мост Петербург–Пермь. Он пройдет в рамках фестиваля «Живая Пермь», ставшего уже традиционным. На самом деле ничего невозможного в этих планах нет. Еще в годы перестройки в 1988 году обществом любителей балета «Арабеск» был проведен телемост Пермь–Петербург–Париж, а затем состоялся первый международный конкурс молодых артистов балета. Культурные десанты под названиями «Питерские в Перми» и «Новый Пермский период в Питере» обещают много интересного. Тем более что в основу культурного моста заложены такие глубокие, плодоносящие давние традиции и вдохновляющие деяния.

Вспомним имена, которые объединяют два наших города, вспомним эти прекрасные традиции и не менее смелые «гешефты»... 34-летний офицер, ветеран Полтавской баталии Василий Никитич Татищев, «птенец гнезда Петрова», получив новое назначение от императора, приехал из нового города на Неве на берега Камы, на Урал, чтобы основать Егошихинский завод. А спустя шесть десятков лет по указу Екатерины Великой Егошихинское заводское поселение стало городом и центром обширного наместничества. Один из первых пермских губернаторов, Карл Федорович Модерах, перед тем, как взяться наводить порядок на берегу Камы, основательно «попрактиковался» в строительстве мостов, фортификаций, набережных и зданий в «северной Пальмире».

А как без Строгановых? (И кстати, по со звучию – как обойтись во время ужина без блюда «беф-строганов», столь популярного не только у нас, но и в Европе)? Без уральских магнатов, построивших в северной столице самые красивые здания, не обойтись, и прекрасным подтверждением этому стала выставка «Строгановы – собиратели древностей», открытая в ноябре 2010 года в честь 120-летия Пермского краевого музея в Доме Мешкова. Центральное место в экспозиции заняли искусные изделия древних мастеров из коллекции Сасанидского

Сфинкс на набережной Невы

серебра, найденные столетие назад в недрах пермской земли и сохранные в Эрмитаже. Не забудем, что руководит Эрмитажем Михаил Пиотровский, ранее, во время своего приезда в Пермь, он очень интересовался пермским культурным деятелем прошлого Юзефом Пиотровским, тем самым, который вместе со своей женой основал один из первых книжных магазинов в нашем городе.

Видных российских подвижников науки, техники и искусства, культуртрегеров, объединяющих наши города, в самом деле, немало. Всех, пожалуй, не перечить. Но обязательно нужно назвать архитекторов Андрея Воронихина и Ивана Свизева, организатора объединения «Мир искусства» Сергея Дягилева, художников Владимира Оболенского, Виктора Орешникова. Обосновавшись в городе на Неве, наши земляки не потерялись, они вошли в настоящую элиту, приумножив славу отечественной культуры. Подолгу жил в Петербурге крупный предприниматель, пароходчик и меценат Александр Григорьевич Каменский. Он помогал многим нуждающимся землякам, так что круг его подопечных молодых выходцев с Урала, дерзнувших покорять столицу, можно назвать прообразом будущего пермского землячества.

В Ленинграде ярко вспыхнула звезда музыканта Генриха Терпиловского, которому суждено было стать одним из «отцов отечественного джаза». Попав под пресс необоснованных репрессий, композитор в родной город так и не вернулся, хотя делал попытки. Он выбрал местом жительства город на Каме, где и творчески работал в течение сорока лет.

Не обо всех мы смогли рассказать подробно, как они того заслуживают. Например, о таком незаурядном человеке, как Анатолий Васильевич Семченко. Он был первым председателем Пермского губсовнархоза и губисполкома, позже работал в Ленинграде на руководящих постах, возглавлял институт прикладной химии, затем Дом ученых, избирался членом Ленинградского горкома партии.

Историк-архивист Почетный краевед Перми Н. А. Аликина пишет: «Вместе со всеми жителями осажденного города Семченко строил защитные сооружения, противотанковые надолбы, натягивал колючую проволоку. Он, как и тысячи ленинградцев, забыл об удобствах и отдыхе...»

Анатолий Семченко и его жена Дора Алексеевна отказались покидать сжатый смертельным кольцом город, они сами выбрали свою судьбу. А вот судьбой талантливого изобретателя Якова Крамаренко распорядились другие, так называемые компетентные органы. В 1937 году молодого инженера Крамаренко, учившегося тогда в Ле-

нинградской Военно-Морской академии, арестовали за «соучастие в шпионаже», он был осужден Военным трибуналом Балтфлота по ст. 58е. Вины своей не признавал. Скончался в тюрьме № 1 г. Молотова в декабре 1943 года. Как удалось установить журналисту и краеведу И. Г. Ежикову, заключенный Крамаренко был переведен в камеру-палату, в корпусе санчасти он продолжал работать над своим открытием, пытаясь повысить точность наведения, создать новые приборы управления артиллерийским зенитным огнем с помощью электротехники. И в тюремных условиях Яков Михайлович Крамаренко делал все возможное, чтобы помочь одолеть фашизм... Реабилитирован ученый был посмертно.

А. Семченко

В городе Энске-Молотове в годы Великой Отечественной войны работала большая группа писателей, музыкантов, художников. Сокровища Русского музея, Третьяковской галереи в годы войны были эвакуированы на Урал, в Пермь, в Соликамск. Весной 2005 года, в пору белых ночей, в Пермской художественной галерее открывалась выставка «Спасибо, Пермь!» Выступая на открытии, директор Русского музея Владимир Гусев подчеркнул, что ни один экспонат не был утерян или поврежден, несмотря на жестокие морозы и пр. О том, какой ценой это удалось, мы можем представить, читая сегодня статьи и книги ленинградца Петра Балтуна, возглавлявшего тогда Русский музей, пермского искусствоведа Агаты Будриной и др. И ведь работа не прекращалась, вот что важно! Искусствоведы читали лекции, проводили выставки. Потрясающее впечатление оставили в душах зрителей выставки произведений Ильи Репина и Михаила Нестерова, а в залах краеведческого музея – «Ленинград в дни блокады», причем работали на устройстве этой экспозиции военнопленные немцы. Регулярно выпускались агитпроизведения, карикатуры, плакаты, «Окна ТАСС». В 1943 году состоялось просто невероятное событие – конференция и выставка на тему «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе».

Несмотря на житейские трудности, на камских берегах кипела творческая жизнь, были написаны интересные произведения. Да и те сочинения, что нельзя отнести к творческим удачам, все равно представляют для нас, нынешних, как свидетельства времени. Вениамин Каверин, автор одного из самых значительных творений,

повести «Два капитана», не раз говорил о том чувстве благодарности, которое испытывали блокадники к нашему уральскому городу, ставшему для них «крышей в большой шторм» (из письма писателя краеведу В. С. Колбасу).

Можно с уверенностью сказать, что повезло местному театру, а с ним и всей Перми. На основе знаменитой ленинградской балетной труппы было создано хореографическое училище. И это сплетенье судеб двух театров будет с благодарностью отмечаться и в городе на Каме, и в городе на Неве. Интересно, что оба города вернут себе перво-зданные имена, только Пермь станет «сама собой» на несколько десятилетий раньше Санкт-Петербурга. Перефразируя известные пушкинские строки насчет московского пожара в войну 1812 года, можно и о Перми сказать, что эвакуация способствовала ей много украшением.

«ЭТОТ ЧЕЛОВЕК СИЛЬНЕЕ ГИТЛЕРА» (Шостаковичи на Урале)

*...В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся*

*Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле.
И пела, словно первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.
Анна Ахматова. «Седьмая», 1958 г.*

...Выберем же время, послушаем еще раз Седьмую («Ленинградскую») симфонию Шостаковича. И, слушая, посмотрим на автора гениальной музыки глазами его современника, написавшего в 1941 году: «Первое впечатление – слабости и беспомощности – чрезвычайно обманчиво. За тонкими чертами лица – мужество, сила и большая непреклонная воля».

Доска на одном из зданий в Самаре (Куйбышеве)

В то тяжелое время Дмитрий Шостакович работал не только над симфонией. Он писал и частушки, и «Песнь дивизии» для народного ополчения, и «Клятву наркомуну» (на слова В. Саянова). Он был вместе с народом, разделяя его боль и тревоги.

«Этот человек сильнее Гитлера», – такую характеристику дала Дмитрию Шостаковичу поэт Ольга Берггольц. Лучшего определения трудно придумать.

Не так давно одна из пермских газет написала, что свою знаменитую симфонию Дмитрий Дмитриевич создавал в нашем городе, хотя бы частично. Правда, документальных подтверждений этому сенсационному факту не приводилось, кроме ссылки еще на одну газетную публикацию. Известно, что в эвакуации композитор был в Куйбышеве, ныне Самаре. Там есть и мемориальная доска, удостоверяющая факт пребывания Д. Д. Шостаковича.

Но с Пермью, с Уралом судьба рода Шостаковичей ил самом деле связана очень тесно...

О службе и достоинствах

В начале 1980-х годов в Пермь приезжала известный музыкальный критик С. М. Хентова. В интервью, данном городской газете, она рассказала о ранее не известных фактах, связанных с происхождением композитора Дмитрия Шостаковича. О том, в частности, что прадед его, Петр Михайлович, ветеринарный врач по профессии, «многие годы жил в Перми». По данным этого музыковеда и биографа Д. Шостаковича, из Вильно Петр Михайлович был «выдворен в 1830 году за революционную деятельность». Вместе с ним в ссылку поехала молодая жена Мария (Ясинская). Музыковед поделилась также своим предположением о том, что похоронен предок композитора на пермском кладбище.

Еще более незаурядной личностью, по мнению С. Хентовой, был дед композитора, Болеслав Петрович, который родился в 1845 году в Перми. Именно он организовал побег из тюрьмы Ярослава Домбровского, будущего генерала Парижской коммуны. Странно, но пермских краеведов не заинтересовало сообщение маститого музыковеда. Во всяком случае, на протяжении десятилетий не появилось ни одной сколько-нибудь серьезной статьи на данную тему.

Недавно автору этих строк удалось найти в Государственном архиве Свердловской области уникальный документ. Это формулярный список «О службе и достоинствах ветеринарного врача Петра Михайловича Шестаковича (так писали тогда фамилию. – В. Г.),

1847 года». Из документа мы узнаем, что прадед композитора состоит в чине коллежского регистратора (14-й класс Табели о рангах), что он назначен ветеринарным врачом в Екатеринбург; что ему 38 лет, вероисповедания католического, из крестьян. В графе «Недвижимое имение» указано, что родовых имений не имеют ни Петр Михайлович, ни его жена, а «благоприобретенное – в городе Екатеринбурге деревянный дом».

Послужной список П. Шестаковича еще краток. В 1834 году поступил в Императорскую медико-хирургическую академию вольнослушателем, через два года был определен в казенные воспитанники. В 1837 году удостоен степени ветеринарного помощника 1-го отделения и принят сверх штата в город Орел.

Указом господина министра внутренних дел с 15 декабря 1844 года Петр Шестакович назначен на должность ветеринарного врача при екатеринбургских горных заводах. В 1846 году прадед композитора получает чин губернского секретаря со старшинством (12-й класс Табели о рангах).

Таким образом, дата высылки П. Шестаковича, приводимая ранее биографами, совсем иная. Не подтверждается документами и версия о ссылке на Урал. Судя по всему, Петр Михайлович оказался здесь, пойдя на повышение после нескольких лет работы помощником ветеринара в городе Орле.

Обратим внимание на лаконичный ответ «Не бывал», стоящий в графах формулярного списка: не бывал – в походах и сражениях, в отпусках и отставках, а также в штрафах и под судом (! – В. Г.).

В графе «Семейное положение» отмечено, что Петр Михайлович женат, имеет детей: сыновей Владислава шести лет и Болеслава пяти лет, дочерей Констанцию восьми лет и Камиллию семи лет. Жена и дети также вероисповедания католического.

Как видим, сведения, сообщенные С. Хентовой пермскому журналисту, с формулярным списком совпадают далеко не во всем. Можно предположить, что она основывалась не на документальных источниках, а на семейных легендах и преданиях. Не опровергая сам факт причастности молодого Петра Шестаковича к национально-освободительному движению, развернувшемуся в Польше в 1830-е годы, мы убеждаемся, что обстоятельства и хронология его «выдворения» были иными, чем те, что указывались биографом.

По мнению историка Б. С. Шостаковича (он приходится праправнуком Болеславу Шостаковичу и назван в его честь. – В. Г.), Петр Шестакович происходил «из обедневшего польского дворянства в Литве». Ученый полагает, опираясь на неопубликованные воспоминания

нания прапрадеда, что Петр Михайлович «...по всей вероятности, являлся участником польского восстания 1830–1831 гг. и в свое время подвергся ссылке на Урал». Фрагменты воспоминаний под названием «Записки Неудачина» хранятся в семейном архиве иркутских Шостаковичей. Мы познакомились с этими интереснейшими документами благодаря любезности профессора Б. С. Шостаковича, за что очень ему признательны.

В «Записках Неудачина» есть немало сведений, ценных для биографов рода Шостаковичей, например: «...В Екатеринбурге, в городе, в котором я (то есть Болеслав Шостакович. – В. Г.) провел детство, жило несколько поляков, сосланных «за тридцатый год». Одни из них были переведены сюда, как, например, мой отец, на службу, другие – отданы в солдаты...»

В зарубежной версии происхождения композитора также встречаются неточности. Эрик Роуберри в книге «Шостакович» пишет, что эта фамилия – «польская, а история отношений России с Польшей, бывшей колонией Российской империи, была бурной и беспокойной». Далее Э. Роуберри сообщает, что прадед Дмитрия был сослан в Сибирь «после взятия Варшавы» (в 1830 году), а его отец, Болеслав Петрович, «активно участвовавший в восстании 1863–1864 годов, находился под арестом за укрывательство революционера, которого потом повесили». (Имеется в виду, конечно, Я. Домбровский.)

Еще одно документальное свидетельство о пермских годах жизни Шостаковичей мы находим в «Памятной книжке Пермской губернии на 1863 год» (это первое справочное издание, которое регулярно издавалось вплоть до 1917 года). В данных по Гороблагодатскому округу сообщается, что ветеринарным врачом Кушвинского завода состоит титулярный советник (это 9-й класс Табели о рангах, а позднее прадед композитора дослужится до 8-го класса, получив чин коллежского асессора. – В. Г.) Петр Михайлович Шестакович.

Кушвинский завод находился у горы Благодать, в восточной части Пермской губернии, севернее Нижнего Тагила. Предприятие основано казной в 1735 году, когда в этих местах открыли залежи железной руды. В 1860-е годы управляющим завода был капитан корпуса горных инженеров Василий Федорович Фельдгаузен.

В «пермской глуши» (выражение С. Хентовой) у супругов Шостаковичей появились дети. Вскоре семья переселилась в Екатеринбург, где Петр Михайлович приобрел некоторую врачебную известность: в то время ветеринарный врач с высшим образованием мало чем отличался от врача широкого профиля, особенно в российской глубинке.

Почетный гражданин

Семья Шостаковичей жила на Урале почти все время на последнюю копейку. И подросток Болеслав уже со старших классов уездного училища был вынужден заниматься репетиторством.

В жизни Болеслава был период, когда он хотел вернуться на жительство в Пермскую губернию – фактически, на свою родину. В конце 1860-х годов он жил в Томске. Испытывая постоянные денежные затруднения, Б. Шостакович написал прошение о переводе в город Екатеринбург, где отец мог бы помочь ему устроиться на службу. Власти ответили на просьбу отказом.

Все невзгоды с «мучениками польского дела» нередко делили их жены и подруги. Конечно, эти «декабристки» заслуживают упоминания... Болеславу Петровичу повезло: в лице Варвары Гавриловны он нашел не только верную жену, но и соратницу, единомышленницу. Избранница его сердца была русской, происходила она из семьи саратовского казначея Шапошникова. Приведем несколько строк из письма, написанного Варварой Гавриловной перед отъездом к мужу в Томск:

«...Перспектива бедности очень неприятна; но перспектива жизни одинокой, без любимого человека, еще хуже для меня. Из двух зол выбираю меньшее... а потому и выбрасываю все тягостные мысли. Будем работать, трудиться и, насколько сможем, отстроим от себя бедность» (Цитируется по: Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири: Сб. статей. – Новосибирск, 1978).

В 1870 году у Шостаковичей появилось прибавление в семействе: родился сын Владимир. И в том же году получено высочайшее соизволение, разрешающее ссыльному жить в пределах Пермской губернии «...с тем, чтобы был там под надзором полиции и чтобы для жительства не был назначен в город Екатеринбург».

Естественно, запрещение жить в Екатеринбурге никак не могло устроить Болеслава Петровича. Пропадал всякий смысл перемены места жительства. Он продолжал перебиваться случайными заработками. Его супруга, Варвара Гавриловна, различными рукоделами помогала добывать средства к существованию. Положение обострилось с 1871 года, когда умерли и Петр Михайлович, и его старший сын Владислав, который устроил своего ссыльного брата Болеслава в Томске и поддерживал его.

Став основным кормильцем семьи – матери, младшего брата, сестры – Болеслав Петрович проявил свои лучшие качества, талант и стойкость характера. Вместе с тем можно сказать, что сама жизнь заставила его отойти от бунтарских увлечений, он посерьезнел, приобрел вес в глазах общества.

Однако в душе своей он оставался все тем же неутомным поляком. Из донесения Третьего отделения господину министру внутренних дел (ноябрь 1872 года):

«...Шостакович, вкравшись в доверие председателя Томского губернского правления Михаила Берестова, определился на службу по вольному найму в Томскую городскую управу и забрал в свои руки (! – В. Г.) все управление... Шостакович оказывается крайне ловким, вкрадчивым, с большим авторитетом среди ссыльных».

Б. Шостакович открыто объявлял, что «никогда убеждений своих не изменит». Известный деятель народнической организации «Земля и воля» Л. Ф. Пантелеев назвал его в воспоминаниях «примером верности идеалам шестидесятничества». Болеслав Петрович разделял взгляды, мысли ссыльных, поддерживал их, чем мог. Один из них, М. Худяков, писал:

«...Если вас спросят, кто самый несчастный человек на свете, – отвечайте: тот, кто поставлен в бесконечно-бессрочное бездействие и гниет заживо не от отсутствия сил и способностей, а от отсутствия возможности употребить их в дело».

Состояния никто из Шостаковичей так и не приобрел. Не на то были направлены их силы, их устремления. Хотя о Болеславе Шостаковиче, например, отзывались так: «Замечательные деловые способности, как и нравственная безупречность, везде его выдвигали и внушали к нему уважение».

Когда семья Шостаковичей перебралась жить в Иркутск, Болеслав Петрович в короткое время завоевал уважение сограждан, которые выбрали его гласным городской думы. Будучи управляющим Иркутским управлением Сибирского торгового банка, он получил в 1892 году звание почетного гражданина. И вместе с этим – право повсеместного проживания. На сей счет в Министерстве внутренних дел имелась рекомендация иркутского генерал-губернатора, который наблюдал деятельность Б. Шостаковича, связанную с торговыми и финансовыми операциями, нередко пользовался его советами и «отдавал справедливость его опытности, знанию дела и готовности прийти на помощь всякому хорошему начинанию в крае».

С Сибирью он, можно сказать, сроднился и долгожданным правом выбора места жительства не воспользовался. Некоторое время Болеслав Петрович (бывший ссыльный! – В. Г.) исполнял обязанности городского головы Иркутска, но министр внутренних дел не утвердил его в этой должности.

Большую часть своего времени Б. Шостакович уделял общественным и научным делам, краеведению, часто публиковал статьи в

«Восточно-Сибирском обозрении». Именно он добился того, чтобы в крае была увековечена память видного ученого и путешественника Яна Черского. Он также исследовал пик, который впоследствии будет назван пиком Черского.

Прекрасные организаторские, научные способности Болеслава Петровича, его неумная тяга к знаниям, без сомнения, передались детям и внукам. В роду Шостаковичей немало ученых, инженеров, общественных деятелей. Кстати, отец композитора, Дмитрий Болеславович, также увлекся краеведением, написав ряд исследований по истории быта северных народов.

В поисках родных могил

Они очень похожи внешне, дед и внук, Болеслав Петрович и Дмитрий Дмитриевич. В этом может убедиться каждый, взглянув на их фотографии в молодости.

Схожи они и характерами. Весьма любопытна дискуссия, разгоревшаяся между людьми, хорошо знавшими Д. Шостаковича, любившими его творчество и его самого.

Советская писательница Мариэтта Шагинян, опубликовавшая переписку с композитором в книге «50 писем Д. Д. Шостаковича», можно сказать, бросила в его огород один маленький камешек:

«...Впечатление от его личности еще более сильное, чем от его музыки – очень хороший, чистый, непосредственный, без фальши, но есть много от польского национального характера...»

И далее она размышляет о его хрупкости, ломкости и тому подобном. Михаил Зощенко, также бывший добрым знакомым композитора, не соглашается с писательницей:

«Вам казалось, – пишет Михаил Михайлович, – что он «хрупкий, ломкий, уходящий в себя, бесконечно непосредственный и чистый ребенок». Это так. Но если бы было только так, то огромного искусства (как у него) не получилось бы. Он именно то, что Вы говорите, плюс к тому – жесткий, едкий, чрезвычайно умный, пожалуй, сильный, деспотичный и не совсем добрый (хотя от ума добрый). Вот в таком сочетании надо его увидеть. И тогда в какой-то мере можно понять его искусство...»

...Много лет спустя, в 1969 году, Дмитрий Шостакович посетит места, связанные с жизнью его предков. Побывает в Иркутске, доберется до поселка Листвянка, где когда-то жил его дед. В санаторий «Байкал» к нему придет его двоюродный брат Сергей Шостакович, историк, получивший известность как автор книги об А. С. Грибое-

дове. Композитор хотел найти могилу деда, поклониться его праху. Но, увы... От брата Дмитрий Дмитриевич узнает печальную новость о том, что могила Болеслава Шостаковича не сохранилась: теперь на месте старого кладбища разбит парк...

Могила его прадеда, приехавшего в начале 19-го века в Пермскую губернию «за лучшей долей», как говаривали в старину, также не сохранилась. Одно время считалось (с подачи московского биографа композитора), что Петр Михайлович Шостакович похоронен «на старом пермском кладбище», т. е. Егошихинском. В книге «Поляки Прикамья» (П., 2004) даже приведены фотография символического памятника и текст эпитафии в честь П. М. Шостаковича. Однако по сведениям екатеринбургских краеведов предок композитора завершил свой жизненный путь в Екатеринбурге.

Триумфальное покорение Дмитрием Шостаковичем нашего города свершилось в ноябре 1942 года, когда в местном театре состоялась премьера его симфонии. Дирижировал замечательный музыкант, народный артист СССР Арий Пазовский, который находился здесь в эвакуации. Кстати, для него Пермь была родным городом. В свое время юный Арик Пазовский брал уроки у легендарного скрипача Людвиг Винярского, прозванного меломанами «пермским Штраусом»...

В начале 1980-х годов на сцене Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского состоялась еще одна примечательная премьера. Забытое сочинение Д. Шостаковича «Сказка о попе и работнике его Балде» обрело в Перми новую жизнь в жанре народно-балаганной комической оперы. Написана она была в 1933-1936 годах как мультипликационная киноопера. Но отснято было всего несколько частей: завершить съемки помешала война. Во время блокады Ленинграда ноты сгорели. Восстановить партитуру пермским постановщикам удалось по заготовкам и отрывкам с помощью вдовы композитора. Воистину, рукописи не горят...

...И СИЯЕТ В НОЧИ ЛЕНИНГРАД!

Чудесные студенческие годы! Кто из выпускников не вспоминал их, обуреваемый противоречивыми чувствами, тут и радость, и грусть, и светлая ностальгия. Передо мной фотография студентов Пермского университета 1920-х лет. Веселая стайка симпатичных молодых людей смотрят на нас – в будущее – с уверенностью

и надеждой. Эти друзья (см. фото) – самые активные авторы и создатели ЖТГ – Живой Театральной Газеты. Экспериментальный орган представлял собой и литературный журнал, и театр, нечто подобное позднейшим студенческим скетчам.

И ведь всех наших фигурантов, «остановивших мгновение», ждет действительно большое будущее! Кудрявый молодой человек в первом ряду в центре – это

Евгений Висов-Непряхин, редактор ЖТГ и будущий писатель, получивший широкую известность под псевдонимом Евгений Пермяк. Девушка в самом центре живой пирамиды – Елена Вечтомова, тоже будущий писатель. Именно по ее, Елены, поводу и собрались молодые соратники по перу. Сфотографировавшись на память, каждый из них оставил на обороте снимка свои пожелания, и шуточные, и серьезные.

«Счастливо – лировать!» (от слова лира – авт.)

«Все проходит... пройдет, остынет... как мечтой свои дни ни ку-тай...»

«И ненавидим мы, и любим мы случайно... так?»

«Гроза м...орей!...»

«Хочется счастья... Как же без счастья? Можно же счастья хоть раз!»

«Встряхнет и растащит в разные стороны, но, черт возьми! Разве забыть «гениальность на час», остроумие во время подготовок к зачетам?? Ни-ко-гда!!!»

«И мне странно, что ты такая маленькая нужна для счастья мне – такому большому!»

Крупными печатными буквами – фраза: «...И сияет в ночи Ленинград!»

В этой ключевой фразе и заключался повод для памятного фото. Елена Вечтомова уезжала в Ленинград, переводом на 3-й курс литфака ЛГУ. Как выяснится – уезжала навсегда, там она нашла свою судьбу, там написала свои главные книги, одна из которых – «Повесть о матери» (О Марии Александровне Ульяновой) – была издана многократно.

*Подруги юности Е. Вечтомова (справа),
Е. Сборовская (слева)*

Новоиспеченная ленинградка родной город никогда не забывала, часто приезжала, переписывалась с друзьями, особенно дружила с Женей Сборовской (Голдобиной). В Перми Елена оказалась после того, как ее отец переехал сюда на работу врачом. Пережили трудное голодное время. Андрей Александрович Вечтомов помогал восстанавливать молодой университет, в самое тяжелое для Урала время. Работал преподавателем лет 15, одновременно практиковал в госпитале, в хирургической клинике, в бывшей Александровской больнице. Дочь окончила в 1926 году школу 2-й ступени (девятилетку, ныне школа № 21) поступила в университет на педфак (см. документы семьи Вечтомовых в краевом архиве ГАПК: ф. Р790 оп.1 д.3956).

Литературные способности у Елены проявились еще в школе, она писала и стихи, и прозу, но первые сборники у нее вышли в Ленинграде. Впрочем, подающую надежды писательницу, ее яркий общественный темперамент заметили еще на Урале. Несмотря на молодость, она была избрана членом правления Пермской Ассоциации пролетарских писателей и даже участвовала в съезде УралАПП в Свердловске. Публиковалась в газетах «Звезда» и ее приложении «Страда», «Уральский рабочий», в университетском альманахе и журнальчике «ЖТГ». Кстати, редакция «живгазетчиков» размещалась на мансардном публичной библиотеки (ныне им. Пушкина). Это было удивительное место общения, кипучая жизнедеятельность авторов «Живой театральной газеты» привела к тому, что с ними общались во время приезда в Пермь известные люди, бывали на в мансарде и Н. К. Крупская, и сам Владимир Маяковский.

Жизнь распорядилась дарованиями Елены Андреевны, по-моему, не очень-то справедливо. В советские годы ее повелось считать чуть ли не автором одного произведения. «Повесть о матери» принесла ей несомненные дивиденды, материальное благополучие, но сильно заузила творческий диапазон. На экземпляре этого произведения, выпущенного в изд-ве политической литературы в 1970 году, в год 100-летия В. И. Ленина, мы читаем такой автограф: «Моей дорогой Пермской библиотеке им. Горького с надеждой, что «зачитают» книжку до дырок. Иначе – не оправдаю Ваших надежд. Е. Вечтомова. 4. 8. 70. Ленинград».

А вот в другом автографе, на экземпляре журнальной публикации повести («Нева» № 1-1970) чувствуются совсем иные нотки:

«Дорогому многострадальному другу – Жене Сборовской (Голдобиной), вытерпевшему самый трудный – первый этап зарождения этой повести. С глубокой благодарностью! Автор». На второй книж-

ке (повесть печаталась в двух номерах) Е. Вечтомова пишет тому же адресату: «Ну, вот теперь, Женюра, можешь судить обо всем, что я сотворила!».

Не будем здесь судить строго автора за то, что она «сотворила». Скажем только, что образ матери вождя мировой революции получился у автора живым, не ходульным, но достаточно традиционным. Теплее всего, более полнозвучными красками написан, как ни странно, образ Машеньки Бланк, т. е. до замужества. И вообще сцены пермской жизни героев повести, в частности, страшного пожара 1842 года, выписаны довольно колоритно. Чувствуется, автор покореппела в архивах, владеет материалом, хоть и не сопоставляла разные источники. Впрочем, земляки писательницу не критиковали совсем. Положительную рецензию в «Вечерней Перми» написал и маститый пермский журналист Савватий Гинц, лично знавший Вечтомову еще студенткой, опубликовавший ее стихи в «Звезде».

Интересно, что журнальный вариант повести содержит ряд сцен и эпизодов, сокращенных в книге. Например, сцена посещения Перми августейшим лицом – герцогом Лейхтенбергским. Все дело в том, что его высочество выведен автором в положительном свете, ведь он дал вольную двум талантливым крепостным иконописцам Казакову и Лодейщикову, определив их затем в Академию художеств. Редакторы убрали такую ненужную «малость». Автор, однако, больно переживала, билась за каждую художественную «малость».

Стихи она не бросала, и вот они-то, на мой взгляд, представляют сегодня интерес. В стихотворении «Возвращение» Елена Вечтомова признается:

*А я считала родиной Урал
И от него вовек не отрекалась.
Он целый мир мне щедро открывал,
Учил всем сердцем видеть даже малость...*

Ленинград одарил Елену Андреевну и большим светлым чувством. Ее друг Юрий Инге также был даровитым поэтом... и неутомным путешественником, бродягой-романтиком в душе. В стихах это очень чувствуется. В «Странствии» Юрий признается в любви ко всем, кто тепло встречает его в разных концах огромной страны, с кем он и плоты водил, и рыбу ловил.

*В незапамятное утро
Я услышал хор пернатых
За отрогами Урала,
Где весною птичий слет...
(Город на Каме, 1984 г.)*

Поражает одно его творение, почти пророческое по мысли и очень созвучное по духу нашим нынешним спорам о «примирении истории».

*Придет пора: заплесневев порох,
Потухнет злоба, мир изменит вид,
И все, что нынче побеждало в спорах,
Лишь в сказках превосходство сохранит.
Наступит день, и может быть, мой правнук
Закончит дело, начатое мной,
И наших дней торжественную правду
Он назовет последнею войной.
Не зная, как на поле битвы горек
Вкус бьющей горлом крови и слюны,
Он подойдет бесстрастно, как историк,
К неповторимым ужасам войны...*

Нельзя не поразиться: эти слова написаны 28-летним поэтом в 1933 году, когда до войны еще кажется так далеко.

Елене Андреевне суждено было прочитать последние стихи Юрия после его гибели. Он отдаст свою жизнь в августе 41-го, исчезнув в холодных водах Балтийского моря. В 1941 году Ю. Инге еще напишет свой страстный призыв-репортаж в стихах «Морские охотники», кончавшийся словами агитки: «Так зорче смотри, краснофлотец, за морем Балтийским своим». В первые месяцы войны он создаст также стихотворение, в котором уравнивает труд и героическую гибель на посту двух человек, бойца и живописца.

В первый день войны по ленинградскому радио несколько раз транслировали выступление тов. Молотова, а после него – поэму Юрия Инге «Война началась». С первых месяцев войны Елена Вечтомова и Юрий Инге работали фронтовыми корреспондентами, писали историю воинских частей. Накануне своей гибели Юрий уехал в Таллин, утверждать написанную им историю минного заградителя «Марти», бывшей царской яхты «Штандарт». Елена потом пройдет по последнему маршруту мужа, она и работать будет в той же редакции, где служил Инге, в газете «Красный Балтийский флот». Позже подготовит к изданию его произведения, стихи.

Из осажденного Ленинграда Вечтомова не уедет, останется в городе вместе с двухлетним сыном Сережей. Зимой 41-го она напишет отцу в Архангельск: «Живу как в Перми, только труднее». Он вполне понял ее эзопов язык: в начале 1920-х годов они в Перми голодали. Пермь, студенчество она вспоминала часто. В своих мемуарах, опу-

бликованных в журнале «Урал», Елена Вечтомова еще сделает такой вывод: «Так складывался характер моего поколения».

На эту же тему она не раз беседовала и с Анной Ахматовой. Однажды Ахматова подарила Елене свой сборник с автографом: «Автору тревожных стихов». Первый сборник стихов «Своими словами», вышедший в 1939 году, Вечтомова выпустила с посвящением: «Уральским друзьям». Были там и стихи, которые нравились молодому Аркадию Гайдару в бытность его корреспондентом «Звезды», вот они:

*Розовый до дерзости шиповник
Глупости болтает у окна,
Прыгнула ко мне на подоконник
Милая курьинская луна...*

КАРТИНА В НАСЛЕДСТВО

Первое неформальное объединение пермяков – землячество, можно сказать, появилось на берегах Невы под эгидой пароходчика Каменского.

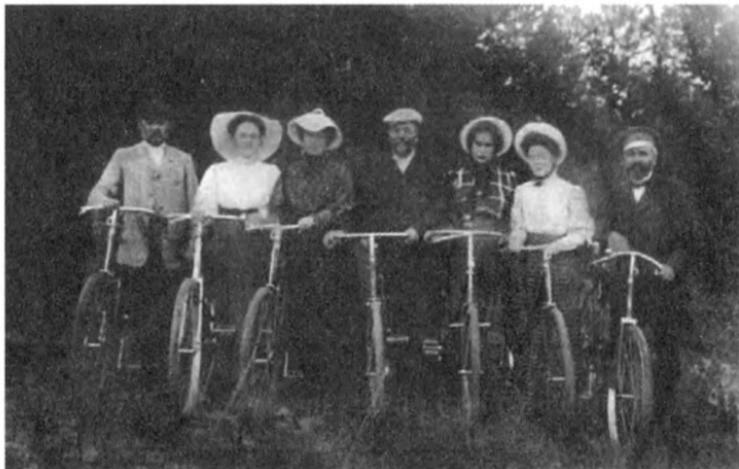
В дореволюционное время в Петербурге жили, учились, работали многие уральцы, выходцы из Перми. Можно сказать, уже тогда в столице существовало неформальное пермское объединение. Крупный предприниматель, пароходчик и благотворитель Александр Григорьевич Каменский большую часть года жил в Петербурге. Благодаря его заботам сумел выучиться на живописца, окончить Академию художеств молодой талантливый самородок-пермячок Алексей Зеленин. Жил он в свои петербургские годы в доме Каменских. Зеленин стал в те годы автором сенсации: картину молодого художника «На дне моря», появившуюся на петербургской академической выставке, приобрел для своей

*Питерец Николай Заозерский,
потомок старинного пермского рода*

коллекции великий князь Сергей Александрович. Съездив в Париж (конечно, на средства своего благодетеля), Алексей Несторович Зеленин потом всю жизнь творчески работал в Перми.

Со временем в Петербурге обосновались другие пермяки, не порывавшие, однако, связей с родным городом. Причем притяжение северной столицы передавалось, случалось, из поколения в поколение. В этом мы убедились, проследив родословие двух пермских семей.

Фото из ленинградского альбома: пионеры пермского велосипедного туризма, в центре – инженер М. М. Гладышев, вторая слева – его дочь Лида, пережившая блокаду.

Одним из самых необходимых и преуспевающих специалистов на заводах и в пароходстве Каменских считался инженер Михаил Михайлович Гладышев. Будучи гласным (депутатом) городской думы, он также выполнял различные ответственные работы по городскому хозяйству, по электрификации улиц и помещений. Кроме того, Михаил Михайлович в числе первых стал осваивать фотоискусство, пропагандировал велосипед, поддерживал другие новшества. В доме Гладышевых на Набережной часто звучала музыка, хорошее разностороннее образование получила дочь Лида. В советские годы после смерти главы семейства осиротевшие женщины вынуждены были сменить место жительства. О судьбе этой известной пермской семьи нам поведал известный краевед И. В. Рогожников, оказавшийся дальним родственником Гладышевых.

– Дочь инженера Гладышева Лидия Михайловна вышла замуж за предпринимателя и строителя Хартупари и уехала Ленинград. Жили там они на ул. Казанской, 42. Устроилась работать она в архитектур-

ное ведомство. Позднее к ней переехала жить и ее мать, Екатерина Александровна. Жили хорошо, не нуждаясь ни в чем. Но в 1937 году арестовали мужа Лидии, и из заключения он уже не вернулся. Так что войну и блокаду женщины встречают одни. В 1942 году умирает Екатерина Александровна, и Лидия остается одна. Пережила она, конечно, многое, но все перенесла, все стерпела. После войны мой отец ездил к ней в гости, и она часто бывала в Перми. А в 1959 году Лидию Михайловну парализовало, за ней ездили мать моего отца с сестрой. Поменяли ее ленинградскую квартиру на Пермь, но пожить на родной земле бывшей блокаднице довелось немного... Похоронили Л. М. Гладышеву вместе с моей прабабушкой Зоей Дмитриевной Сапегинной. После кончины вещи и мебель были распределены честно и равномерно среди членов разветвленного семейства Рогожниковых. В нашей семье осталась картина известного художника Павла Сведомского – «Портрет Ольги Ковалевой», жены управляющего Михайловским заводом, именем Сведомских. Был еще один пейзаж Сведомских, «Пруд в Михайловском», но эта чудесная вещь (сужу по фотографии) пропала, ее утратили просто по глупости. У родственницы остались роскошные просто альбомы с интереснейшими фотографиями, где семьи Гладышевых и Каменских часто и отдыхают, и работают вместе.

Неисповедимы пути господни!.. Когда мы с Игорем Владимировичем собрались навестить эту родственницу, Елену Николаевну, владелицу старинных фотоальбомов, оказалось что живет она на ул. 1-й Колхозной, в одном доме и даже одном подъезде с моей сестрой! Посмотрев и скопировав ценнейшие, редкие снимки, некоторые из которых сделаны самим Михаилом Гладышевым, членом первого пермского фотографического общества, мы, конечно, спросили хозяйку, находились ли две семьи Гладышевых в родственных связях. Но Елена Николаевна (ныне, увы, уже покойная) сведений на сей счет не имела. Известно только, что обе семьи – выходцы из старообрядцев, из крепких справных семей. Однако Михаил и его сестра Анна рано лишились родителей, что с ними случилось, какая трагедия произошла – неясно, тайна покрыта мраком. Тогда-то сирот и взяли на попечение местные магнаты пароходчики Каменские, воспитали, дали образование, устроили, в общем, всю их будущую жизнь...

В доме на Колхозной, в обычной «пятиэтажке» в квартире Елены Николаевны мы успели полюбоваться и на старинную мебель, хотя ее осталось немного. Ведь часть обстановки в блокадном Ленинграде Л. М. Гладышевой пришлось использовать как дрова... Жаль, конечно, но то были экстремальные условия, блокада. А очень обидно

то, что после ухода из жизни последней владелицы этих реликвий ее молодая наследница, спешно продав квартиру, все старинные вещи попросту растранижила как ненужную рухлядь. Ничему-то нас время не учит...

Надгробные кресты на могилках Михаила Михайловича Гладышева и его дочери блокадницы Лидии Михайловны мы с И. В. Рожниковым реставрировали. Могилы паромщиков Каменских не сохранились, потому что их фамильные склепы в пермском Успенском женском монастыре были до основания разрушены и растащены по камешку в 1930-е годы. И только недавно на старинном Егосихинском кладбище был установлен памятник в честь последнего из дореволюционного рода Каменских, Ивана Григорьевича, – члена Госсовета Российской империи, паромщика. Как и его родители, основатели паромства и заводов, как и его брат Александр, Иван Каменский также был, по семейной традиции, храмоздателем и меценатом.

ПАМЯТНИК В РУИНАХ ХРАМА

Давно, еще во время своей срочной службы в армии, я поставил себе задачу: побывать во всех местах отцовской службы. А это, считай, вся Россия-матушка, от Дальнего востока до Мурманска и Ленинградской области. План начал исполнять уже во время студенчества: по окончании 3-го курса, пройдя производственную практику в районной газете на «отлично», я получил право выбирать место следующей практики. И я сразу нахально ткнул пальцем в кружочек на карте с манящим названием «Владивосток». Когда я ещё заработал бы на столь дальнюю дорогу! И полетел через всю страну с отцовской присказкой на устах: «Полундра, матросы палубу грызут!» А после университета, уже будучи корреспондентом областной «молодежки», я, наконец-то, исполнил свою мечту – рванул в Ленинград, но главным пунктом для меня был, конечно, Шлиссельбург.

И вот там, в крепости «Орешек», я увидел, узнал своего отца... Ведь это он, а точнее, такой же, как он, морпех в тельняшке, с автоматом в руке застыл в вечном броске, преградив путь неприятелю. Памятник защитникам крепости стоит прямо среди развалин церкви, её руины стали составной частью мемориала.

В отцовском архиве сохранилось единственное письмо от боевого однополчанина Александра Гавриловича Осипова, который жил

в Ульяновской области. Фрагмент из письма приведен в книге «Беседы в родительский день» (П., 2006), но в том издании я не указал фамилий ни автора, ни адресата, и это вызвало вопросы читателей.

«Федя, милый мой друг, я прочитал письмо несколько раз и никак не мог поверить своим глазам, всматриваюсь в строки, написанные тобой. Ты пишешь, что до сих пор лежишь в госпитале, всё лечишь рану, которой уже четыре года...

Ты спрашиваешь, чем тебя наградили в старом полку. Не сумею тебе сказать, потому что весь полк разбили в тот момент, когда тебя ранило, я тоже выбыл по ранению в глаз... А командир батареи, в то время у нас им был Казаков, погиб под Нарвой. Сейчас трудно, конечно, восстановить, чем ты был награждён.

После госпиталя я попал в другой полк и с тем полком дошёл до Берлина, откуда приехал домой в 1945 году 22 августа.

Насчёт наших старых друзей. Гриша Салатон погиб. Федя Гуров, который заведовал каптёркой и ряд других товарищей тоже погибли...

До свидания, дорогой мой друг! Александр Осипов. 22 октября 1947 год».

Сквозь строчки писем от фронтового друга проступают скупые мужские слезы и суровые реалии жизни, причем не только фронтовой. Сашка, отцовский однополчанин, честно писал, что устроился неплохо, работает парикмахером. И также честно признавался, что «из Германии привез кое-какое барахлишко, посылками посылал, одним словом, живу». Перечисление трофеев моего батю как-то не интересовало. Он берег только свою форменку и полосатые тельники, сложенные стопкой в шкафу.

Об отце я вспоминаю иногда... с зубным скрежетом. Фронтовик, контуженный в боях под Ленинградом, напрягая память, страшно, неприятно скрипел зубами. (Моя мачеха, Степанида Киприяновна, сразу уходила в такие минуты из комнаты: «У-у, опять заскрипел...»)

Памятник защитникам крепости «Орешек»

– Полундра! Матросы палубу грызут, – смеялся батя, словно очнувшись. И... почти ничего не мог рассказать мне о своих боевых приключениях. Память отшибло.

Происходили наши беседы, чаще всего, когда отец был навеселе. Я тогда учился, в начальной школе, подступался к нему с расспросами. Некоторые эпизоды удалось записать... всё это были обрывки воспоминаний, как вспышки ракет.

– Нас фриц боялся... Полундра! «Черная смерть» называли таких. Мы были списаны с корабля на берег, в батальоны сколотили, в отдельный дивизион и на передовую... Награды были, да... Они в тумбочке, в госпитале каком-то остались, да... Столько их было, госпиталей...

За что награждали? За что-то награждали... За крепость «Орешек», это Шлиссельбург, мы оборонялись там... Там меня и ранило. За ранение тоже представили к награде. А что ещё, не помню, крепко контузило меня тогда...

Раз брали «языка», было дело. Ползли под огнем...

Ночью из комнаты снова раздавался скрип зубов... Скрипела растревоженная память «обломка войны». Так отец называл себя и таких, как он. По сохранившимся документам можно проследить боевой путь краснофлотца морского пехотинца Федора Ивановича Гладышева (1915-1977).

Моряки своих подруг не забывают

Сохранились два снимка периода службы на Дальнем Востоке, ещё до войны. На одном отец с сослуживцами, в бескозырке, с двумя знаками отличия на груди. На другом фото отец тоже в форме, в белой бескозырке, которая лихо (не по уставу) надвинута на лоб, в руках – мандолина. К музыке батю всегда тянуло, он и позже дома держал балалайку и, однурукий, изредка пытался изобразить на ней что-то.

А ещё чудом сохранился стеклянный негатив: удалой краснофлотец Гладышев прибыл домой, на Физкультурную улицу, и сфотографировался на память с молодой супругой Аней. Голова к голове, как голубки. Видимо, уже отслужил. А, может, в отпуске. Во время службы отец ещё и учился, судя по справке, окончил четыре класса. До службы, значит, учиться деревенскому парню не пришлось.

Но «недолго музыка играла». В красноармейской книжке указано: 26 июня 1941 года призван Кагановическим РВК города Молотова. В переводе на современный пермский язык – Дзержинским РВК Перми.

Полундра, пока на учениях (отец стоит, с двумя медалями)

Часть, в которой начинался боевой путь отца, называлась так: 1-я батарея 72-й мотострелковой бригады отдельного арtdивизиона 57-мм пушек. Должность – номерной. Почти за три года фронты и части, в которых воевал отец, менялись несколько раз. На Карельском фронте был истребительный дивизион 45-мм орудий.

В списке обмундирования, выданного Фёдору Гладышеву, были шапка (шлем), пилотка, шинель... Всё как красноармейцам, но вместо гимнастерки – фланелька, вместо нательной рубахи – две тельняшки, вместо шаровар – брюки суконные и брюки ватные, тёплые перчатки, сапоги, валенки (обмотки уже не выдавались), полушубок. А также кальсоны (3 штуки), полотенце (2 штуки), носовой платок (один). Вот, Фёдор Иванович, утрись разок – и войой, как командир прикажет! Бог не выдаст, свинья не съест.

По записям красноармейской книжки видно, чем приходилось воевать: винтовка 1941 года, штык, №5448. В той же графе «Вооружение и техническое имущество» указаны противогаз, плащ-палатка, каска.

Ратная служба отца закончилась 10 марта 1943 года в знаменитой Крепости Орешек. В боях за Советскую Родину красноармеец 871-го стрелкового полка был тяжело ранен. Как записано в справке медсанчасти, «осколочное ранение левого плеча с повреждением кости с последующей экзертикуляцией левого плеча».

И начались мучения, таскания по госпиталям. Из Вологды в Молотов, в барак на улице Физкультурная, 22 июня 1943 года прилетела короткая записка: «Милая Аня, мой адрес Вологда, Красно-

флотская, 84. Целую, Федя». На листочке чёрный штамп: «Проверял контролер № 27». Сохранилась одна телеграмма из городка Карчата: «Аня, жив здоров, не встречайте, выеду неизвестно когда. Ожидай письмо. Федя».

Отец частенько напевал песню «Моряки своих подруг не забывают». Была, была у него подруга и в Заполярье. Мать ждала своего Феденьку, ждала несмотря ни на что. Судя по рассказам её сестры тети Шуры, в жизни у неё были очень трудные минуты. Но – дождалась, приехал ее Феденька, хоть и «обломком».

В семье фронтовика было уже трое малых детей, когда случилось новое несчастье. Лихач, севший за руль чужого грузовика, сбил маму, когда она стояла на крыльце магазина за бутылью молока. Этот молодой паразит Костя Горлов оказался родом из Ленинграда, из эвакуированных... Судьба-злодейка так распорядилась, что город-герой вписан в нашу семейную летопись просто намертво, навечно... А спустя полвека после гибели мамы, летом 2009 года, почти на том же месте по ул. Маяковского, у бывшего кинотеатра «Темп», случится точно такое же нелепое ДТП, автонаезд, только с еще большими жертвами. Пьяный владелец иномарки врежется в группу жителей, превратив площадку в страшное месиво из костей и мяса. Среди погибших – ребенок, коляска его превратилась в блин. Лобное место рабочей окраины...

Не кроется ли в этом грозный знак всем нам, еще одно предупреждение? Русь, куда ж несешься ты?.. При таком раскладе русским остается одно – вырождение...

Если забываем своих предков, если не делаем выводы из отечественной истории.

В каждом доме свои скелеты

В каждой семье есть свой шкаф со скелетом, гласит английская поговорка. Немало потаённых комнат откроется и мне во время бесед со стариками и после архивных находок...

Как я сказал, у отца не было левой руки. С этим связано одно моё жутковатое детское воспоминание. В нашем старом доме на Колхозной, в чулане, висели на гвоздях... руки. Целая стенка из человеческих рук, изжелта-матовым светом проступавшая из полумрака. Это были протезы, которые регулярно получал отец, а носить их не мог. Культия руки болела, протезы были сделаны грубо, не для постоянной носки.

Полезь была одна: вместе с протезами выдавались инвалидные перчатки. Когда в семье инвалида трое детей, о достатке говорить,

не приходится. Послевоенная жизнь была полуголодной, одевались плохо. Нормальной одежды-обувки не имели никогда. И только перчатки у нас были всегда хорошие, хоть и великоватые. Отцовские.

Много позже я занялся поиском боевых наград отца. Удалось получить несколько копий документов. А после смерти отца стал разбирать семейный архив. Дом на Колхозной был снесён, остатки архива сберегла моя старшая сестра Валентина.

Списанный вчистую, отец был признан согласно ВТЭК инвалидом II группы. Работать устроился сначала на лесокombинат, потом объездчиком плодоовощного питомника. Без работы батя просто не мог. Земляки знали: крепче дяди Феди табуретку никто не сладит. Делал он и столы, и шкафы. Мебель была простая, ладная и крепкая – на век. А рука ныла, и это были не только фантомные боли, но и невромы. Непогоду предсказывал лучше метеослужбы. Да ещё заработал грыжу – повкалывай-ка с одной рукой.

С большой перегрузкой жило поколение наших отцов. Надсадное счастье им выпало. Радости родители видели мало. Вся радость – в детях, ради нас жили, воевали и страдали.

Отчий дом

«Я за машину родину продал!» Эта крылатая фраза одного из героев замечательного актера и нашего земляка Георгия Буркова из фильма Эльдара Рязанова «Гараж» вспоминается мне, когда я беру в руки пожелтевший документ под названием «Акт №768». Акт о продаже отцовского дома, в котором я вырос. Дом наш стоял на пермской окраине в Заостровке, в просторечии – в Скандаловке. Ничем не примечательный, он стоял бы себе ещё лет пятьдесят. Но вдруг наша рабочая слободка оказалась в центре исторического события. Здание было включено в «чёрный список», потому что попало в зону затопления после ввода ГЭС.

По документам я вижу, что 26 марта 1957 года к нам пришла солидная оценочная комиссия, чтобы оценить строения в присутствии их владельца Фёдора Гладышева, «подлежащего обязательному переселению на другое место». И оценили! Дом – на сумму 4214 рубля, а всё хозяйство потянуло на 5662 рублей. Страховая сумма – 3713 рубля.

Домовладельцу также полагалась компенсация в размере 4030 рублей. Однако получить эти деньги отец мог в два приема. Первая половина – чрез 10 дней после поступления акта в финотдел строительства ГЭС, а вторая половина – после того, он своими силами

разберет все строения и перевезет на новое место. Так было написано в заключении, которое отец почему-то подписал.

Откуда у него, инвалида войны, силы? Откуда помощники, если в семье – одни «иждивенцы», трое малых ребят на руках. Точнее, на руке. В общем, родная советская власть всё сгрузила на «обломка», как отец сам себя называл, когда был в подпитии.

История с отчим домом закончилась столь же кособоко и непланово. Как рассказывала мне соседка, отец отказался рушить то, что было ему дорого. Сказал, что не в состоянии. Хотя много позже собственноручно возвёл пристрой для дочери, вышедшей замуж. Он же был из рода плотников Бымовского завода, там где навыки краснодеревщиков передавались из поколения в поколение.

Наметилось некоторое противостояние: государственная машина ополчилась против маленького человека, фронтовика. Потом подумала немного и... махнула на него рукой. Оставили нашу улицу в покое, до поры до времени. Так что всё было сделано по советской системе ПВО, что означает: «погоды выполнять – отменяют».

Когда разломали все строения (случилось это несколько лет спустя), нашли ещё один схрон, с гражданской войны: в потолке баньки лежали остатки обреза. Попрощаться с родным кровом я не смог, в то время убирал хлеб на казахстанской целине.

Умер фронтовик в августе 1977 года. Спустя короткое время рядом с отцом появились первые могилы афганцев, земляков выполнявших, как говорили тогда интернациональный долг... Смотрят на нас с надгробных портретов лихие ребята в тельняшках, как мой отец.

...Меня ждёт ещё отцовский Мурманск, Заполярный круг. Есть у него медаль «За оборону Заполярья». А вот медали «За оборону Ленинграда», как ни странно, нет.

Побываем и в Мурманске – где наша не пропадала. Полундра, матросы палубу грызут!

БЕЗ ОЧЕРЕДИ ОНИ НЕ МОГЛИ ПРОЙТИ

Вспоминает СПЕШИЛОВА Елена Александровна, Почетный краевед Перми, многие годы проработавшая библиотекарем:

– Ленинград для меня очень много значит, я люблю этот город. Я там училась, в Ленинградском библиотечном институте им. Крупской. Жили мы в студенчестве на Карповке, 32. Какой Иоанн Крон-

штадтский? Нет, про монастырь и про святых я ничего тогда не знала, не слышала. Знала только общежитие, в котором жили артисты, мы их матрасы и прочий скарб реквизировали – и были очень довольны.

Эвакуированные на Урал ленинградцы привлекали нас своей культурой, воспитанностью. В войну мы ходили в театр всей семьей. У нас был пропуск, дважды в неделю. Все пересмотрели! Но что еще нас поражало: ведь блокадники пережили страшный голод, а в буфет без очереди не могли пройти, как мы их ни просили!

На фронт. Художник Е. Ракинт

И еще одна встреча вспоминается с ленинградцами. Я принесла тексты папы (писателя) Римской, директору издательства.* Она жила в первой «многоэтажке» (пять этажей по тем временам – небоскреб), это «Дом горсовета» на углу 25 Октября-Большевицкой. Вообще-то Римская – это фамилия хозяйки по мужу, он показался мне очень скромным, интеллигентным человеком. А Римская была номенклатурной личностью, и на столе лежало такое угощение, которое мы не видали много лет. Ведь война, голодуха... И там были артисты, интеллигенция, все так культурно, я понимала, что гости

* Л. С. Римская, в годы войны была секретарем горисполкома (см. стр. 64).

все кушанья-яства берут в строгой последовательности, как принято по этикету. А я так засмушалась, так боялась перепутать очередность, что так и просидела со стаканом чая. Но гости сделали вид, что не заметили моего смущенья.

Интересна судьба певицы Нины Террачиано, дочери итальянского музыканта и гарибальдийца Горацио Террачиано. В ее бенефисе в 1891 году выступал Федор Шаляпин, которому она давала уроки пения, сценического поведения в годы становления певца. Несколько лет Нина Горациевна пела в пермском театре, когда семья мятежного итальянца обосновалась в городе на Каме. Когда закончилась вокальная карьера, она перешла на педагогическую работу. Давала уроки музыки, вела кружки пения в городских клубах. Скончалась она, когда ей было за 80, в 1944 году. Проститься с певицей пришли не только ее многочисленные благодарные ученики и коллеги. В последний путь на Егошихинское кладбище ее провожали и артисты Ленинградского театра имени Кирова, находившегося здесь в эвакуации. На сцене этого прославленного театра, тогда Мариинского, не раз пела примадонна Нина Террачиано.

Часть 2

«НАС МОЖНО РАСПОЗНАТЬ ИЗДАЛЕКА»

МОЛОТОВ-ПЕРМЬ ИЛИ «КАК ДО ХИМГРАДА ДОБРАТЬСЯ?»

Что представлял собой в те годы город на Каме? На протяжении 17 лет, с 1940 по 1957-й, Пермь носила другое имя – Молотов. Став правой рукой Сталина, В. М. Молотов, видный партийный, государственный деятель, одно время совмещал посты председателя правительств и наркома иностранных дел. Человек, «укрававший» на долгие историческое имя Перми, посещал город только на короткое время, в 1919 году и в мае 1932 года. Немногим жителям нравилось жить с чужим именем, как с партийной кличкой. Но 17 лет – очень важный период в жизни всего города и многих поколений пермяков, а также ленинградцев и других эвакуированных. Под этим именем выиграли, выдюжили тяжелейшую войну. И был такой символ сопротивления, созданный самим народом, – «молотовский коктейль». Адское оружие, от которого горели хваленые «пантеры» и «тигры» – это всего-то бутылка с зажигательной смесью (две трети бензина на одну треть масла). А затем уж с берегов Камы пошли на фронт и заряды для «Катюш» (почти все пороховые заводы базировались здесь), и авиамоторы, и Уральский добровольческий танковый корпус и многое другое.

Это был закрытый город, «нашпигованный» военными предприятиями – «ящиками», эвакуированными из западных и центральных регионов. Из 124 перебазированных предприятий уже около половины работали к ноябрю 1941 г. Население Перми и области увеличилось на 320 000 приезжих, и все были размещены, все худо-бедно устроены и пристроены. Производственно-техническая база местных предприятий расширилась на 65 процентов. В городе М-ве или Энке – так приходилось называть самый базовый «штадт» опорного края державы – по окончании войны появились – отпочковались – новые заводы (телефонный, велосипедный и др.). И конечно, медицина: город был похож на сплошной лазарет, под госпитали отдали лучшие здания.

Город Молотов «ушел» из советской жизни тихо и незаметно, почти сразу же после смерти «вождя всех народов». Историческое имя Пермь было восстановлено при полной поддержке жителей, так и не свыкшихся с названием «молотовчане».

Божья Воля из Шлиссельбурга

С началом войны на Пермский пороховой завод, в народе его называют по привычке «Кировский» (имя С. М. Кирова предприятие № 98 носило с февраля 1941-го) легла основная задача обеспечения промышленности огромной воюющей страны пороховой продукцией. Сюда были эвакуированы четыре пороховых завода! В их числе из-под Ленинграда, Шлиссельбургский завод.

Для нового класса оружия – реактивных систем залпового огня – пришлось срочно форсировать производство баллистических порохов. Неимоверной сложности задачи решали строители особой строительной-монтажной части № 29 под руководством И. С. Кузьмича.

В боевую летопись завода вписаны навечно авторы трудового подвига в тылу. Их фамилии, фотографии, воспоминания бережно хранятся в заводском музее, который располагается в ДК имени Кирова.

...Так уж случилось, что в истории отечественного порохового производства роспись человека с необычной фамилией «Божья Воля» сыграла ключевую роль, пожалуй, не менее символическую, чем автографы наших доблестных победителей, оставленные в мае 45-го на Рейхстаге.

Ветеран Кировского завода Сергей Васильевич Божья Воля в войну трудился сварщиком, затем вальцовщиком – самые горячие специальности. А перед войной работал в Шлиссельбурге.

Он вспоминает дни эвакуации своего завода. Приказ поступил – а точного места будущей дислокации никто не знает. У Сергея было за плечами 10 классов, вот ему и поручили писать на вагонах с оборудованием название пункта назначения: Химград.

Где такой? Знали только, что на Урале, и все.

– В пути наш эшелон бомбили, вообще, вся дорога была полна неизвестности, страшно долгой и... страшной, да, – рассказывает ветеран. – Приезжаем на Урал, нас принимают на станции Курья. Спрашиваю у девчонок:

– Девчата, как до Химграда добраться?

– Какой «Химград»? – смеются те в ответ. – Вон вагончик, в него садись, и приехали!

Мы привычно говорим иногда, как отмахиваемся: на все есть Божья воля. Неизвестно, каким провидением свыше забросило Сергея в наши края. Война – и весь сказ. Но если в работе, пусть самой трудной, находится человек, который не боится брать на свои плечи груз ответственности, – считай, дело сделано. Пусть даже задание –

выше человеческих сил. Благодаря таким людям, как Божья Воля и его новые товарищи, приезжие и местные, производство порохов на новом месте было налажено в кратчайшие сроки.

В пороховой истории пермских «катюш» была и своя Катюша, вполне конкретная девушка Катя по фамилии Пожарская. Она была эвакуирована на Урал из Ленинградской области, с Шлиссельбургского завода. В короткий срок освоила нужнейшую операцию: она делала иглы для арт-порохов. Да так наловчилась, что бригадир потом уже не проверял за Катюшей ее продукцию. Ей скажут параметры: «Держать с точностью до 0,01». Так и выдержит. И никогда не обманет: если даже «загонит» деталь, то сама испорченную иглу отбракует. Надежно работала девушка Катя.

Как-то раз в минуту отдыха Катюша призналась бригадиру:

– Вот глаза закрою, а у меня перед глазами все иглы, иглы...

Тот отвечает:

– Погоди, вот победим в войне, тогда не иглы, а что-нибудь другое делать будем.

Бригадир имел в виду, скорее всего, какую-нибудь мирную продукцию. Самое интересное, однако, что вскоре после Победы производство иглолок понадобилось в мирных целях, не для взрывателей, а для патефонов.

О том, как жили заводчане на казарменном положении, читаем мы и в воспоминаниях бывшего вальцовщика Сергея Васильевича Божья Воля.

«...Многие жили на заводе, спали не раздеваясь – в траншеях, в спецовках... Работа очень опасная, было много случаев ожога. Напарник Дурыманов: весь сгорел. В больнице картина страшная: люди мучились от ожогов... раны сушили лампами...»

Но и в военные годы находилось место для шутки и смеха, человеческая природа неизменна. Когда у одного из рабочих, Меженникова, эвакуированного из Курска, сгорела спецодежда, бригада посадила его на санки и в таком виде, в кальсонах, привезли пострадавшего в кабинет к начальству. Выписали ему новую «спецуху». Так опять история. Перед сменой пострадавший решил поспать немного, ну а новую одежду жалко мять, ведь «с иголки». Бережливый рабочий снял ее, аккуратно сложил рядом и моментально отключился. Напарники – молодые же ребята – решили подшутить над ним: взяли и спрятали спецовку. Тот просыпается, ничего понятия не может.

– Опять сгорела? Ну, какой же я невезучий! За что мне такое наказание, а?! – возопил страдалец. Отдали ему одежду и дружно посмеялись.

Голь на выдумку хитра. Расскажу одну историю, которую можно назвать анекдотом наоборот. Помните, чем русский умелец отличается от других? А тем, что из его рук всегда пулемет выходит, из чего бы он не собирал. Но вот подошел однажды к бригадиру Кондратенко знакомый пожарник. Протягивает ему блестящий кусок металла: «Сделай мне из этого портсигар!» Было это вскоре после войны.

Владимир Иванович посмотрел на металл и понял: это матрица! И нашел металлу иное применение: сделал на нем оттиск прессом, а затем на полученном целлулоиде записали песню.

– Какую, Владимир Иванович?

– Ну как какую? Любимую: «Ревела буря, дождь шумел...»

Да, во мраке молнии сверкали...

Была написана и песня на слова заводского поэта: «Порох держим сухим».

Больше того: на заводе появилось и собственное производство грампластинок! История эта кажется сейчас невероятной: при чем тут порох, химия – и Ее Величество Музыка? На самом деле все объясняется просто. Производство грампластинок появилось здесь по целому ряду причин. Нужно было сохранить кадры, обеспечив им подходящую работу, производство, требующее высокой точности. Подходящее оборудование имелось, тонкая квалификация у рабочих – тоже. И потом – наступило мирное время, изменилась психология населения, хотелось музыки душе.

В 1949 году появились первые пластинки, на которых было напечатано название изготовителя: «Ордена Боевого Красного Знамени завод имени С. М. Кирова». Их начали изготавливать полностью из отечественного сырья, технологию разработали в заводской лаборатории. Причем музыкальная продукция по звучанию превосходила пластинки из зарубежного сырья, к тому же и более дорогого. Патефоны также стали собирать на Кировском заводе, используя для этих целей эвакуированное производство. Репертуар составлялся с помощью Дома звукозаписи.

Очень скоро производство достигло 500 штук в сутки, грампластинки хорошо раскупались. Однако в 51-м году завод вынужден был свернуть свое «музыкальное производство». Основанием для этого послужили, скорее всего, интересы союзного планирования: заводы грампластинок создали в Ташкенте и Риге. Производить черные диски в Перми было признано нерентабельным; свою роль сы-

гало и то, что Кировский завод был секретным, и когда пластинки попадали на Запад, название изготовителя вызывало ненужное любопытство.

Но уже было выпущено несколько сотен тысяч дисков с нашей фирмой. Несколько пластинок хранятся в заводском музее. Побывав в нем, я увидел в «красном углу» патефон, попросил директора музея поставить какую-нибудь пластинку.

Мы выбрали Леонида Утесова. Под сводами зала зазвучали до боли знакомые ветеранам слова песни «Будьте здоровы, живите богато...»

Без них понятие «тыл – фронту» было бы неполным

Из воспоминаний известного советского драматурга Александра Штейна, жившего в годы войны в гостинице «Центральная»:

«Семиэтажка», самый высокий дом в этом старинном, приземистом губернском городе на Каме, пермский «модерн» (на самом деле – конструктивизм – авт.), построенный незадолго до войны, большая тыловая гостиница Приуралья, не столь примечательная, как наша «Астория» блокадных времен, но своеобразная и колоритная по своему – и в ней столкнула война самые неожиданные профессии, биографии, судьбы.

Давали колорит «семиэтажке» не тыловые валеты с озабоченно неприступными выражениями лиц, с могучими портфелями, заменяющими авоськи, в бурках, в костюмах непременно военного покроя – и только наметанный глаз мог бы отличить их от истинных военных! Валеты случались и тут, но нет, не застревали, их тянуло дальше, в теплые места, хотя их пугал не столько климат, сколько почти пуританская строгость города. Своеобычность гостинице придавали и бакинские бурильщики нефтяных скважин, и ленинградские балерины, и солидные московские конструкторы. Первые приехали сюда с эшелонами бакинских нефтяников на нефть, обнаруженную в районе Краснокамска, вторые – вместе с Ленинградским театром оперы и балета, эвакуированным из Ленинграда, третьи – в длительную, до конца войны командировку.

Так в этом городе неожиданно для самих себя оказалось и балетное созвездие (Галина Уланова, Татьяна Вечеслова и Наталья Дудинская), и изобретатель турбобура, образованнейший и интеллигентнейший азербайджанский инженер Эюп Измаилович Тагиев, и секретарь Бакинского комитета партии Амо Давыдов, избранный секретарем обкома по нефти, и многие другие, с кем я тут имел счастье познакомиться, – люди, без имен которых понятие «тыл – фронту» было бы неполным.

Тут же, в «семиэтажке», жили немолодые литераторы, по состоянию здоровья вынужденные покинуть Ленинград и среди них обаятельный, совсем больной, перевезенный сюда уже с прогрессирующим рассеянным склерозом Юрий Николаевич Тынянов».

В ПОЭЗИИ КАК В БОЮ или ПОДВИГ ПИСАТЕЛЯ ЮРИЯ ТЫНЯНОВА

*Юрий Тынянов.
Художник О. Коровин*

В «семиэтажке» работал над своими последними произведениями тяжелобольной писатель Юрий Тынянов (1894-1943). Из гостиницы он был переведен в госпиталь № 3149, это терапевтический корпус по ул. Луначарского, 95. Тынянов писать не мог, он уже только диктовал. Он закончил первую часть повести о Пушкине, надиктовал рассказы на темы Отечественной войны 1812 года «Красная шапка» и «Генерал Дорохов». Героико-патриотической интонации ей проникнут и рассказ «Гражданин Очер», посвященный лучшим предста-

вителям рода Строгановых.

Профессор А. Л. Фенелонов, лечащий врач Тынянова, предоставил ему свой кабинет. Писателю сначала запретили всякую умственную нагрузку. Но это не помогло, а даже совсем наоборот: Тынянов стал острее переживать свое положение. Врачебный консилиум снова разрешил ему трудиться, потому что работа давала смертельно больному человеку возможность отвлечься, забыться. Профессор Фенелонов вспоминал:

«...Человек жил, а клетки мозга незаметно для него умирали... Обследования показали, что никакая операция Тынянову не поможет. Мы старались всячески поддержать его, облегчить страдания. Но почему-то получалось так, что больше поддерживал он нас, всеяля оптимизм и веру в человеческий разум. Мы удивлялись его душевной стойкости.

Тынянова спасали не мы, врачи, а Пушкин и его герои».

Вениамин Каверин напишет позже о Тынянове:

«...Он хотел, чтобы юность Пушкина была рассказана до конца. Но он уже не мог диктовать развернутые сцены, сила изображения должна была уступить место силе воображения. Вещественная проза с ее характерными чертами зримости, достоверности, обращенная к разуму читателя, к его чувству, сменяется в последних главах итоговыми размышлениями о собственной судьбе. Он думает о себе как поэт, проза конца романа близка к поэзии. Он решает напечатать элегию без подписи:

«В поэзии как в бою, не нужно имя... Выше голову, ровней дышать. Жизнь идет как стих».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕСАНТ или МИЛЫЙ ЩЕН БЕЗ ПРОПИСКИ

...1945 год, победоносно закончилась долгая-долгая тяжелейшая война. Идет собрание молотовских (Пермь тогда была еще Молотовым) писателей. И что же обсуждают наши «инженеры человеческих душ»?

«...Перед нами ближайшая перспектива – переход от социализма к коммунизму. А у нас еще бытуют кое-где мещанские пережитки. Даже героически дравшиеся на фронтах люди подчас не свободны от них, подвержены фетишизму, любованию мещанскими порядками Запада. Нужна большая воспитательная работа, нужна **ЗАОСТРЕННАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ...**»

В те дни заканчивалась эвакуация. Покинули город почти все приезжие знаменитости. На собрании отмечалось, что с приездом ленинградских писателей «литературная жизнь города перешла в их руки». Подытоживая совместно прожитые трудные военные годы, местные товарищи рассказывали о новых произведениях. В выступлениях, в многочисленных статьях чаще всего называли в качестве положительного примера одни и те же имена.

«...Некоторые из ленинградцев написали большие, ценные работы. В. Каверин продолжил работу над романом «Два капитана». Ю. Тынянов, несмотря на тяжелую болезнь, упорно кончал свой роман «Пушкин». А. Первенцев написал здесь «Испытание»...

Но часть приезжих писателей не оправдала доверие и надежд и написала целый ряд плохих, осужденных впоследствии критикой произведений...»

«Перепало» некоторым из приезжих крепко.

«...Лили Брик в книге «Щен» изобразила великого поэта современности в отрыве от жизни. Он выглядит в этой книге мещанином, занятым своей любовью, и, кстати, найденным щенком... Это клевета на Маяковского. Эта книга достойна самого жестокого осуждения...»

Эта небольшая книжечка – в моих руках...

Подумать только, какие страсти разыгрались – и из-за чего? В книге говорилось, например, что Маяковский и щенок «были очень похожи друг на друга, оба носились, задрав хвост, иногда лаяли на первого встречного просто так, для красного словца».

Страшное преступление!

Что касается Владимира Маяковского, то его приезд и выступления в Перми расписаны, как по нотам. Было это в 1928 году, Владимир Владимирович останавливался в бывших Королевских номерах (там же, где жил десятью годами ранее ссыльный великий князь Михаил Романов, последний русский император); выступал перед студенческой молодежью в доме поблизости, там, где ныне сельхозакадемия... О Маяковском пермские краеведы написали много. А вот о его «боевой подруге» – ничего. Тем более – о их «тройственном союзе», в компании с бывшим мужем Осипом Бриком. Попробуем восполнить пробел.

Семья Бриков (так по привычке называли литераторы союз Лили и Оси) жила на окраине Перми, в небольшом домишке возле станции «Курья». В конце 1990-х мы вместе с краеведом В. В. Семянниковым обошли всю округу, пытаясь найти хоть кого-то, хоть одну живую душу, кто бы помнил те годы, встречался с эвакуированными. Увы, никого не встретили, все уже умерли или разъехались.

Ощущение, что все будем поросло.

А надо сказать, в ту пору мужем Лили Юрьевны был уже другой человек, Василий Катанян. Но «верный Ося» всегда оставался другом. Они и в Пермь-то приехали вместе, две семейные пары (у Осипа Брика к тому времени также появилась подруга жизни, Евгения Соколова). Тройственный союз помог Лиле Юрьевне выжить в трудные военные годы, это несомненно. Ее первый муж, верный Ося, остался с ней после того, как был расстрелян генерал Примаков (с которым Л.Ю. жила в браке до самой его гибели в 1937 году). И в Перми Брики выживали вместе.

Хотя относиться к личности Осипа Брика можно по-разному. Разве может, к примеру, оставить равнодушным одна его пылкая фраза во время писательского собрания. Илья Ильф об этом пишет в ироническом репортаже «Диспуты украшают жизнь» (единственная публикация – в журнале «30 дней», № 3 1929 г.). Речь идет о том, как докладчика прерывает теоретик бывшего ЛЕФа Осип Брик:

«...Теоретик предлагает разрубить Пильняка на сто кусков. (Докладчик предлагал за литературные грехи Пильняка, Олешу и других «попутчиков» лишь четвертовать – по китайскому способу), но под гул публики умолкает...»

Если знать, что над головой Бориса Пильняка собрались уже черные тучи, что скоро его на самом деле «порешат»... Все принимает иной, зловещий смысл, любая подстрекательская, хлесткая фраза «Ату!» приобретает вес и подшивается к «делу».

В Перми Осипу Брику также досталось «на орехи» – за бездарные сочинения, созданные им во время эвакуации. Он был занесен в тот отряд приезжих писателей, которые «не оправдали доверия и надежд».

Хотя местная газета «Звезда» печатала его вирши, не могла отказать маститому литератору. В 1942 году были опубликованы такие, к примеру, его творения на тему соревнования районов:

*Эй, ребята молотовцы,
добрые молодцы!
Впору вам подвинуться,
Пропустить дзержинца.
– Догоняйте кировца,
Норовит он вырваться.
– Как бы не состариться,
Догоняя сталинца!*

К слабым сочинениям была отнесена и пьеса «Иван Грозный» Осипа Брика. Шедевром творение Брика трудно назвать, пьеса сделана наспех, глубины нет. Но прав пермский ученый В. Н. Унгвицкий, когда пишет, что данная пьеса подверглась разносу прежде всего по идеологическим причинам (См. «Культурная жизнь на Урале в годы Великой Отечественной войны», П., 1994). Приведем несколько выдержек из рецензии В. Александрова на выход исторической трагедии О. Брика: «...Перед нами хладнокровная и сознательная халтура, это дурная скверная шутка, непростительная в то время, когда так вырастает чувство ответственности за каждую написанную строку!» Созданный в пьесе образ жестокого царя шел вразрез с тем отношением к этой исторической фигуре, которое возобладало при Сталине. Вскоре появится другая пьеса, посвященная Ивану Грозному, написанная В. Костылевым, в ней нарисован уже в корне другой образ – мудрого преобразователя, настоящего народного властителя. И пьеса эта была поставлена во многих театрах.

Конечно, в Перми Брикам было тяжело, им здесь мало что нравилось. Критический настрой высказываний приезжих товарищей, недовольство бытовыми трудностями вполне понятны и объяснимы.

У некоторых литераторов это недовольство проскальзывало в произведениях. Поэтому кое-какая критика из уст секретаря местного писательского союза имела под собой основание.

Говорилось, что еще более издевательски (чем «Щен» – В. Г.) написан «Председатель горсовета» М. Слонимского. В этой книге он пошло изобразил людей Урала, наговорил кучу самых резких слов по адресу нашего города. По его мнению, «город узкогрудых узколобых малорослых чиновников, упрямых, ленивых и грубых, недолюбливал и побаивался богатырей... «Пермь была тормозом и тюрьмой...». «Богатырей Пермь не рожала...»

«...Как в изображении прошлого, так и в изображении настоящего Урала и Перми в частности писатель стремится к самому грубому оплевыванию действительности. Он забывает о большой исторической роли нашего города, о его революционных традициях, Мотовилихинском восстании 1905 года, о том, что здесь работали, учились, творили зодчий Воронихин, изобретатель радио Попов, писатели Герцен, Короленко, Мамин-Сибиряк, Решетников, Мельников-Печерский и много других богатырей, которыми гордится народ...» (Из доклада ответственного секретаря Молотовского отделения ССП Б. Михайлова. Документ хранится в ГАПК).

Не понравились сознательным молотовским товарищам также «Гунны» Семена Розенфельда, «упаднические» стихи Н. Рыковой, М. Комисаровой, некоторые из стихов Г. Семенова, творения С. Рыкова и Н. Асанова.

Чем не понравились? А вот чем: «Все эти писатели прошли мимо настоящего Урала и не сумели использовать в своем творчестве ни его богатое прошлое, ни его большую роль в Отечественной войне».

К характеристике самого ответсекретаря поэта Бориса Михайлова можно добавить следующее: от скромности он бы не умер. Впрочем, как и большинство пиитов, наверное. Вот что он счел нужным донести до пишущей братии:

«...Кончилась война, в Молотове почти не осталось московских и ленинградских писателей. Мы стали собирать свои силы. Они у нас растут...»

Но кто же эти растущие? Оказывается... знакомые все лица! «Достаточно сказать, что за последние годы поэт В. Каменский получил орден Трудового Красного Знамени. Правда, из-за своей болезни он мало, очень мало и неполноценно работает. В Москве прошел мой отчет, где был отмечен мой рост как поэта...»

Вспомнили выступавшие товарищи «историческое» апрельское 1943 года постановление ЦК ВКП(б), сурово осудившее Молотов-

ское книжное издательство, которое «разбазаривает бумагу на выпуск бессодержательных книг».

И снова попало на орехи руководству Молотовского издательства, поскольку оно «не сумело принципиально подойти к произведениям этих авторов, спасовало перед авторитетом писателей из центра». Кстати, руководители понесли за такую близорукость «заслуженное наказание» – их сменили.

Новое руководство уже научилось «показывать зубы». Только что назначенная директором издательства Л. С. Римская, правда, как и все, призвала поддержать и глубоко прочувствовать постановление ЦК 1946 года о ленинградских журналах, сделать для себя надлежащие выводы. Она покаялась и в том, что в альманахе «Прикамье» появились некоторые слабые произведения ленинградских авторов. Объяснила директор сей факт просто: эти авторы «затемнили сознание областных редакторов своим авторитетом и настойчивостью» (!)

Но критика послужила уроком, местные редакторы научились отвергать произведения маститых авторов. Любопытно посмотреть, с позиций сегодняшнего дня, какие же произведения и за что были забракованы.

Повесть ленинградца Люфанова «В-пятых» – за то, что написана «в пошлом тоне» (?) к печати не принята, «несмотря на приятельское отстаивание ее плеядой ленинградцев (Купреяновой, Арбеновой, Глебом Семеновым)».

Повесть Розенфельда «Будем жить» также не принята к печати, хотя были одобрительные отзывы (Кривошеевой и Ник. Вагнера).

Как выяснилось из выступления тов. Римской, издательство «... сумело разглядеть в работе проф. Лаврова «Влияние Крылова...» сбор сведений из литературной энциклопедии и определило этот труд как литературное хулиганство».

И «... сумело обнаружить халтуру в труде проф. Давидовича «История Молотовского театра оперы и балета», отказавшись его печатать».

Критика могла иметь и более тяжелые последствия для «не оправдавших доверия», потому что молотовские партийные литераторы «сигнализировали» в столичный Союз писателей. О чем? А все о том же: «О верхоглядстве в литературе, о наплевательском отношении к своей работе и работе молодых авторов».

Наконец, «об искажении действительности (!) со стороны таких ленинградских и московских писателей, как Слонимский и Брик...».

Счастье этих авторов, что время было уже все-таки другое, не 30-е годы. Не до писательских «сигналов» было, война шла. На «сигналы»

из города Молотов Москва просто не ответила. А то бы точно семью Бриков «четвертовали», как предлагал в свое время сам Осип...

И все же, несмотря на критические выпады, иногда заслуженные, порою – глубоко несправедливые, – работа ленинградских писателей, само их присутствие, можно сказать, поднимали творческий тонус в тыловом городе. Помогало общение с коллегами. Хотя не все просто складывалось и в этом отношении. Так, один из мемуаристов свидетельствует, что в те годы сложился определенный богемный кружок из приезжих, к которому В. Каверин, в частности, не был близок. Не всем удавались произведения в крупном жанре, что вполне объясняется нехваткой времени и т. п. Но планку профессионализма для членов творческих организаций литераторы помогали поднять на более высокий уровень. Семен Розенфельд написал повесть «Доктор Сергеев», вполне проходную. Лавров ему это сочинение не принесло. Но тот же Розенфельд выступал и в роли театрального рецензента, не позволяя артистам расслабляться. В отзыве на спектакли театра им. Кирова «Князь Игорь» и балет «Лебединое озеро», опубликованной в газете «Звезда» за 15 августа 1943 г., С. Розенфельд отметил и недостатки в танцевально-сценическом исполнении. Он мягко попенял артистам за то, что «лучший в мире хореографический ансамбль, законно пользующийся славой непревзойденного, теперь начинает снижать уровень».

Думается, мало кто из местных рецензентов осмелился бы тогда «поднять руку» на прославленных звезд. Критика писателя возымела действие, но суть даже не в этом. Важно то, что был дан пример требовательности и профессионализма.

С ТОСКОЮ О ВЕРЕ, ПО НОВОЙ МЫ СПОРИМ О ВЕРЕ ПАНОВОЙ...

Однажды весной, в радоницу, я встретился на Егошихинском кладбище с женщиной, бывшей медсестрой, которая навестила здесь не только своих родных, но и докторов, с которыми трудилась в годы войны в эвакогоспиталях. С нескрываемой гордостью она сказала:

– А вы читали повесть «Спутники» Веры Пановой? Это она о нас написала! Фильм потом сняли по этой книге, очень хорошая картина. Все показано, как мы работали и жили в те годы, как раненых солдатиков выхаживали...

После этой встречи мне еще не раз доводилось слышать подобные отсылки к «Спутникам». И вдруг в одной из пермских газет накануне 60-летнего юбилея Победы появилась большая публикация, в которой мемуаристка, сама фронтовичка, разругала «Спутников», заявив журналистке, что там нет «ни строчки правды»! И это говорила женщина, также работавшая в годы войны на военно-санитарном поезде.

Кто же прав? То, что Вера Панова не является нашей землячкой (как утверждается в той же газете), это доказать легко: она была эвакуирована на Урал. А вот что касается военных будней медицинского персонала военно-санитарного поезда, главной темы пановской повести, – кто в этом разберется? Я решил найти эту фронтовичку во что бы то ни стало и побеседовать с нею начистоту. Сделать это оказалось непросто.

Решив вынести вопрос на обсуждение знающих людей, я подготовил сообщение о творчестве В. Ф. Пановой на клубе «Пермский краевед». И в марте 2005 года доклад – нет, не доклад, а дискуссия, приуроченная к 100-летию рождения писательницы, состоялась. Все дело в том, что мне, человеку другого поколения, не нюхавшему пороха, книжка Пановой понравилась. Очень занимала меня, признаться, и личность автора. Странно же, в самом деле: трижды лауреат Сталинской премии (1946, 1947, 1950), Вера Федоровна оставалась внутренне свободным человеком. Независимость ее характера проявлялась прежде всего в произведениях, конечно, но и в общественных конфликтах своего времени Панова выглядит, в общем-то, достойно.

Что ей помогало выработать такую линию поведения? Разгадка, пожалуй, кроется в словах ее сына, Бориса Бахтина, который признался (в разговоре со своим другом художником Ильей Глазуновым):

«Я многому научился у своей матери – какая это железная женщина! (...) Ты должен выработать в себе социальную мимирию, чтобы «они» не могли распознать тебя сразу». Нам важно и восприятие самого художника И. Глазунова. Писательница, окруженная ореолом лауреата, напомнила ему пронзительностью взгляда... нахохлившего совенка!

Все дело в том, что во время войны этой женщине жилось у нас не сладко. Ей многое пришлось испытать: голод, холод, непрерывная тревога за близких (трое детей, большая мать). Холодили сердце и вечные идеологические проработки литсотрудников. Панова работала в редакции железнодорожной многотиражки «Сталинская

путевка». И в то же время Вера Федоровна всегда с благодарностью вспоминала тыловой город Молотов, потому что здесь она впервые состоялась как литератор (до этого была журналисткой Верой Вельтман). Именно здесь, на Урале, она впервые ощутила, что «может пробуждать в читателях хорошие чувства».

Понять и принять ее «Спутников» мне помогли как раз беседы в родительский день с медиками военной поры. Я читал повесть словно их глазами. И удивлялся, признаться, порой одному: как же цензоры пропустили в то жесткое время вот это место... и это расуждение... и это.

Ее отношение к верующим, к Богу вполне уважительное, по-женски трепетное. Прочитав повесть, читатель приходит (без разжевывания истин) к простому выводу: верующие – никакие не «внутренние враги», как вдалбливали советские атеисты, напротив, это самые качественные, надежные люди. Отец комиссара поезда, главного героя, был кузнецом, набожным человеком. Но если нужно было, работал и в пасху, говоря при этом: «Бог на работу не обижается». Библейские истины по-свойски толкует для неразумной выпускницы медучилища Кравцов, вполне симпатичный персонаж.

«Что же это, если не та самая правда?», – думал я, вспоминая рассказ медсестры, сравнивая услышанное с прочитанным. Вполне современные размышления Фаины о русском характере, после просьбы раненого: «Дай сто граммов – всю хворобу как рукой снимет!» И что им ответить на это? Они правы – снимет... Таков русский человек; Фаина, русская женщина, понимает его, потому что она знает жизнь не с парадной стороны.

Верна житейской правде Панова и в описании фронтовых буден. Сколько смертей, сколько несправедливости пришлось пережить. Без всякого приукрашивания – но, впрочем, сдержанно, не смакуя (как делают сегодня многие «певцы чернухи») – пишет она о страшных реалиях ленинградской блокады.

Возможно, Панова уловила требования момента, к примеру, ее «религиозность» вполне отвечала изменившемуся отношению Сталина к церкви в годы войны. Но главное в том, что в душе писательницы был заложен и выжил ресурс духовности. Выжила даже после страшных репрессий 1930-х, когда она потеряла мужа и сама натерпелась лиха.

На том фоне постоянных проработок и «накачек» творчество Веры Пановой оценивалось положительно. Секретарь Молотовского Союза писателей Борис Михайлов на собрании, проходившем сразу после войны, отмечал, что у Пановой и Трутневой состоялись отчетные вечера в Москве. И вообще: «Панова выросла здесь творчески»,

– отметил докладчик. – Она написала здесь повесть «Спутники», получившую высокую оценку в центральной прессе».

На том же собрании тов. Левин популярно разъяснял, что плохого в творениях писателей, подвергшихся осуждению в недавнем партийном постановлении:

«...Зошенко давно занял антинародную, уединенную позицию в литературе. Это, пожалуй, применительно не только к нему одному. Многие из бывшей «семьи Серапионовых» чуждо проявили себя к жизни народа...»

С какой стороны показала себя в те годы Вера Панова? Если перед советскими писателями ставилась задача «проследить всю нашу работу в свете решений партии о Зошенко и Ахматовой»? Она тоже подверглась критике, так как заняла ошибочную позицию. В статье «Несколько мыслей о технологии нашего мастерства» Вера Панова решительно обрушилась (нашлась отважная женщина!) на критиков и редакторов, которые требовали, чтобы положительный герой был человеком «абсолютно гармоничным».

В этой примечательной статье писательница, по мнению критика и редактора Б. Н. Назаровского, «вольно или невольно блокируется с теми, кто считает, что только человек негармоничный может быть интересен». Между тем она «...обходит неоспоримый факт развития советской литературы, что главными героями нашей литературы являются люди гармоничные». Надо напомнить, что в то время, в конце 1940-х – начале 1950-х, сторонников этой «космополитической теории» могли и изгнать с работы, и засадить за решетку. Не все так просто и мило.

Ошибки были и у нее. Однажды Панова получила задание написать очерк о местном художнике П. И. Субботине-Пермяке. Съездила в Кудымкар, написала. Но что она могла сделать за два дня? Только брошюру-«скороспелку», вполне поверхностную. Автор самокритично признается, что она «профан в живописи». Даже в своих послевоенных мемуарах «О моей жизни, книгах и читателях» (Л., 1980) она по-прежнему называет Субботина-Пермяка художником-самоучкой – его-то, питомца знаменитого Строгановского училища, работавшего в нем педагогом! Но с кем не бывает «накладок».

В чем мы сошлись с бывшими военными медсестрами, так это во мнении, что в книгах Пановой всегда присутствует узнаваемый простой человек, начиная с сержанта Лукашина из романа «Кружильиха», который вернулся с фронта без орденов и с семьей нашивками за ранение. И еще верные приметы пановских сочинений – мотив поезда и мотив метели.

Поэтому, наверное, мне и не хочется соглашаться с критическим отзывом краеведа Елены Александровны Спешиловой, которая сказала во время обсуждения «Спутников»:

– Я не люблю Панову и произведения ее мне не нравятся. Не люблю с тех пор, как она «пригласила» на банкет моего папу (известного писателя) на банкет по случаю получения ею Сталинской премии за «Спутники». Сказала, что желающие отметить ее награду собирают по сто рублей, а папа получал 90 рублей в месяц... Она какая-то невнимательная к людям бывала, могла жестоко написать о хорошем человеке...

С уважаемым краеведом не согласился кандидат географических наук Михаил Николаевич Степанов, сын доктора Степанова, который в годы войны также работал в эвакогоспитале. На том памятном заседании в клубе «Пермский краевед» он вспоминал:

– Она была, по моему личному впечатлению, страшно упорная и очень талантливая. Судите сами: так быстро сумела войти в литературную элиту. Тему Панова изучила очень глубоко, повесть правдивая. Тут автор не выглядит профаном, даже по оценкам профессионалов, каким был мой отец. Помню, он рассказывал, как приходилось оперировать: непрерывные операции, приходилось сортировать, кого «резать» в первую очередь. Медперсонал, врачи не высыпались, конечно; как только небольшой перерыв – тут же засыпали. Подход к людям у Пановой подкупающе душевный. И резонанс был после выхода книги очень большой, просто очень. Это было новое слово в литературе.

После дискуссии прошло несколько месяцев, и мне, наконец, удалось поговорить с той медсестрой, участницей войны, выдавшей о Вере Пановой резкий отзыв в газете. Звали ее Анфиса Ефимовна Москвина. И выяснилось, что главное неудовольствие фронтовички вызвано тем обстоятельством, что в своей повести о санитарном поезде автор больше уделяет внимания медсестрам, врачам, а о санитарках почти ничего не пишет.

– А ведь это мы, санитарки выполняли в поезде самую тяжелую работу, все на нас держалось! – рассказывала Анфиса Ефимовна. – Мы и раненых на себе таскали, и утки подавали, и выносили все-все. Заготовка угля, дров – тоже на нас. А в повести только две санитарки описываются...

Конечно, такой взгляд на знаменитых «Спутников» тоже имеет право на жизнь. С ведомственным, я бы сказал, уклоном. После разговора с ветераном я перечитал книжку. Санитарки там все же встречаются чаще. Но главное, вся тяжесть работы медперсонала ощущается очень зримо.

Что касается жестокого отношения к людям со стороны писательницы... Наверное, это какое-то недоразумение. Человек, написавший «Сережу», «Сентиментальный роман», таким холодным и расчетливым быть не в состоянии. Почему-то я в этом уверен.

Меня по-прежнему притягивают в ее книгах мотив поезда и мотив метели. В мучительных размышлениях о жизни и книгах Веры Пановой у меня даже сложился печальный каламбур: «С тоскою о вере, по новой – мы спорим о Вере Пановой». История действительно странная и характерная для наших времен...

Вспоминает Екатерина Андреевна Макарова, работавшая в годы войны в эвакогоспитале № 2560:

– Наш госпиталь находился на углу ул. Луначарского и Куйбышева. Действовал госпиталь с 11 августа 1941 года по 11 сентября 1945 года. Я работала операционной сестрой, видела «в деле» многих наших известных врачей. До войны с профессором Гузиковым часто встречалась, это был единственный в городе высококвалифицированный специалист по гинекологии; помню, как «женский бог», как его звали, проводил в нашей больнице обходы. Раньше вообще врачей очень уважали, поэтому я и мечтала о профессии медика. Закончила ФАШ (фельдшерско-акушерскую школу), хотела учиться дальше, но судьба повернула по-своему. В госпитале работы было столько, что только успевай-поворачивайся. Коллектив у нас дружный был, молодых много. Как только приходил с фронта поезд, все бросали и света белого не видели, как говорится. Сколько страданий насмотрелась, сколько искалеченных... Мы так переживали за раненых!.. Писали им письма под их диктовку, поддерживали всячески. Попадались, конечно, и плохие люди, которые позволяли себе разные «шалости» или грубость по отношению к сестричкам. Но что делать, терпи: такая работа. Плохие все равно редко попадались. И вот что еще. Не знаю, может, нам так казалось, но в нашем госпитале умирало меньше, чем в других. Открою страшную тайну: я даже покаялась однажды перед священником в том, что не помогла воину, не сделала раненому смертельный укол, хотя он очень просил облегчить его мучения, у него было такое тяжелое ранение, что жить изувеченным он не хотел. Верите ли, до сих пор в ушах стоит иногда его умоляющий голос: «Катя! Дай хоть ты мне спокойно помереть!».

Каждый из нас думал, наверное, про себя: только бы не в мою смену – это я о смертных исходах. Кому сколько отмерено ведь на этом свете. Вон как с Николаем Караченцевым, актером-то, недавно получилось: думали, что все: погиб артист, после такой ужасной автокатастрофы, – а он выкарабкался. В нашем госпитале врачи

творили чудеса, такие замечательные доктора работали! Профессора Парин, Степанов... Борис Васильевич Парин оперировал так называемые «филатовские стебли», восстанавливал пальцы рук, лучевые и локтевые суставы; благодаря пластическим операциям обожженные, обезображенные танкисты снова обретали лицо и веру в жизнь.

Ой, война-война... У меня было шесть братьев, все погибли. Мама заочно отпела их во Всехсвятской церкви. В той церкви, возле которой хоронили и солдатиков, которых не удавалось спасти. Госпитальный период для меня столько значит... На всю жизнь впечатлений хватило. В госпитале я познакомилась и с мужем своим будущим. Он из эстонцев, Юлий Юльевич; воевал разведчиком, боевой старшина. В 42-м получил орден Красной Звезды, в разведке был тяжело ранен. В госпитале мы его выходили, но так и остался инвалидом на всю жизнь (скончался он в 1981 г.). В браке нашем я была верна своей фамилии, но дети наши – на фамилии отца. Спасибо Вере Пановой, написавшей хорошую книгу про нас. И спасибо вам, что не забываете те годы. Нельзя же забывать, какой ценой досталась нам мирная жизнь.

ГЕНИЙ РУССКОГО БАЛЕТА

Галина Уланова (слева) и
Татьяна Вячеслова
(«Бахчисарайский фонтан»)

Евгений Павлович СУББОТИН, Президент Пермского общества «Арабеск»: «Она – гений русского балета, его неуловимая душа, его вдохновенная поэзия...», – сказал о Галине Улановой композитор Сергей Прокофьев. В Перми, считающим себя третьим балетным городом России, имя Галины Сергеевны Улановой (1910-1998) в числе других выдающихся деятелей мировой культуры, работавших в эвакуации, обязательно появиться на мемориальной доске. Установить ее лучше всего на гостинице «Центральная», где они проживали, или на здании оперного театра, где они работали. В годы войны имя Галины Улановой было настолько извест-

но в стране, что ее слово о жизни и работе театра в столь трагичные для всех дни ждали.

Предлагаем вашему вниманию подборку материалов (подготовлена Е. П. Субботиным).

В газете «Звезда» 12 апреля 1942 года появилась статья «Патриотический долг» за подписью Улановой, нар. арт. РСФСР, лауреата Сталинской премии, орденоносца:

«Этот сезон театр имени Кирова, волею правительства, начал в городе Молотове. Мы живем и работаем в городе, напоенном дыханием героического, вдохновенного труда, труда для фронта, во имя торжества человеческой свободы. Это окрашивает в особые, неповторимые тона и наше творчество.

Коллектив театра имени Кирова всегда отличался дисциплинированностью, трудолюбием. Но ничто не может идти в сравнение с отношением к труду, какое утвердилось среди наших товарищей теперь.

Мы все много и упорно трудимся. Все старые постановки пересматриваются глубоко и серьезно, приспособляются к сложным условиям местной сцены.

Серьезность нашей работы особенно сказалась в программе, подготовленной нами к 24 годовщине Красной Армии. С еще большим увлечением мы готовимся к концерту 1 мая.

Создать высокохудожественные сценические произведения – наш патриотический долг. Мы все стремимся выполнить его как можно лучше».

В Перми Ленинградский театр имени Кирова находился в эвакуации около трех лет и весной 1944 года, после снятия блокады Ленинграда, вернулся домой, на родную сцену. Перед отъездом театра в Перми 30 мая 1944 года состоялось Торжественное заседание партийного, советского актива и интеллигенции города, посвященное этому событию – возвращению театра, на котором Пермь благодарила ленинградцев за высокое искусство, которое полюбили уральцам, а Ленинград благодарил за приют и заботу, проявленную пермяками в столь труднейшее для всех время.

Среди членов президиума заседания на сцене театра – Галина Сергеевна Уланова. Секретарь обкома ВКП(б) Н. И. Гусаров подвел итоги пребывания театра им. С. М. Кирова в г. Молотове: 27 оперных и балетных спектаклей, свыше 1000 спектаклей, 14 концертно-спектаклей и около 3500 военно-шефских концертов, рабочие и интеллигенция города по 4-5 раз слушали и смотрели большинство произведений, колхозники дальних районов собирались по 500-700

человек и приезжали на спектакли театра, в фонд обороны театр внес более 4 млн. рублей... Гусаров выразил также благодарность отдельным артистам, первой упомянув Уланову. Слово было предоставлено и Галине Сергеевне:

«Прошли дни, много дней обыденного и в то же время совсем нового, своеобразного творческого труда в городе Молотове. Коллектив нашего театра, приехав на Урал, начинал спектакли в необычной для актеров обстановке. Трудно было привыкнуть к небольшой сцене. Скорее хотелось понять, как воспринимают зрители наши спектакли. Люди, стекавшиеся вечером в театр после напряженного трудового дня, привыкли к нам. С каждым днем росло взаимопонимание, и мы скоро гордились тем, что зрители приходят в театр не только отдохнуть, нет! Они приходят получить нечто большее – прикоснуться своим благородным сердцем к удивительным источникам искусства.

«Жизель», «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан»* – вот спектакли, в которых я танцевала здесь, принимая участие также в некоторых концертах. В новом городе хотелось показать со всей полнотой искусство танца, с любовью донести до зрителя создаваемые на сцене образы.

Вся наша жизнь принадлежит искусству. Много и серьезно работал весь коллектив театра. Не снижая уровня спектаклей, вкладывая всю творческую энергию, все вдохновение, готовил их для новых зрителей и зрители глубоко оценили, полюбили и поняли наше творчество.

Мне кажется, что пребывание в Молотове Ленинградского театра имени С. М. Кирова оставит большой след, заметно ска-

---

* Галина Сергеевна упомянула не все свои выступления в Перми. Для истории приведем репертуар по дням, исполненный Улановой, который удалось составить по газетным статьям, программкам и афишам ленинградского театра времен эвакуации: Одетта-Одиллия («Лебединое озеро», 17 октября 1941 г., первое выступление в Перми); Мария («Бахчисарайский фонтан», 8 декабря 1941 г.); Пуатье («Пламя Парижа», 25 января 1942 г.); Хореографическая сюита «XXIV годовщина Красной Армии» (23 февраля 1942 г.); Жизель («Жизель», 25 октября 1943 г.); Красная шапочка («Спящая красавица», 1 ноября 1943 г.). Такому небольшому количеству выступлений Улановой в Перми есть объяснение. Галина Сергеевна в нашем городе была наездами, поскольку выступала еще и с труппой Большого театра, который находился в эвакуации в г. Куйбышеве (ныне Самара), и в труппу которого по решению руководства страны была переведена в 1944 году.

По сведениям Е. П. Субботина, которые получены им лично от Г. С. Улановой, в нашем городе также работали в эвакуации ее родные. Это ее отец Уланов Сергей Николаевич (1881-1950), заслуженный артист РСФСР; мать Романова (Уланова) Мария Федоровна (1886-1954), заслуженный деятель искусств РСФСР.

жется в культурной жизни города. Уезжая, мы благодарим наших зрителей – молотовцев за ту любовь, которую они высказали нам, которой поддерживали нас и каждый раз вдохновляли на дальнейшее высокое и радостное служение искусству».

БЛИСТАТЕЛЬНА, ПОЛУВОЗДУШНА...

*«Портрет в голубом».
(Е. Гейденрейх).
Художник З. Серебрякова*

На здании Пермского хореографического училища (ул. Коммунистическая, 18 а) висит мемориальная доска с портретом знаменитой балерины. Текст гласит: «Екатерина Никодимовна Гейденрейх (1897-1982) – основатель и первый художественный руководитель Пермского хореографического училища».

Здесь она, говоря словами поэта, блистательна и полувоздушна – как на известном портрете замечательной художницы Зинаиды Серебряковой. Вот только в уральскую зиму при взгляде на трепетное хрупкое создание становится как-то зябко на душе и вспоминается то, какие испытания выпали на плечи этой красавицы...

История о том, как жили в годы эвакуации на Урале артисты знаменитых ленинградских театров, известна во многих подробностях, документах и судьбах. В те же годы в Прикамье работала известная советская балерина и педагог Екатерина Николаевна (по паспорту у нее отчество Никодимовна, но оно ей не нравилось) Гейденрейх. Этой женщине суждено было сыграть заметную, поистине историческую роль в создании пермской школы балета. Но мало кто знает, что на уральской земле она, в отличие от своих коллег-эвакуированных оказалась совсем по другому поводу, хотя и также не по своей воле...

Во время блокады Екатерина Николаевна осталась в родном городе, делила все тяготы вместе жителями осажденного Ленинграда. Но в апреле 1942 года на нее поступило заявление от «бдительного товарища» (стукачей было немало и в театральной среде). Специальным политическим отделом УНКВД Ленинградского военного

округа было заведено дело по обвинению Гейденрейх Е. Н. в антисоветских взглядах, которые она высказывала в общежитии хореографического училища, в контрреволюционных высказываниях и т. п.

Затем в деле №2690-42 появился интересный документ – «Характеристика». В документе непосредственный руководитель Екатерины Николаевны в целом положительно оценивал ее профессиональные качества: «в качестве преподавательницы классического танца, являясь работником по совместительству в Малом Оперном театре (МАЛЕГОТ) считалась одной из лучших». Но дальше шли такие слова:

«...В общественной работе не участвовала и с этой стороны никак себя не проявила. В частных разговорах проявляла болтливость и с большим апломбом высказывала своё мнение по любым вопросам, даже таким, в которых была совершенно несведуща. В политических вопросах разбиралась слабо. И. о. директора училища Л. Тагер. 3.04.1942 г.»

Все это, конечно, также было подшито к делу и использовано против обвиняемой. 25 апреля 1942 года военный трибунал войск НКВД Ленинградского военного округа на закрытом судебном заседании в расположении той же внутренней тюрьмы, рассмотрел дело Гейденрейх.

Военному трибуналу потребовалось всего 2 часа 30 минут, чтобы «разобраться» в деле обвиняемой и вынести ей суровый приговор, в котором отмечалось, что «Гейденрейх Е. Н. в феврале и марте 1942 года по месту жительства, среди своих знакомых, проводила клевету на советскую действительность, советское правительство и советскую печать». На основании изложенного военный трибунал признал «Гейденрейх Е. Н. виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 58, п. 10, ч. 2, но не усматривая необходимости применения высшей меры наказания, по конкретным обстоятельствам дела, и руководствуясь ст. ст. 319 – 320 УПК РСФСР приговорил: Гейденрейх Екатерину Никодимовну подвергнуть уголовному наказанию – лишению свободы сроком на ДЕСЯТЬ ЛЕТ с отбыванием в ИТЛ, с конфискацией личного имущества и с поражением в правах, предусмотренных ст. 31 пунктами «а» и «б» УК РСФСР сроком на ПЯТЬ ЛЕТ.

Меру наказания Гейденрейх исчислять со 2 апреля 1942 года. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Как пишет пермский исследователь Юрий Стецура в книге «Жизнь и судьба балерины Екатерины Гейденрейх» (П., 1997), суд не учёл то, что обвиняемая себя виновной не признала, что в деле

*Е. Н. Гейденрейх после
возвращения в Ленинград*

не было никаких доказательств её участия в «контрреволюционной деятельности», а были лишь слова уставшей одинокой женщины, сказанные с горечью в кругу коллег. Дела и поступки Екатерины Николаевны доказывали обратное. Она честно трудилась в блокадном Ленинграде, в трудных условиях продолжала передавать свой профессиональный опыт ученикам.

Суд не захотел услышать чистосердечное признание подсудимой, которая заявила, что была под впечатлением от страшной зимы в блокадном Ленинграде.

Находясь в депрессии, прочитав интервью с руководителем города, который обещал улучшить положение, призывал блокадников потерпеть, давал привычные заверения, что всё скоро изменится... Екатерина Николаевна ему не поверила. Она считала, что в Ленинграде «не такое уж блестящее положение, что трудностей будет ещё много». Она повторила это и в суде. Обращаясь к трибуналу, Гейденрейх рассказала, как в очередях жители города отзывались о вручении Сталинских премий артистам. И не отказывалась от своего мнения, что лучше бы эти деньги пошли на оборону страны.

Отвергая обвинение в том, что она пыталась сеять недоверие к советской печати, Екатерина Николаевна заявила:

«...О сообщениях нашей печати об издевательствах немцев я говорила в присутствии женщины, которая сильно беспокоилась за своего мужа, находящегося в оккупированной немцами зоне. Я говорила, что волноваться не надо, что зверства немцев описывают несколько преувеличенно».

Никакие доводы не были приняты во внимание... Приговором была предусмотрена конфискация личного имущества арестованной. В квартире Гейденрейх на улице Жуковского было много антикварных вещей. В акт, составленный 29 июля 1942 года, было включено более 80-ти крупных предметов и 550 мелких вещей. Рояль и мебель из красного дерева, старинные каминные часы и зеркало в красивой раме, фарфоровые вазы с позолоченной отделкой, старинный сервиз на пятьдесят персон, серебряные столовые приборы... Весь антиквариат был оценен в восемь тысяч восемьдесят три рубля. Эта сумма была перечислена в общесоюзный бюджет. Была конфискована и замечательная коллекция из восемнадцати картин, по-

даренных балерине художниками З. Е. Серебряковой, Е. Е. Лансере, Н. П. Богдановым-Бельским. Картины ушли в комиссионный магазин, где были проданы практически за бесценок. Пропал на долгое время и самый известный портрет «Гейденрейх в голубом» Зинаиды Серебряковой. (Позднее эта работа была передана частным коллекционером в Курскую картинную галерею).

Целый месяц добиралась Екатерина Николаевна до места отбывания срока. И только 26 июня 1942 года прибыла в Усольский исправительно-трудовой лагерь города Соликамска Молотовской (ныне Пермской) области.

В лагере Екатерина Николаевна пробыла пять месяцев. 20 декабря 1942 года на основании определения судебной коллегии Пермского областного суда в соответствии с постановлением Верховного Суда СССР от 1 августа 1942 года Гейденрейх была освобождена из Усоллага. Её «вытащили» из лагеря, ссылаясь на решение пленума Верховного Суда СССР от 1 августа 1942 года «О порядке рассмотрения дел об освобождении из-под стражи осуждённых, заболевших душевной болезнью или тяжёлым неизлечимым недугом». Кто-то помог подвести Екатерину Николаевну к статье «душевнобольная» или «больная неизлечимым недугом» и вызволил таким образом её из Усоллага. Реабилитация состоялась значительно позже.

Предположений о том, кто помог Гейденрейх, было много, но документально ни одну из версий не удалось подтвердить никому, в том числе и автору книги о судьбе балерины. Юрий Стецура пишет о том, что об освобождении Екатерины Николаевны хлопотала Агриппина Яковлевна Ваганова, но никаких ходатайств от театральной общественности в органы власти не поступало. Около семи месяцев Екатерина Николаевна жила в Соликамске, после чего ссыльную удалось перевести в Молотов, где находилось в эвакуации Ленинградское хореографическое училище. Рассказывают, что к просьбам эвакуированных деятелей культуры, прежде всего А. Я. Вагановой, милостиво прислушалось тогдашнее партийное руководство и лично секретарь обкома тов. Гусаров. Как бы то ни было, спустя много месяцев нужды и лишений ссыльная вновь оказалась в родной среде. 5 июля 1943 года по Ленинградскому училищу был издан приказ: «...Считать Е. Н. Гейденрейх вернувшейся на работу с 23 июня 1943 г. С сего числа поставить на довольствие». (Архив Санкт-Петербургской академии русского балета им. А. Я. Вагановой. Публикация Ю. А. Стецуры).

С 23 июня 1944 года при Молотовском театре оперы и балета была создана хореографическая студия (с 1 сентября 1945 реорга-

низована в училище). Художественным руководителем студии была утверждена Е. Н. Гейденрейх (приказ от 1 сентября 1944 г.).

В декабре 1956 года Е. Н. Гейденрейх добилась своей полной реабилитации и почти сразу уехала в родной Ленинград, который не видела 13 долгих лет...

Помня о том, что пришлось пережить в те уральские годы Екатерине Николаевне, мы с пониманием воспринимаем горькие признания из ее письма приемной дочери, написанные сразу после возвращения в Ленинград: «...Восхищаюсь всеми улицами, домами. С ужасом думаю о жизни в Молотове. И кроме работы, которая стала меня так мало интересовать, жизнь от меня медленно отлетела и я исподволь готовилась к глубокой старости. Здесь я, глядя на друзей, а главное – на родной город, снова оживаю. Я смеясь называю это четвертой молодостью».

Школа хореографии, основанная с ее помощью и под ее руководством на пермской земле, станет знаменитой на весь мир.

Е. В. Быстрицкая на уроке

Среди тех, кто окончил Пермское хореографическое училище по классу педагога Е. Н. Гейденрейх, была и Елена Быстрицкая, выпускница 1953 года, ныне – сама наставник будущих «звезд». Двадцать лет, до 1973 г. она была солисткой Пермского академического театра оперы и балета им. П. И. Чайковского. Работая в театре, Елена Владимировна исполнила партии Марии в «Бахчисарайском фонтане», Одетты в «Лебедином озере», Сольвейг в «Пер Гюнте», Феи Сирени в «Спящей красавице», Катерины в «Каменном цветке», Ири-

ны в «Грушеньке», Матери в «Береге надежды», Белой королевы в «Шахматах», Актрисы в «Штраусиане», Графини в «Трех картах».

С 1964 года Елена Владимировна работает в хореографическом училище педагогом классического и исторического танца. С 1994 по 1999 гг. она преподавала классический танец учащимся школы «Русская академия балета». Осуществила 8 выпусков. Среди выпускниц Е. В. Быстрицкой: Лауреат Международного конкурса артистов балета в Варне Людмила Васильева; заслуженная артистка России Татьяна Пунина; заслуженная артистка России, дипломант 7 Открытого Российского конкурса артистов балета «Арабеск-2002» Елизавета Небесная (Белорыбкина); Лауреат Республиканской театральной премии Карелии «Онежская маска» Анастасия Сидорова; Лауреат Международного конкурса артистов балета «Танцевальный Олимп» в Германии, дипломант 10 Открытого Российского конкурса артистов балета «Арабеск» 2008 г. Коике Саори; Лауреат Международного конкурса артистов балета «Танцевальный Олимп» в Германии Ли Чи Йонг и др.

Будущие артисты балета в Парке памяти

...В 1997 году, в честь 100-летия Е. Н. Гейденрейх в Пермском театре оперы и балета состоялся роскошный концерт с участием выпускниц ПХУ, нынешних звезд мирового балета, а также бывших учениц Екатерины Николаевны, которые сами стали затем педагогами и продолжателями дела, которому она посвятила всю свою

жизнь. Волнующую воспоминаниями о наставнице поделилась педагог Ирма Александровна Грачева.

Тогда же по инициативе общества «Арабеск» была открыта и мемориальная доска, на которой запечатлен в камне изящный образ «Девушка в красном». Пермь с благодарностью помнит о Гейденрейх.

«НАШЕ ДЕЛО ЛЕВОЕ. ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НИМИ...»

Вениамин Каверин. Из романа «Наука расставания»:

«...В «семиэтажке» было много детей, они играли в коридорах, и случалось, что Андрей участвовал в этих играх. Одна девочка долго не соглашалась быть Гитлером, наконец согласилась и сказала: «Наше дело левое. Победа будет за ними. Я умер».

«...в жилотделе мне объяснили, что гостиница действительно переполнена, добрая половина отдана работникам театра, а еще живут ленинградские пи-сатели с семьями, и вообще эвакуированными буквально набит весь город. Но ведь ты знаешь меня, я дождалась приема председателя горсовета, женщины, о которой в городе отзываются как об очень приличной...^{*} И действительно, ты не поверишь, она приняла меня очень сердечно, а когда узнала, что ты военный корреспондент и на фронте, сказала, что читала твои статьи и что вся страна читает их с восторгом. Потом устроила в одну интеллигентную семью и распорядилась, чтобы мне выдали карточки и прописали...»

---

^{*} В романе создан колоритный и узнаваемый образ председателя горсовета по фамилии Райская, прототипом послужила секретарь Молотовского горисполкома Л. С. Римская.

Часть 3

ПЕРМСКОЕ ПИСКАРЕВСКОЕ «У НОГ УЖЕ ПЛЕСКАЛИСЬ ВОДЫ СТИКСА...»

*Памятники блокадникам на территории
Егошихинского Парка памяти*

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЭВАКУАЦИЯ

Г. И. Вотина

На Пискаревском кладбище есть плита с надписью: «Вечная память героям Перми, погибшим в боях за Ленинград».

Воспоминания Галины Ивановны Вотиновой, ветерана «Пермэнерго», инженера, экономиста (частично опубликованы в газете «Аргументы и факты»).

– До войны наша семья жила под Ленинградом, на станции Жихарево, что между Мгой и Волховом. В июне 1941-го мне было двенадцать лет, но то время помню как один день. Лето было ужасным: постоянные налёты немецких самолётов, обстрелы и бомбёжки, кругом – пожары, все рушится. Мы, мирные жители, оказались посреди двух фронтов –

Ленинградского и Волховского. Снаряды дальнобойных орудий летали над нашими головами. Было очень страшно, спасались кто как мог.

Позднее нас вывезли в лес, к партизанам, где мы ютились в землянках. Так наступила глубокая осень, а за ней – суровая зима. Бомбёжки стали реже, и многие вернулись в свои жилища.

Волховский фронт отодвинулся. Ладожское озеро покрылось льдом. Появилась возможность подвозить продовольствие для жителей осаждённого Ленинграда.

Мы слышали, что от Жихарево через озеро будет проходить до Ленинграда трасса, ставшая потом известной всему миру как «Дорога жизни». Вскоре по ней в город на Неве пошли вереницы машин с продуктами, а обратно – с эвакуируемыми и ранеными. Их переправляли в населённый пункт Лаврово, оттуда грузовыми машинами и автобусами через Подолье и Васильково или Сассары – к нам, на станцию Жихарево, где размещали в Доме культуры. Замечу, по тем временам это был хороший Дом культуры.

Отправлять сразу ленинградцев, вывезенных из осады в тыл, было невозможно, настолько они были слабы от голода. Их подкармливали, подлечивали и, едва окрепших, везли на Урал и в Сибирь. Все силы жителей нашего посёлка были направлены на уход за эвакуированными блокадниками. Поскольку школы не работали, то мы, дети, не учились. И в меру своих сил тоже ухаживали за спасёнными ленинградцами.

Зимой наши мамы работали на расчистке «Дороги жизни» от снежных заносов. Без техники, лопатами, работали с раннего утра до темноты, получая только 600 граммов хлеба. Подростки 12-14 лет трудились наравне со взрослыми, но хлеба не получали. Мы работали по желанию и сколько могли, так как у каждого кто-то из младших был на попечении. У меня – маленькая, четырёхлетняя сестрёнка Инна, которую я нередко старалась «подкинуть» старушке Лукинишне, а сама бежала с ребятами на трассу. По ней везли много продовольствия, и мы радовались, что Ленинград будет спасён. Хотя сами тоже голодали: в первые месяцы войны нам не выдавали пайков, питались тем, что сохранилось в хозяйствах после бомбёжек. Пекли лепёшки из картофельных очисток и жмыха. Летом делали их из лебеды и других трав.

«Дорога жизни» спасла и город, и его жителей, проявивших стойкость и мужество. А я, повзрослев, после окончания войны училась в Ленинграде в техникуме. Затем была направлена на работу в Молотов (Пермь).

Здесь, в Перми, я проработала 42 года, 26 из них – в системе «Пермэнерго». В молодости всякий раз, когда бывала в командировках в Ленинграде, обязательно посещала Пискарьёвское кладбище, где в братских могилах покоится прах и моих родных. На этом кладбище есть плита с надписью «Вечная память героям Перми, погибшим в боях за Ленинград».

*Пискарьёвское кладбище.
Линогравюра А. Ушина*

*«Скорбящая»
в Пермском Парке памяти*

История одной семьи

Не один год учащиеся пермской школы № 22 под руководством Н. В. Красноперовой составляют жизнеописания фронтовиков, блокадников, труженников тыла. Поиск продолжается...

Анна Александровна Сергиенко (в девичестве Халезова) – «смолянка», как называли выпускниц Смольного института (института благородных девиц). В мирное время была домохозяйкой, воспитывала двоих детей. С июля 1941 г. по январь 1942 г. работала на Кировском заводе Ленинграда в цехе по производству снарядов для фронта. Умерла от алиментарной дистрофии в ночь на 1 февраля 1942 г., не дожив 16 дней до своего сорокалетия. Похоронена в братской могиле на Пискаревском кладбище. Оставила двух несовершеннолетних детей: Руслана и Серафиму.

Серафима Андреевна Тетерина (фамилия по отцу, первому мужу Сергиенко А. А., 1926-2000). В 1941-1942 гг. вместе со своим братом и другими школьниками дежурила на крышах блокадного города, гасила фугасные бомбы, предотвращая возгорание зданий. Оставшись без матери, училась в ремесленном училище (по специальности токарь). Затем от училища работала на оборонную промышленность. Работали дети, как взрослые, по 12 часов в сутки. Для экономии времени и сил спали прямо в цехах рядом со станком. Брат Руслан был маленького роста, таким детям для работы на станке подставляли деревянный ящик. Эвакуированы по «Дороге Жизни» в составе учащихся ремесленного училища в июле 1942 г. в г. Куйбышев. В Перми оказались по вызову живших там родственников. Тетерина С. А. закончила заочное отделение Московского техникума советской торговли. Была сотрудником Пермского облпотребсоюза. В 1990 г. за участие в героической обороне г. Ленинграда награждена медалью «За оборону г. Ленинграда». Внуки Коротаевы Лиза и Борис – учащиеся школы № 22 г. Перми.

Младший брат Серафимы Андреевны Руслан Андреевич (1929-2008) служил на Балтийском флоте. Демобилизовавшись, окончил вечернюю школу, затем экономическое отделение Пермского государственного университета. Заслужил признание как ведущий специалист лаборатории станков с программным управлением НИТИ. В 1990 г. был награждён медалью «За оборону Ленинграда» .

«У НОГ УЖЕ ПЛЕСКАЛИСЬ ВОДЫ СТИКСА...» (А. Володин)

Заложники судьбы

Заслуженный артист, педагог Пермского хореографического колледжа Юрий Сидоров однажды сказал мне:

– Как только я услышал, что у нас в Перми похоронены такие артисты, ноги сами понесли меня на Егошихинское. Я бродил среди могил, рассматривал памятники, думал о прошедшем... Того, что искал, конечно, не нашел. Но поиск нужно продолжить, я считаю. Я зашел в храм, поставил свечку...

Да, надгробия этих артистов, видимо, утрачены, но... Пермское общество охраны памятников в содружестве с обществом «Арабеск» и Пермским хореографическим училищем установили в «театральном квартале», возле церкви Всех Святых, памятный знак в честь тех людей, которых навечно нарекли этим словом – блокадники.

Обо всем этом, о труднейшем и в то же время прекрасном времени нашей жизни – не выживания, а жизни во имя общей победы написано уже немало книг, сняты фильмы. В годы Великой Отечественной войны в Пермь (тогда Молотов) и область были эвакуированы десятки ленинградских предприятий, учреждений, и среди них – прославленный Кировский театр, Мариинка. Уральцы приняли, приютили и в буквальном смысле вернули к жизни не только тысячи раненых бойцов, но сотни детей, вывезенных из блокадного города.

Однажды мы встретились возле Успенской церкви, на Егошихинском кладбище, с пожилой женщиной в черном платке. Она долго бродила по старинному кладбищу, потом подошла к нам. Оказалось, Людмила Михайловна Васильева (Богданова) приехала из Ленинграда.

– Ищу могилку своей сестры, – сказала Людмила Михайловна, – Валентины Михайловны Богдановой. Мы приехали сюда в эвакуацию из Ленинграда, Валя умерла от дистрофии в 44-м. Она с 1901 года работала на военном заводе, теперь велосипедном. Ходила на завод пешком, с поселка Плоского. Когда тело сестры привезли на кладбище, мы заметили, что много покойников хоронили на углу этого же квартала, как в братской могиле. Ой, тяжелое время было!.. После войны, в 47-м, я уехала обратно в Ленинград, а родные мои уж не поехали. Приезжаю к ним в гости и сестренку провести, мо-

гилка Вали где-то здесь (между Успенской церковью и памятником жертвам репрессий – авт.) Знаю, что немало ленинградцев осталось навечно на этом кладбище, среди них были не только артисты...

Нам удалось обнаружить одно из ленинградских надгробий на этом участке: деревянный крест на могиле Михаила Михайловича Вечеслова, отца балерины народной артистки СССР Татьяны Вечесловой.*

Отец балерины был врачом. О том времени Татьяна Михайловна вспоминает так:

«...Мое возвращение с фронта на Большую землю (после концертов в составе фронтовой бригады – В. Г.) было нерадостным. Тяжело заболел отец. Через несколько дней он скончался. Не дождался победы, а она была так близка. Близилась реэвакуация нашего театра...» (Книга «Я – балерина», Искусство, М.-Л, 1964).

– В военные годы, – рассказывает пермяк А. Д. Созинов, – мы собирали здесь, на кладбище, хвою, сдавали ее в пункт на углу Советской, там делали витаминный хвойный напиток. Кормили-то плохо, а директриса нашей школы, 21-й, была пробойная, старалась всячески нас поддержать, подкормить. Знал, что неподалеку от церкви похоронили артистов Кировского (Мариинского) балета, бывших у нас в городе в эвакуации. Помню, мы елку привезли в театр, нам контрамарку на первый спектакль балета Хачатуряна “Гаянэ” дали. О, мы же всех тогдашних звезд видели, знали, и Дудинскую, и Уланову...

Здесь же похоронены художник Петр Иванович ЛЬВОВ (1882-1944), артист Кировского театра Захар Николаевич МАЦИН (1876-

---

* Татьяна Михайловна Вечеслова [12(25).2.1910, Петербург – 11.7.1991, Ленинград], артистка, педагог. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1957). По окончании ЛХУ (педагог А. Я. Ваганова) в 1928 дебютировала на сцене Ленингр. театра оперы и балета в партии Гюльнари («Корсар»). Первая исполнительница партий: Флорина («Утраченные иллюзии», 1936, балетм. Р. В. Захаров), Маниже («Сердце гор», 1938, балетм. В. М. Чабукиани, первое исполнение в Ленинграде), Паскуале («Лауренсия», 1939, балетм. тот же), Татьяна («Татьяна», 1947, балетм. В. П. Бурмейстер). Исполнила партии: драматические – Эсмеральда (1935, балетм. Ваганова, первое исполнение), Зарема, Тао Хоа (1949, балетм. Захаров, первое исполнение); комедийные – Кривляка («Золушка», 1946, балетм. К. М. Сергеев, первое исполнение; Гос. пр. СССР, 1947), Лиза; Нунэ («Гаянэ», 1942, балетм. Н. А. Анисимова, первое исполнение); лирические – Жизель, Аврора, Одетта – Одиллия, Золушка; бравурно-виртуозные – Китри. Создала образы, отмеченные изяществом, отточенностью танцевальной формы, артистическим дарованием. В 1953 оставила сцену. В 1952-54 худ. рук., в 1969 – 70 педагог ЛХУ, в 1955-69, 1970-71 педагог-репетитор театра им. Кирова. Автор книг и статей о балете: Я – балерина, Л.-М., 1964; О том, что дорого, Л., 1984. Снималась в кинофильме «Концерт мастеров искусств» (1952).

1942), заведующий балетной труппой Иван Николаевич ИВАНОВ (ск. 8 апреля 1942). И другие приезжие, личности которых еще предстоит уточнить.

Надгробия этих артистов (в «театральном квартале», возле церкви Всех Святых) утрачены.

...Беседы в родительский день – в день поминовения предков – существенно помогли продвинуться в моих поисках ленинградцев. Удалось записать волнующие истории, примеры проявления лучших качеств души человеческой, взаимовыручки, отзывчивости, патриотизма... Особенно часто – сердобольности, типичной для русской женщины. Но довелось узнать и много негатива. Если обойтись без газетной риторики, – «все как один», «сплоченным строем на общего врага» и т. п. – то картина эвакуации в тыловом городе предстает гораздо более драматичной и сложной.

То, что я испытал, напоминает первое впечатление от «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина. Не хотелось читать. Шокирующее впечатление, ощущение потрясения. Блокада, вообще война предстала во всей своей неприглядности, тут и драматизм, и героизм – все смешалось. «Книги берегли, а людей ели», – вспоминается мне одна читательская реплика. Немало страшных, отталкивающих событий происходило и на Урале, но о таких явлениях, как трусость, корыстолюбие, жестокость в отношении с эвакуированными и прочее, в газетах не писали. Цензура военного времени просто свирепствовала. Иначе, наверное, тогда было нельзя.

Как только появилась возможность вернуться, те, кто смогли – уехали в родной Ленинград. Для театральных, заводских коллективов этот долгожданный процесс назывался «резэвакуацией». Долгожданный – потому что жить на чужбине все равно несладко, как бы ни были гостеприимны уральцы. Тем более, что и хозяева попадались разные, встречались среди них и такие, кто смотрел на приехавших искоса, стремился заработать на бедолагах. Но было немало ле-

Надгробие
Анны Плечовой, блокадницы

нинградцев, кто остался в нашем городе ради дела. Обучать новое пополнение на новых производствах, развернутых на базе эвакуированных предприятий и т. д. Были и такие, кто остался в наших краях по семейным обстоятельствам.

Они покорили сердца зрителей

ЛОПУХОВА Евгения Васильевна [25.11(7.12).1884, Петербург-21.8.1943, Пермь], артистка балета и оперетты. Сестра А. В., Ф. В. и Л. В. Лопуховых. По окончании Петербургского театрального училища (педагог К. М. Куличевская) в 1902-24 в Мариинском театре, совершенствовалась у Х. П. Иогансона, Е. П. Соколовой, Н. Г. Легата, А. В. Ширяева. Дебютировала русской пляской в балете «Конёк-Горбунок». В 1909, 1910 и 1911 участвовала в Русских сезонах С. Дягилева.

В 1919 получила звание «балерины характерных танцев». Партии: Царевна («Жар-птица», 1921, балетм. Ф. В. Лопухов), Мария («Привал кавалерии»), Жавотта («Жавотта»), Маринетта («Испытание Дамиса»), Коломбина и Маркитантка («Щелкунчик»), Эстрелла («Карнавал»). Исполняла характерные танцы в балетах: венгерская рапсодия («Конёк-Горбунок»), цыганский танец («Дон Кихот»). Изучала нар. танцы и выступала с разнообразными концертными программами, исполняя русские пляски разных губерний, а также др. народов (венгерские, грузинские, цыганские, голландские, мексиканские).

Исполнительскую манеру Л. отличали широта и удаль. Типичным для Л. был образ наивной и непосредственной деревенской простушки, комичной в условиях современной жизни. До 1941 выступала в опереттах («Мадемуазель Нитуш» Ф. Эрве, «Сильва» И. Кальмана) и на драматической сцене («Псиша» Ю. Д. Беляева).

ЛЕОНТЬЕВ Леонид Сергеевич [28.3(9.4).1885, Петербург – 6.6.1942, Пермь], артист, балетмейстер, педагог. Засл. арт. РСФСР (1932). По окончании Петербургского театрального училища (педагог Н. Г. Легат) в 1903 был зачислен в труппу Мариинского театра, где работал до 1942 г. Дебютировал в партии Пьера («Привал кавалерии», 1903). Начинал как классический танцовщик. Партии: па де де («Жизель»), Кузнечик («Капризы бабочки»), Франц, Колен. Позже выступал в различных партиях – от острогротесковых и комедийных до драматических: Аленький цветочек («Аленький цветочек»), Шут («Павильон Армиды»), Петрушка и Арап («Петрушка»), Санчо Панса («Дон Кихот»), Иванушка («Конёк-Горбунок»), Ганс («Жизель»),

Гренгуар («Эсмеральда»), фея Карабос («Спящая красавица»), Арлекин («Карнавал»), Исаак («Корсар»).

Первый исполнитель партий: отец Асака («Ледяная дева», 1927, балетмейстер Ф. В. Лопухов), Учитель танцев («Крепостная балерина», 1927, балетмейстер тот же), Лёнька («Болт», 1931, балетмейстер тот же), Гаспар («Пламя Парижа», 1932, балетмейстер В. И. Вайнонен), Камюз («Утраченные иллюзии», 1936, балетмейстер Р. В. Захаров). Исполнение Л. отличалось пластичностью, лёгкостью, мастерством отделки деталей; обладал даром импровизации, музыкальностью, тонким чувством стиля; блестяще владел искусством пантомимы. Участник первых Русских сезонов (1908-1910).

В 1911-16 и 1918-41 преподавал классический танец и вёл класс пантомимы в Петербургском театральном училище. Ученики – М. А. Дудко, Б. В. Шавров, М. М. Михайлов, А. В. Лопухов. В 1920, 1922-25 управляющий балетной труппой Петроградского театра оперы и балета и зав. Хореографическим училищем. Перенёс на петрогр. сцену балет «Петрушка» (1920; Л. – Петрушка); возобновил балеты: «Жавотта» (1923), «Времена года» (1924), «Царь Кандавл» (1925); пост, балеты: «Саломея» (1922), «Красный мак» (1929). Ставил танцы в операх, драматических спектаклях.

МУНГАЛОВА Ольга Петровна [28.11(11.12).1905 – 26.8.1942, Пермь], артистка. По окончании Петроградского театрального училища (педагоги О. И. Преображенская, А. Я. Ваганова) в 1923-42 в Петроградском (Ленинградском) театре оперы и балета, дебютировала партией Девушки («Эрос»). Первая исполнительница партий: Ледяная дева (1927), Маша («Шелкунчик», 1929), Ольга («Болт», 1931; все балетмейстер Ф. В. Лопухов), Западная комсомолка («Золотой век», 1930, балетм. В. И. Вайнонен, Л. В. Якобсон, В. П. Чеснаков), танец египетских акробатов в опере «Юдифь» (1925, балетмейстер Ф. В. Лопухов). Другие партии: Жарптица; Тао Хоа и номер «Эксцентрик

Ольга Мунгалова

и осёл» («Красный мак»), Юленька («Катерина»), принцесса Флорина и фея Бриллиантов («Спящая красавица»), Жемчужина и Царица вод («Конёк-Горбунок»), Повелительница дриад («Дон Кихот»), Мирта («Жизель»), Эффи («Сильфида»), Арсиноя («Египетские ночи»), Невольница («Корсар»), Сильфида («Шопениана»), Мария; Хасинга («Лауренсия»), Актриса («Пламя Парижа»), Натэла («Сердце гор»), Град («Времена года»).

Имела большой концертный репертуар (выступала с П. А. Гусевым), участвовала в концертах петроградской труппы «Молодой балет». Классическая танцовщица, М. в то же время большое внимание уделяла танцевальной акробатике. Стала лучшей исполнительницей программных балетов Лопухова. Спортивность, виртуозное владение стремительными темпами и резкими сменами ритмов придавали её искусству современное звучание. Часть сочинённых ею упражнений вошла в современный тренаж.

Ольга Мунгалова автор неопубликованных воспоминаний (библиотека петербургского отделения СТД, инв. № 412, данные приводятся по «Балетной энциклопедии»).

Момент открытия мемориала блокадникам. Педагог Л. Г. Климушкина

ПСЕВДОНИМ С ТИТУЛОМ (КАЗУС д`АКТИЛЯ)

На центральной аллее у Всехсвятского храма похоронен Анатолий Адольфович Френкель (1890-1942), выступавший в печати под псевдонимом Онегин, а также Желчный поэт, Поток-Богатырь, Нето, Три А, Ада. Образование у поэта было классическое (гимназия), поэтому к русской классике он обращается очень часто. Можно даже сказать, Френкель выступал в тот переломный момент своего рода связником двух эпох, двух миров, старого и нового. И очень хотел «встроиться» в новую, пролетарскую культуру. Создал даже литературную мистификацию, шутку под названием «Тов. Евгений Онегин» (отрывок из ненаписанной главы).

«Стихи на случай сохранились.

Я их запомнил, как свои.

– «Куда, куда вы удалились

Глаза и уши РКИ?

Что день грядущий нам готовит?

Иль суд растратчика изловит?..»

И т. д. в том же духе о доблестной РКИ (рабоче-крестьянской инспекции) и хитрых смутьянах.

Поэт А. А. д'Актиль во время эвакуации ...и в 1930-е годы.

Рис. В. Оболенского, дружеский шарж Б. Антоновского

Но больше всего он известен читателю под псевдонимом д'Актиль. Поэт выбрал себе аристоним (псевдоним с титулом), который означает также и стихотворный размер (дактиль с греческого – палец). Впоследствии, когда начнется война с фашистской Германией, некоторые будут говорить, как не повезло Анатолию Адольфовичу с отчеством. Однако родителей ведь не выбирают, и отчества не меняют. А вот псевдонимы наш веселый поэт менял частенько. Аристоним скоро стал известен всей стране. Ведь это тот самый автор популярнейших советских песен «Марш кавалеристов» («Марш Буденного»), «Марш энтузиастов» (из кинофильма «Светлый путь», 1940), «Звать любовь не надо» (из кинофильма «Моя любовь», 1940, музыка И. Дунаевского), а также песни из репертуара Л. Утесова – «Пароход» и других.

Кроме того, он автор нескольких мюзиклов и оперетт И. Дунаевского, писал и романы, один из которых даже считается народным – это «Две розы» (муз. Д. Покрасса), помните?

«И остались только как мemento мори две увядших розы в синем хрустале. Одна из них – белая, белая – была, как попытка несмелая. Другая же – алая, алая – бесстыдная, лживая, наглая». Так уместна неизбывная грусть поэта о невозвратном минувшем в заключительных строках:

«...Счастья было столько, сколько капель в море, сколько листьев желтых на сырой земле».

Часто исполняют романс д'Актиля «Тайна» на музыку В. Сидорова; его включил в свой юбилейный концерт и неувядаемый Иосиф Кобзон.

В последние годы творческое наследие поэта, его стихи и сатиры переиздают, включают в сборники. Но Анатолию Адольфовичу катастрофически не везет с «биографами», которые берут на себя труд рассказать о его жизни. Например, в сборнике «Сатирикон» и сатириконцы» (Эксмо-Пресс, 2000) указана неверная дата кончины поэта: 1932, то есть, сократили брэнное существование литератора на целое десятилетие. В материалах, распространяемых через Интернет, безвестный автор более гуманен: он не только «разрешил» жить поэту до 1946 года, но еще приписал следующее: «... 1945 – переехал в Москву. Женится на Шуре Ильиной, вдове Семена Френкеля...»

Непонятно, как появилась эта путаница, ведь у Анатолия Адольфовича есть родственники, жива дочь; его, наконец, многие знали. Известно, что прах поэта мирно покоится под каменным «столбиком» на старинном пермском кладбище. «Столбиком» называют посетители памятник в виде аналоя (узкий кафедраальный столик в храмах, на который кладут богослужебные книги). Есть и документаль-

ное подтверждение того, что жизненный путь д'Актиля прервался здесь, на уральской земле. В некрологе, опубликованном в местной газете «Звезда» 1 декабря 1942 года, читаем (первая публикация документа принадлежит историку В. С. Колбасу):

«29 ноября в г. Молотове скончался поэт Анатолий Адольфович д'Актиль, один из самых талантливых русских сатириков XX века, блестящий автор малых драматических форм, острый фельетонист и переводчик. Один из основных сотрудников известнейшего русского дореволюционного журнала «Сатирикон», А. А. д'Актиль впоследствии становится деятельным участником советских юмористических журналов («Бегемот», «Крокодил» и др.), сотрудником многих советских газет и автором многочисленных эстрадных пьес, миниатюр и монологов, принёсших ему заслуженную славу. А. А. д'Актиль – автор одной из первых советских оперетт – «Дороги к счастью» и многих популярных советских песен. Перу А. А. принадлежит также незаурядный, мастерский перевод на русский язык пьесы английского классика Гольдсмита – «Ночь ошибок».

Человек большой общей культуры, литератор по призванию, на редкость остроумный собеседник – А. А. д'Актиль надолго останется в нашей памяти как товарищ и друг».

Подписали некролог известные литераторы, деятели культуры, такие, как С. Розенфельд, М. Козаков, В. Каверин, М. Слонимский, А. Первенцев, Ю. Тынянов, А. Пазовский, Е. Сурков, И. Ефремов, Б. Михайлов. Позволю себе только не согласиться с уважаемым историком, который в комментарии к опубликованному некрологу выразил свое сомнение в том, можно ли считать д'Актиля «одним из самых талантливых русских сатириков XX века». Мне эта оценка не кажется преувеличенной и завышенной, в чем нас убеждают появившиеся в последние годы публикации. Знакомство с большей частью наследия яркого сатирика, особенно творения дореволюционного периода, позволяют исследователям расставить иные акценты, произвести своеобразную перегруппировку и даже переоценку.

Между прочим, попытки нового взгляда на творчество А. А. д'Актиля предпринимались и раньше. В 1970 году пермские студентки Л. И. Кемпель и Л. М. Жуланова написали научную работу на данную тему. Их научным руководителем была доцент ПГУ Р. В. Комина. В своем отзыве (архив автора) Римма Васильевна нашла в студенческом исследовании немало положительных сторон. Она, в частности, писала (примечание: филолог Комина пишет псевдоним поэта так, как принято в русском языке: если «дворянская» приставка «дэ» стоит в начале фамилии, то она становится заглавной):

«Очень ценно, что авторы стремятся быть историчными, так при оценке художественных достоинств сатирических частушек д'Актиля авторы сопоставляют их с народными образцами, размышляют о сравнительных достоинствах тех и других... Стремление критически оценить слабые стороны отдельных произведений д'Актиля, понять трудности его работы (например, в 30-е годы)...»

Глухой намек на трудные 30-е годы в то время, разумеется, нельзя было расшифровать, но само упоминание данного обстоятельства говорит о несомненной информированности пишущего. Р. В. Комина поставила четкую задачу: «Очерк творческого пути в целом делать, видимо, рано – нужно продолжить собирание материала». Вместе с тем она, как руководитель «интересно задуманного научного исследования», считала, что «и в таком варианте работа заслуживала награждения грамотой горкома ВЛКСМ или премией».

Ныне у нас больше возможностей окинуть взором творческий путь незаурядного поэта. Печататься он начал в 1911 году. Сотрудничал в газете «Биржевые ведомости», в журналах «Сатирикон», «Стрекоза», «Бич» и др. Был редактором еженедельника «Жизнь и суд». В конце 1917 года переехал в Ростов-на-Дону, печатался в газете, работал в эстрадном театре, затем служил в Политотделе Первой конной армии (1919). Позже организовал и редактировал сатирический журнал «Красный ворон» (впоследствии «Бегемот»), а также журнал «Смехач». В блокадном Ленинграде работал на радио и в печати. Занимался и переводами. Автор книг: «Желчью по бумаге» (1917); «Синяк под глазом» (1926); «Первая конная в боях: история в частушках» (1930) и др. О себе он писал так:

«...Я человек чуткий. Получив приглашение от редакции «Бегемота» дать свою автобиографию, я понял, что от меня требуют заполнения хотя и в скрытом виде – ещё одной анкеты. О, господи! Ну, нате, нате...

Родился я в 1890 году. В Иркутске. (Если в моих стихах есть каменная суровость, отнесите её, пожалуйста, за счёт необъятной тайги, ропота кедров и тяжёлого бесснежного мороза!). Начал я своё образование в Читинской гимназии... (Если в моих стихах есть вольнолюбивая непокорность, прошу видеть здесь отражение неразгаданного Байкала, озера ясных глубин и таинственных бурь!) В 1903 году я очутился в Нью-Йорке и четыре года учился в колледже. (Если в моих стихах есть спокойное стремление ввысь, вспомните о сороказатных небоскрёбах, купающих свои шпили в весенних облачках!) В 1907 году я уже опять в Иркутске: в седьмом классе гимназии. (Если в моих стихах... Впрочем, об Иркутске уже было.)

С 1910 по 1915 г. юридический факультет Петербургского университета. (Если в моих стихах есть стройность логической мысли и ясное чувство правосознания – то, ей-богу, не знаю почему, так как за все 5 лет я успел сдать только одну статистику!) С 1912 по 1917 г. я живу безвыездно в Питере и работаю в печати. (Если в моих стихах есть ампиричность барокко и ренессанс рококо, как не вспомнить о городе Фальконета и Клодта, Витали и Растрелли!). В 1915 году я женился. (Если в моих стихах есть лиризм надрыва и задушевность усталости... Впрочем, виноват!). В 1917 году у меня родилась первая дочь. В 1924 – вторая. В 1926 – третья. (Если в моих стихах есть благородная раздражённость и язвительная желчь... одним словом, вы сами понимаете.) В 1927 году... Ну, да 1927 год ещё не прошёл. Чего там! Декабрь 1927 г.».

В уральской глубинке поэт оказался не по своей воле. Отношение к провинции у сатирика выработалось, как можно предположить, под влиянием давно сложившихся стереотипов. Возможно, вспоминались ему ранние впечатления о жизни в Иркутске. Обращение к теме провинциальной жизни есть у него и в стихотворении «В тиши... В глуши... (Письмо из провинции)».

1.

*Впереди – фронтон усадьбы.
Позади – вишнёвый сад:
Вот бы взять да описать бы
Пруд, и зелень, и фасад.
Разбудить в душе страстишку,
Да в десяток вечеров
Запузырить повестишку,
А-ля Чехов–Гончаров!
Эвон: дёрнулся листочек...
Шорох ножек по траве...
Вот сейчас мелькнёт платочек
В притаившейся листве.
Солнце тень, дробя, отбросит
На стволы старух-берёз.
Выйдет девушка и спросит:
– Ты чего здесь, сукин пёс!?*

2.

*Я вскочил, пунцов от гнева –
И осёкся и поник.
Предо мной была не дева,
А Евтишка-озорник.*

*Рыжих косм слежалась гряда.
Взгляд прищурен – на прицел.
– Рассиротился... паскуда!
Удирай, покеда цел!*

3.

*Я откланялся Евтишке
И назад – к себе – под кров...
Где уж тут будить страстишки,
Да мечтать о повестишке
А-ля Чехов–Гончаров!*

В начале 1930-х поэт решает написать поэму о преображенной советской провинции. Начало у него вполне в духе критического реализма Некрасова, после описания неприглядного пейзажа с лужей идет рефреном почти крик души: «...Какая ж ты унылая, какая ж ты убогая, зловонная, прогнившая до самого до дна – Рязанская, Казанская, Калужская, Тамбовская, Сибирская, Уфимская, Псковская старина». (Крокодил, 1931).

Под конец автор рисует картину полного преображения провинции: появились заводские корпуса, авто мчатся по мостовым и т. п. Когда же поэт оказался в тихом городе Молотове, впечатление у него создалось почти как в первой части поэмы «Провинция». В советские десятилетия город очень слабо развивался, он находился на положении райцентра, львиную долю средств забирал Свердловск – «рабочая столица Урала». И для уральцев у приезжего сатирика и пересмешника давно был готов рецепт, прописанный им в стихотворении «Москва-Нью-Йорк» (Крокодил, 1932). Вот он, этот «рецепт счастья»: «...Кривошлепный переулок переделаем в Бродвей». Вырвавшись из блокадного города на Неве, поэт не стал изучать город на Каме. У него на это не было ни времени, ни, увы, здоровья. Но он сразу включился в общую работу. Его муза словно обрела новый голос.

Недавний сатириконец, он не «потерялся» и в 1920 годы, годы НЭПа, поэт неплохо справлялся с ролью советского трубадура, рисовавшего весьма привлекательный образ страны, в которую уже рвутся иностранцы. И американцы «...верят, что вращается Земля вокруг твердынь рабочего Кремля». («Чудесная страна», ж-л Смехач, 1927). Любопытно, что поэт здесь решил скрыть тот факт, что сам-то он, в отличие от своего лирического героя, в Америке побывал. д'Актилю пришлось также ввязаться в полемику (плохо верится в его искренность) с эмигрантами – а стало быть, со многими недавними коллегами по перу.

*«...Был эмигрант положительно доволен
Мыслить и грезить, и чувствовать волен.
Пресса к услугам (никто не перечь),
«Руль без кормы и без голоса «Речь».
Если душе утомленья потребны,
Жарь панихиду и делай молебны
«За убиенных», «За Русь», за того,
Чье беспрерывно глядит торжество...»*

Не чурался поэт и политической публицистики, выступая по различным актуальным поводам внешней и внутренней политики. Чем пришлось заниматься популярному поэту на Урале? Эвакуированный в Молотов (Пермь) из сжатого блокадой Ленинграда, поэт продолжал работать не только для театра, но и для мастерской агитплаката, сотрудничал с газетой «Звезда». Его перу принадлежит немало едких стихотворных подписей к карикатурам антигитлеровской направленности. (См. Приложения в конце книги).

Приведем здесь одну из его опубликованных в 1942 году реплик:

*«Закрты все семафоры,
Разобраны все мосты.
И История, чинная дама,
На безмолвный его вопрос
Отвечает Адольфу прямо:
– Пожалуйста под откос!
Он только пикнет печально,
И, спустя момент, от него
Ни костей, ни речей, – буквально
Не останется ничего!»*

Вот еще одно творение, опубликованное в «Звезде» под названием «Рассказ в лицах о крестах и землице». Это своеобразный комментарий к агитокну художника Мороза.

*Фриц Мюллер горд и полон сил,
Ему сам фюрер посулил
Железный крест в петлицу
И русскую землицу...
...Но год окончился едва
Сбылись все фюрера слова:
В наличии у Фрица
И крестик, и землица.*

Весной 1942 года во время одного из заседаний художник В. Оболенский (тоже из эвакуированных) набросал портрет поэта. Реакция Анатолия Адольфовича была молниеносной. Вот его автограф под рисунком:

*«Великий грех читать на заседании
Свои стихи.
И сей портрет набросан в наказание
Мне за грехи».*

21 марта 1942 г.

Анатолий Адольфович, наверное, на самом деле был греховодником и богохульником. Чего стоит один его цикл антиклерикальных частушек! Он сам говорил о себе: «Я – насмешник по природе». Как говорится, такие люди ради красного словца не пожалеют и отца. К слову сказать, в годы гимназической юности, в старших классах он переменял веру отцов, перешел в католичество. Далеко не все его домочадцы, бывшие единоверцы отнеслись к такому шагу с пониманием. К концу жизни мировосприятие поэта заметно меняется, он задумывается над такими вопросами, от которых раньше, по молодости лет, бежал как черт от ладана. Мысли о воздаянии за грехи стали одолевать творца уже не в шутку. Иначе зачем то и дело поминал Господа (чаще – всуе, по привычке?).

*«Господь! Во все часы и дни
Не наказуй и не кляни
И не взирай на нас сурово.
От рабства слова нас храни,
А паки – от свободы слова!»*

Под этими словами можно было бы подписаться многим публицистам новейшего времени, особенно в эпоху так называемой «перестройки».

Народную мудрость про «молчание – золото» частенько вспоминал в последние годы жизни и записной остролов д'Актиль. Но вот на его надгробном аналое на страницах каменной книги нет никакой эпитафии. Страницы пусты, обычно здесь пишут библейские изречения. Возможно, этот просчет объясняется тем, что надгробный камень был позаимствован со старого участка, с какой-нибудь могилки. В войну так делали, как рассказывали мне старожилы.

История, по определению самого Анатолия Адольфовича – «дама чинная».

Одно из последних и самых значительных произведений поэта «Ленинградцы» написано словно от лица всех блокадников. Во вступлении к этой книге приведено только начало стихотворения, которое чаще всего и цитируют. «На молотовских солнечных панелях нас можно распознать издалека...» Да, случайные встречные догадывались сразу: «...Вы из Ленинграда?» Вот как ответил поэт на этот исторический и риторический вопрос местного жителя:

*...Да. Из того железного кольца,
Которым сдавлен город трехмилонный,
Из ночи без начала и конца –
Холодной и тревожной и бессонной.
Из тех краев, где серый горизонт
Зарницами снарядами распорот.
И где географическое: город –
Звучит как стратегическое: фронт...*

«ЛИТЕРАТУРНАЯ МАМА»

Н. Н. Арбенева

Скромный неприметный памятник на центральной аллее у Всехсвятского храма обычно мало кто замечает. Между тем здесь покоится удивительная женщина, которую пермские писатели назвали «нашей литературной мамой». Это ленинградская, а точнее, петербургская писательница и переводчица Надежда Арбенева (1890–1954).

Она настолько «срослась» с проблемами и заботами местных литераторов, что даже когда началась эвакуация, не уехала в любимый Ленинград, осталась здесь работать до конца своих дней. Для многих пермских литераторов ее советы были незаменимыми. Она была воплощением истинно петербургской «старорежимной» интеллигенции.

В коллекции документов, посвященных ей (хранятся в Пермском госархиве на Студенческой, см.: ф.Р1588 оп.1 д.584), к дореволюционной фотографии Надежды Николаевны прикреплены некролог 1954 года и статья писателя Вл. Черненко о ней, написанная в 1970 году и опубликованная городской газете. Позже о Н. Н. Арбенева писали и спустя десять, и двадцать лет – благодарная память живет в людях без всякого «понукания», ей не нужны красивые поводы в виде круглых дат.

...Она была эвакуирована в Молотов (Пермь) в 1942 году. В ленинградский период Надежда Николаевна работала переводчицей технической литературы в НИИ гидротехники, а после ликвидации института устроилась на должность делопроизводителя в другой институт. Служба ей нужна была только для заработка, а весь свой досуг она отдавала переводам художественной литературы, причем с разных языков – французского, английского, немецкого, итальянского...

Полиглотом Надежда стала еще в детстве, во время обучения в частной московской гимназии. Известный пермский краевед Д. А. Красноперов, первым создавший творческую биографию писательницы, допускает, что на столь раннюю профессиональную специализацию Арбеновой повлиял ее отец, инженер, знавший несколько языков (росла она без матери). Именно отец устроил ее на частные языковые курсы, а потом, когда у дочери начались нелады со здоровьем, отправлял ее в лучшие из европейских клиник. Вместе они посетили и хорошо изучили Германию, Швейцарию, Францию, Италию.

Своя семья, появившаяся у Надежды Николаевны в 1913 году, конечно, на какое-то время отвлекала ее от творчества. Домашние заботы, воспитание пасынка, отнимали немало времени. Видимо, это и послужило, в основном, поводом для размолвок с мужем. В 1920-е годы одна за другой начали выходить книги в переводе Н. Арбеновой, рассказы Джека Лондона, романы Анатоля Франса, Майн Рида, Теодора Драйзера. Можно сказать, она счастливо «попала в обойму». В 1927 году она разводится с мужем и уезжает в Ленинград. Устраивается на службу, а живет в квартире тети.

Как сказал один мудрец, «переводчик – это перевозчик прогресса, объединитель человечества». В предвоенные годы у Арбеновой вышли такие книги, как рассказы Мопассана, стихи Поля Кутюрье и др. Много времени и сил отнял у Надежды Николаевны перевод романа Р. Суинглера «Нет выбора». Это четкое, сформулированное ею название определило – в двух словах – и предпочтения творческой жизни писательницы. Она продолжала писать свои, авторские произведения, но судила личное творчество очень строго. Видимо, вникая в творческую кухню лучших европейских писателей во время перевода, она научилась оценивать и других, и себя прежде всего по гамбургскому счету. Поэтому для Арбеновой нет выбора при решении главного вопроса – что для нее первично, перевод или свое творчество.

И на пермском этапе Надежда Николаевна сосредоточилась на переводах и консультациях. Высокая культура, эрудиция, обаяние

этой женщины привлекали и покоряли всех без исключения. Устроившись в книжное издательство, Арбенева работала литературным секретарем, редактором детской литературы. В те годы необыкновенной популярностью пользовалась серия сборников «Нашим ребятам», а появилась эта серия по инициативе Арбеневой. Были у нее и неприятности. Однажды она дала рекомендацию к публикации произведения одного из эвакуированных писателей. После известного зубодробительного партийного постановления, в котором было сказано, что местное книжное издательство «переводит бумагу на никчемные идейно враждебные сочинения», – авторов, попавших под огонь, прорабатывали вместе с редактором. Однако время все расставило по своим местам, именно оно, время, показало, что конъюнктурными, сиюминутными соображениями редактор и писатель Надежда Арбенева почти никогда не руководствовалась.

Она дала «зеленый свет» целому ряду местных литераторов, подержав их ценными советами, умной редактурой. Басни Афанасия Матросова, стихи Бориса Ширшова, первые повести и рассказы Льва Давыдычева пришли к читателю с легкой руки Надежды Николаевны. Самые проникновенные слова благодарности нашел для своей литературной наставницы и писатель Владимир Черненко.

Для себя, для души она писала заметки о прожитом и переводила очередной роман, на этот раз выбрала «Легенду о Монтрезе» Вальтера Скотта. Чего ей стоил этот «роман с Вальтером Скоттом», можно понять, если знать, что начала она работать над произведением еще в тяжелые военные годы, а вышла подготовленная ею книга лишь в 1951 году в Москве.

КНЯЗЬ, СТАВШИЙ «ВРАГОМ НАРОДА»

Могилу пермского ученого-геофизика Б. Ю. Козловского (1892-1953) краеведы начали искать в середине 1990-х. Один из его родственников, В. М. Козловский, живущий в Екатеринбурге, прислал письмо, в котором рассказал о трагической судьбе ученого. В письме была приведена и родословная роспись, заверенная Институтом русской литературы (Пушкинским домом). Справка, выданная в 1932 году, была подписана известным пушкинистом Б. В. Томашевским. (Переписка с В. М. Козловским, членом Екатеринбургского Дворянского собрания, редактором сборника «Россия. Романовы. Урал» хранится в личном архиве автора).

Затем к поиску подключился профессор доктор технических наук В. И. Костицын, зав. Кафедрой геофизики Пермского университета. И очень активно подключился! Владимир Ильич опубликовал ряд документов о Б. Ю. Козловском, которые ему удалось разыскать, в нескольких изданиях: «Пермский университет в 2004 году: юбилейные и памятные даты»; «Кафедра геофизики ПГУ» (Пермь, 2004), «Геологи Пермского университета в Великой Отечественной войне» (Пермь, 2005, составитель и автор всех трех изданий В. И. Костицын). Что удалось установить достоверно?

Диплом о получении высшего образования Б. Ю. Козловский получил в 1917 году. В копии документа, выданного «князю Козловскому Борису Юрьевичу, вероисповедания православного», засвидетельствовано, что он окончил астрофизическое отделение Петроградского университета. Представитель известного княжеского рода, Борис Козловский являлся поэту внучатым племянником по женской линии. Что характерно, он не скрывал ни своего происхождения, ни образа мыслей. И, видимо, пострадал во многом из-за этого.

В советские годы Козловский преподавал в столичных вузах, опубликовал несколько научных трудов. В 1934 году подвергся аресту как «враг народа». Много лет работал в системе ГУЛАГа как специалист по гравиметрии, поиску месторождений полезных ископаемых. Последние годы преподавал в Кизеловском горном техникуме и Пермском университете.

Судьба бывшего репрессированного складывалась непросто и на свободе. Несмотря на то, что Б. Ю. Козловский получил медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Уже на этапе прописки в г. Молотове снова вспомнили о судимости. Из письма начальника отдела кадров ПГУ: «Уважаемый Борис Юрьевич! Для реше-

ния вопроса о Вашей прописке в г. Молотове необходимо Ваше личное присутствие в городском управлении милиции, имея на руках справку об освобождении и о снятии судимости (подлинную). С приездом в г. Молотов не задерживайтесь, т. к. вопрос нужно решать сейчас».

Пермский университет представил ему жилплощадь (1 комнату) на территории университета в двухэтажном доме общежитского типа и Б. Ю. Козловский успешно работает, начиная с 1 сентября 1951 г. Через год Молотовская контора геофизических методов разведки приглашает его на работу дополнительно (по совместительству) в качестве консультанта на 0,5 ставки. Заведующий кафедрой Б. А. Чазов ходатайствует перед ректором о разрешении ему работы по совместительству. Приказом проректора Н. А. Игнатьева вопрос решен положительно.

Ученый-геофизик Б. Ю. Козловский, потомок А. С. Пушкина, (в центре) со студентами.

Казалось бы, все наладилось, но... Профессор В. И. Костицын считает, что преодоление жизненных препятствий в течение 18 лет (начиная со 2 декабря 1934 г.) подорвало здоровье ученого. Второй учебный год в ПГУ он не сумел завершить, скончавшись в апреле 1953 г. на 61-м году жизни. Спустя месяц после смерти Сталина.

Уход ученого прошел незаметно для города, провожали его без оркестра. Описание того, как проходили проводы в мир иной старшего преподавателя Б. Ю. Козловского, мы находим в ценном документе – дневнике студенческих лет О. Л. Таруниной (Горбушиной),

которая в 1953 году училась на геологическом факультете. Запись от 21 апреля 1953 года:

«...Вчера, в понедельник, договаривались сдавать работы по электротехнике... а пошли провожать Козловского (...)

– Вы чего стоите? Идемте скорей, наши уже все ушли. В больницу, на Плехановской (процессия начиналась оттуда – авт.)

Преподавателей было много (...) Мы шли и тихонько переговаривались с девочками (...) На кладбище, после надгробной речи Чазова (декана факультета – авт.) и студента Шихова, после того, как сестра Козловского простилась с ним, нужно было забивать крышку, но не оказалось молотка. Послали за молотком в машину. Все стояли не двигаясь. Митюнин где-то разыскал кирпич и начал заколачивать гроб...»

Долгое время могила пушкинского потомка считалась утраченной, но пермским краоведам при содействии кафедры геофизики ПГУ и пермской школы № 9 имени А. С. Пушкина удалось определить место последнего приюта замечательного ученого. Почему могила оказалась забыта? Близких родственников у Козловского в Перми не осталось. Жена – Альма Яновна Козловская (дев. Мигла) год рож. 1900, беспартийная; дочь рабочего, находилась в больнице вследствие психического заболевания. В 1930-е годы, до болезни, проживала под Москвой, на Лосиноостровской, дом НКТП 15, кв. 3. Детей у них не было. В двух «Личных листках по учету кадров» и автобиографиях от 20.10.1948 г. и 26.05.1951 г., опубликованных профессором В. И. Костицыным, Борис Юрьевич указывает только сестру Ольгу Юрьевну Козловскую, проживавшую вместе с ним. Скончалась она в конце 1950-х и похоронена рядом с братом, в том же 12-м квартале, называемом в народе «Профессорским». Здесь покоится немало ученых, преподавателей Пермского университета, фарминститута, известных пермских врачей, – потому и «Профессорский» (хотя немало и других могил, тут все «вперемешку»). Достаточно сказать, что в самом начале квартала, ближе к центральной аллее, ведущей к Всехсвятской церкви, находится памятник доктору физико-математических наук Б. И. Зубареву, работавшему ассистентом изобретателя радио А. С. Попова; а в самом конце квартала, протянувшегося вдоль ул. Тихой, похоронен химик М. Д. Марко, трагически погибший в 1955 году (причина смерти – самоубийство, поэтому и могила его на окраине кладбища, такова православная традиция).

Определить место захоронения удалось с помощью сплошной переписи сохранившихся памятников, опроса пермяков, которые до сих пор посещают могилы своих родственников в этом кварта-

ле (проведено около двадцати интервью). Ребята из школы № 9 им. А. С. Пушкина, под руководством преподавателя истории А. М. Ющенко, получив почетное задание «найти могилу потомка Пушкина», переписав памятники, были разочарованы. Козловского не было, а было множество «б/и» - без имени. Однажды юные летописцы даже взбунтовались: прочесав весь квартал в поисках нужной фамилии, они доложили на другой день: «Козловского нет, искать нечего». Но когда школьникам рассказали, что сплошная перепись памятников в будущем Парке памяти все равно нужна (архива-то не осталось), что искомый памятник чаще всего находят по соседним, известным надгробиям, – работа была доведена до конца. Поэтому в церемонии открытия памятника учащиеся из Пушкинской школы участвовали и были отмечены благодарностью.

Очень эффективным оказался и метод коллективного, перекрестного воспоминания, с участием бывших студентов, а ныне профессоров докторов геолого-минералогических наук О. Л. Таруниной, С. А. Шихова (он выступал на панихиде по Козловскому), а также доктора технических наук профессора декана геофака ИГУ В. А. Гершанюка. Валентин Александрович не знал Б.Ю. Козловского, но у него на том же Егюшихинском кладбище, в соседнем квартале похоронен брат. Во время посещения его могилы родители не раз показывали по пути: «А вот здесь похоронен потомок Пушкина». Помогло также воспоминание другой постоянной посетительницы некрополя, которая сказала: «Да-да, где-то перед Таусон...». И. Ю. Митюнина, выпускница той же кафедры геофизики, кандидат геолого-минералогических наук, рассказала также о том, как, благодаря стараниям ее отца (см. дневник О. Л. Таруниной) появился в этой части кладбища и оригинальный памятник профессору П. Н. Чирвинскому, сложенный из разных пород камней.

Черномраморный памятник А. О. Таусон – первой женщины в СССР, ставшей доктором биологических наук, – приметный ориентир. Сектор поиска сузился, «привязка к местности» была обеспечена.

Весной 2007 года по нашей просьбе уважаемые ученые, наши собеседники и помощники, вновь посетили кладбище, обменялись воспоминаниями. Своеобразный «мозговой штурм» позволил локализовать, определить с точностью до нескольких метров место захоронения брата и сестры Козловских. А фирма «Статим» выделила обществу охраны памятников памятник, на благотворительной основе. В эпитафии формулировка применена, исходя из научной корректности, такая: «В этой части кладбища похоронены...». Такой

способ увековечения замечательных деятелей вынужденно применяется во многих случаях. Например, также был установлен памятник Марине Цветаевой в Елабуге.

Дневник студенческих лет донес шутку одного из факультетских острословов (люди, которые ради красного словца не пожалеют и отца находятся во все времена, в любой молодежной компании). Узнав о кончине преподавателя, шутник сказал: «Он, наверное, не выдержал наших вопросов, что такое гравиметрия, как она решает геологические задачи». (Гравиметрия от лат. «грави» – тяжелый, – изучение месторождений методом измерения силы тяжести). Глубоко символично то, что у одной из бывших студенток Б. Ю. Козловского, Ольги Леонидовны Таруниной, вышла книга которая посвящена вопросам гравиразведки полезных ископаемых.

*Композитор Дм. Шостакович (крайний справа)
очищает ленинградские крыши от вражеских зажигалок.*

*Предприниматель и меценат А.Г. Каменский (в центре в профиль) –
прародитель Пермского землячества в Петербурге.*

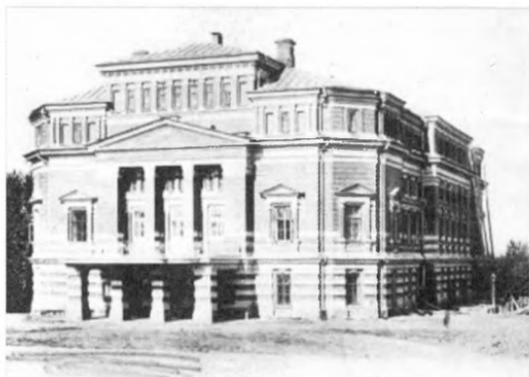
Студенты Пермского университета, будущие «властители дуи» (в центре Елена Вечтомова).

Сергей Божья Воля из Шлиссельбурга

*Писатель М. Э. Козаков
(рис. худ. В. Оболенского)*

*Пермский театр оперы и балета
им. Чайковского.*

*Ленинградский-Петербургский театр оперы и балета
им. Кирова (Маринский).*

Гузиковы

Пермская государственная художественная галерея (быв. Кафедральный собор)

В. А. Оболенский, 1909 г., пермяк, ставший ленинградцем

<p>„МОЛНИЕНОСНОЙ“ ВОЙНЫ СПЕЦ</p> <p>И ТАКОВ ЕГО БУДЕТ КОНЕЦ</p>	<p>ЛИЦО ВРАГА.</p> <p>ФАШИСТСКИЕ ПОВЫШЫ С ВОЗВРАЖАЮЩЕ ХИЩИЩИ</p> <p>А ПОПАДУТ В ПЛЕН — НЕ ПОДЫМЕШЬ С КОЛЕН.</p>	<p>УРОКИ ВОЙНЫ</p> <p>22 июня 1941. „МЫ ПОБЕДИМ !!!“</p> <p>22 июня 1942. „НАПОБЕЖДАЛИСЬ...“</p>
---	---	--

Агитокна ленинградских и местных художников били по врагу «прямой наводкой» со страниц «Звезды»

*На открытие памятника
Б. Ю. Козловскому пришли
его бывшие ученики,
ныне сами – доктора наук,
профессора.*

*Моменты открытия памятников
блокадникам; выступают историк
В.С. Колбас, протоиерей доктор
исторических наук Алексей Марченко.*

*Протоиерей Геннадий Беловолов из Петербурга (справа)
и автор книги в Егюшихинском Парке памяти.*

Часть 4

В МОЛОТОВЕ ЖИЛИ РАЗНЫЕ ЛЮДИ...

*Некоторые уроки из практики взаимоотношений
хозяев и тех, кто «понаехал тут»*

И ВСЕ-ТАКИ: ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОЗИТИВ!

В городе Энске-Молотове жили разные люди... Писать о военных годах, об эвакуации только в радужно-оптимистических тонах сегодня уже нельзя. Нам, ныне живущим, и нашим потомкам, нужна объективная картина тех событий. Старожилы говорят: «Всякое было...»

С жильем было туго, с первых же осенних месяцев 1941 года. Продуктов не хватало. Остро стояли вопросы трудоустройства сотен людей. Все это вызывало напряженность во взаимоотношениях местных с приезжими. Речь не только о «несознательных гражданах». Раздражение вызывали семьи и чаще всего жены различных начальников, «шишек», руководящих партийных и советских работников, чинов НКВД. В опубликованной историком Г. Янковской рассекреченной переписке Молотовского горисполкома о такой категории говорилось, что они «иногда заботу о них оценивают как признак того, что могут целиком жить за государственный счет».

«Нездоровые иждивенческие настроения» у части эвакуированных вызвали нездоровый резонанс у местного населения. В это непросто поверить, но в городе развились нелепые предрассудки, основанные больше на слухах. Жители поговаривали, к примеру, что эвакуироваться смогли «только богатенькие». Все это порождало стремление нажиться на приезжих, цены за квартиры, продукты, случалось, заламывали самые запредельные. Особенно остро этот вопрос стоял в деревнях, а надо сказать, больше половины эвакуированных были размещены по деревням.

В письмах, воспоминаниях беженцев нотки недовольства встречаются очень часто, почти у каждого мемуариста. Известный фотомастер Александр Родченко просто изнемогал в Молотове, и как только представился случай, он уехал, почти сбежал, намного раньше всех своих товарищей по несчастью. Искусствовед Михаил Герман вспоминал о жизни в деревне Черная, под Краснокамском, в таких краях (публикуется по журналу «Ретроспектива»):

«...Название деревне шло. Глубочайшая – лошади увязали – грязь весной и осенью. Тьма. Ни электричества, ни радио. Мрачные, усталые, все без исключения казавшиеся старыми женщины. Мужики

почти все на войне. Ненависть к эвакуированным, которых без разбора называли «яврей». Едва ли антисемитизм, скорее биологическая ненависть к людям другого мира... Со временем ненависть к эвакуированным переродилась в снисходительное равнодушие – деться было друг от друга некуда».

Не стали исключением из общей картины и творческие деятели, Могли ли быть счастливы артисты местного театра, оставшиеся без своей сцены и вынужденные все военные годы «мотаться» по области... Спустя много лет балерина Наталья Дудинская вспоминала: «...Зритель не сразу отнесся к нам тепло. Его надо было завоевать. У меня было такое впечатление, что, хотя они и знали, что театр Кирова несет за собой многолетнюю культуру и славу... они хотели сами посмотреть. Так ли это и понравится ли им это хваленое искусство».

Недоброжелательные, мягко сказать, отношения, трения возникали между столичными писателями и местными литераторами. Высокомерие иных знаменитостей вызывало закономерное отторжение. Чего стоили, например, издевательские по духу и несправедливые по смыслу оценки уральского города, его истории в произведениях М. Слонимского, который предлагал нарисовать в пермском гербе таракана?!

«Всякое было...» И все же со временем люди «притирались» друг к другу. В местном населении возобладало здоровое начало, то самое истинно русское сострадание, когда бедняк последнюю нитку отдаст бедствующему, последней коркой хлеба поделится с голодающим. Этим, собственно, и объясняется то, что в воспоминаниях многих людей, известных деятелей культуры, слова благодарности уральскому городу, его жителям, в итоге всегда находились. Как говорится, позитив возобладал. Без доброты, без взаимовыручки в то трудное время было просто не выжить.

«ХОРОШО НА КАМЕ ЖИТЬ, ХОДЯТ ПАРХОДИКИ...»

В Молотов – нечаянно-негаданно

Вспоминает Нина Николаевна Красноперова (Семенова, 1928 г. р.), вдова известного краеведа Д. А. Красноперова:

– Как я попала в Молотов? Мать арестовали в 1938 г. по доносу и осудили по 58 статье. Два моих старших брата учились в это

Н. Н. Красноперова

время в Ленинграде в техникуме. Оба потом были на фронте, пропали без вести. Меня взяла к себе семья вепсов в с. Шола Вологодской области. В новой семье относились ко мне хорошо, но все-таки была «лишним ртом», особенно когда началась война. В начале 1942 года (или в конце 1941) в школе появились люди, которые агитировали ребят поехать работать на заводы в Ивановскую область «делать брошки». Мне только недавно исполнилось 13 лет, я решила ехать, вместе с подругой Ниной Калякиной. Из школы поехали и другие ребята. Ехали поездом почти целый месяц в «телячьих» вагонах, в каждом – в 2 яруса полати, посередине

– буржуйка. Среди пассажиров было очень много молодежи, подростков. А вместо Иванова нас привезли в феврале 1942 г. ... в Молотов. Так я оказалась нечаянно-негаданно на Урале, где и прожила всю жизнь.

Подписка о неразглашении

Город Нине не понравился: дома деревянные низкие, вросшие в землю, на подпорках. В Мотовилихе на остановке «Гараж» (теперь Р. Землячки) всех повели в баню, а потом устроили в общежитие – недостроенное здание (училище № 43) и определили в школу ФЗО при заводе № 172 им. Молотова. Выдали обмундирование: телогрейку, шапку-ушанку, парусиновые ботинки на деревянной подошве, в которых зимой было очень холодно и скользко. Проблемы были с бельем, которое не выдавали. В общежитии было тепло, условия неплохие. Обедать водили на фабрику-кухню. Училась 6 мес. на токаря, изучила станок. Перед устройством на работу все писали расписку о неразглашении сведений о характере работы.

Первым местом работы был цех № 15, где делали снаряды. В этом цехе, в основном, работали местные. Работала там недолго. Жила в это время в бараке № 8, секция № 3 (30 участок). Здесь жила молодежь. Бараки стояли у д. Костарево. Секции в бараке были большие – по 40 коек. Топчаны деревянные, матрасы парусиновые, набитые соломой, одеяло очень узкое, тоже парусиновое. Часов не было, они были и

не нужны. Утром просыпались по заводскому гудку в 6 часов утра, гудели все заводы. В каждом бараке была комната отдыха. Вечерами в ней собирались, танцевали под гитару, балалайку или мандолину краковяк, ту-стэп. В гости к девушкам приходили ребята из мужского барака. Бывал и директор завода Быховский. Он здоровался за руку с рабочими, приезжал в бараки, проверить, как устроена молодежь.

А как устроена? О своей жизни девушки пели частушку:

*Надоели нам бараки –
Коечки точеные,
Все мы время на работе,
Будто заключенные.*

На «Красном партизане»: первая встреча с эвакуированными

– Позже перевели нас работать в другой цех – № 85. Он в числе нескольких цехов находился на улице Газеты «Звезда» – это был завод «Красный партизан», рядом с садом им. Горького, производство тоже относилось к Мотовилихинскому заводу. Здесь работали эвакуированные ленинградцы и москвичи. Начальником цеха был Семен Давыдович Холонай, очень хороший человек, из эвакуированных. Здесь тоже изготавливали снаряды. Кроме этого я еще работала на токарно-револьверном станке, резала металлические прутья, заготовки для револьверов. Станок был высокий, поэтому мне сделали подставку – решетку. Жили мы по-прежнему в Мотовилихе, и на работу ходили пешком через аэродром и стрельбище (там теперь телевышка), зимой скатывались с горы (где теперь трамплин), прямо на Егошихинское кладбище. Очень сильно мерзли и поначалу заходили отогреться в кладбищенскую Всехсвятскую церковь, но потом нас перестали пускать. Одна сердобольная женщина подсказала, что нужно креститься, и мы всякий раз при подходе к церкви стали креститься. Тогда нас снова стали пускать.

«Общача» в «Детском мире»

В семьях эвакуированных я нянчила и детей, вышло это так. Перевели нас жить в город, на улицу Куйбышева в недостроенное здание будущего «Детского мира». В этом общежитии жили и эвакуированные семейные, у них я иногда нянчила детей. За это меня подкармливали, шили кое-какую одежду. В общежитие позднее по-

селили власовцев, они жили в подвале. Напротив был госпиталь, из него в гости приходили раненые юноши. Мы пели частушку:

*Девушки, вы матушки,
Не будьте вертоватые.
Любите раненых ребят –
Они не виноватые.*

Умер от голода

– Я помню, что в 85-м цехе умер от голода и перенапряжения рабочий, он был из эвакуированных, семья осталась. Работали мы во время войны в 2-3 смены. Выходных не было. Отсыпались между сменами. Иногда работали две смены подряд для выполнения плана. Норму выполняли и перевыполняли на 120-150 процентов. Если мастер видел, что подросток начинает засыпать во время работы за станком, то посылал поспать в «ячейку» – сверху были такие секции для готовой продукции, когда нужно было идти работать, он стучал по «ячейке» – будил.

Рабочим выдавали хлеба 600-800 гр. в сутки. Хлеб был плохой: сырой, непропеченный, тяжелый. 200 гр. хлеба я иногда меняла на муку и заваривала ее кипятком, получалась «заваруха», которую очень любила. Рынок был рядом (бывший Сенной). Там можно было 200 гр. хлеба поменять на чулки. По карточкам давали мясо или яичный порошок, сухое молоко. Когда стала поступать американская помощь, мне выдали очень красивое платье. И премию – платье и туфли на низком каблучке.

«Кармен» в кировском – впечатление на всю жизнь!

– Мы с девочками ходили на спектакли Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова. Чтобы купить билет, продавали свой хлеб у кинотеатра «Художественный»: 200 гр. – за 40 рублей. Билет, конечно, на галерку. Приходили туда прямо в телогрейках, там было очень тепло. Верхнюю одежду с себя снимали и бросали прямо в угол. Чувствовали себя очень хорошо: тепло и красиво вокруг. Запомнились оперы «Кармен», «Чио-чио-сан», а вот на балет попасть не удалось. Ходили еще на спектакли Свердловского театра музыкальной комедии, а также в кино, в «Победу» на ул. Орджоникидзе и в «Художественный». В цехе № 85 молодежь приобщалась к культуре Дина Байч, женщина лет 45, о ней можно много хорошего говорить. Я

ведь еще участвовала в заводской художественной самодеятельности, пела в хоре.

Самые счастливые минуты жизни

Во время войны центральной считалась ул. Куйбышева: по ней шли демонстрации до площади Окулова (ныне сквер Уральских добровольцев), где проходили парады, митинги. На этой улице находились магазины, ресторан, парикмахерская, рынок. С этой улицей связано самое яркое воспоминание моей юности – Победа. О капитуляции Германии узнали 8 мая, я работала в ночную смену, а 9 мая утром был митинг. Такое счастье все испытали... На заводе я проработала до 1946 г., а после войны выучилась сначала на счетовода, потом на кассира и некоторое время работала по этой специальности в «Детском мире», бывшем своем общежитии. Потом решила стать медсестрой, закончила курсы. Благодаря этой профессии я и познакомилась в 1947 со своим будущим мужем, Дмитрием Архиповичем Красноперовым, который находился на излечении. Вместе мы прожили 58 счастливых лет... Кстати, муж закончил в 42-м Ленинградское пехотное училище им. Кирова, которое было эвакуировано в Березники, поэтому Дима в шутку говорил, что мы были первыми ленинградцами в городе. Как поется в одной из частушек:

*Хорошо на Каме жить,
Ходят парходики,
Незаметно, как проходят
Молодые годики.*

ЛЮСЯ, ОТКЛИКНИСЬ!

Среди уральских женщин, помогавших ленинградцам перенести лихолетье, была и Анна Романовна Калинина (1902-1957). Рассказывает ее племянница И. А. Толстых (Вяткина):

– В Мотовилиху меня тетя привезла в 1945 году, до этого я жила в семье в Камбарке. Большую семью прокормить в то время было трудно, вот тетя Аня и приехала за мной, чтобы взять к себе. Точнее, прилетела – на самолетике, который называли «кукурузник». Она ведь была у нас видной личностью. Сначала она трудилась в библиотеке, стала директором клуба, депутатом. В военные годы воз-

А. Р. Калинина

главляла какое-то время Мотовилихинский райисполком. Своей семьи у нее не было. В ее доме жил еще мой брат, он стал потом летчиком, кроме того, тетя Аня взяла к себе еще девочку, эвакуированную из Ленинграда. Звали ее Люся Леготкина, она сама вышила свое имя на салфетке, подаренной. Считалось, что она сирота, но после войны мама Люси нашлась. Она приехала и забрала дочку в Ленинград. Не знаю, переписывались ли они, мне же было 13 лет тогда, но я думаю, чувство благодарности осталось у девочки на всю жизнь.

Анна Романовна была удостоена медали «За доблестный труд в Великую Отечественную войну». Ее называли сильной женщиной. Сколько забот было на ее плечах!.. Ни сна, ни отдыха. Это была настоящая общественница, для себя она не жила. И умерла она от рака, потому что не позаботилась вовремя о своем здоровье. Провожала ее, казалось, вся Мотовилиха. Анну Романовну очень все уважали, мне рассказывали, что даже местные блатные выразили этой женщине свое почтение.

Хотелось бы мне, конечно, связаться, списаться с Люсей, той девочкой из Ленинграда, из нашего военного детства, поговорить на эту тему, вспомнить добрым словом тетю Аню.

За памятником А. Р. Калининой ухаживает ее воспитанница

Часть 5

«МНЕ НЕ НУЖНЫ БАГАМЫ»

ПОМНИТСЯ РАДОСТЬ ОТ СПУСКА С УРАЛЬСКИХ ГОР

Наша беседа с Михаилом Козаковым, народным артистом России, режиссером, стала своеобразным комментарием и совсем нелишним дополнением к его исповедальной «Актерской книге»...

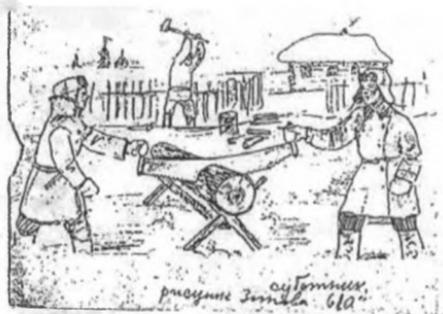
«... Рюмка водки, выпитая с бывшим политическим зеком в Норильске, меня радовала не меньше, чем виски с содовой в нью-йоркском ресторане Роберта де Ниро в компании с Михаилом Барышниковым. Радость от стремительного спуска на лыжах по уральским горам в деревне Черной, когда ноги в валенках, и другие мальчишки несутся рядом, ни в чем не уступает веселью на празднике испанского фламенко в Барселоне...

И хотя в кайф прочесть «Сретение» Бродского в самом Назарете или читать Пушкина на Святых горах, но в конечном счете – не все ли равно, где молиться Богу: в Иерусалимском ли храме или под иконкой в деревенской избе. Важно, чтобы молилась душа и чтобы

молитва твоя была услышана...»

Так писал знаменитый актер, все и вся повидавший на свете, в своей нашумевшей, исповедальной «Актерской книге».

Конечно, Козаков заранее был готов «разыграть» и пресс-конференцию, зная, какие вопросы ему будут заданы. И чтобы хоть как-то «отогнать» эту заданность и предрешенность механического пианино, я показал нашему гостю проспектик выставки рисунков «Спасибо Прикамью...». Созданы они были эвакуированными в наш край детьми в начале войны.

"Спасибо Прикамью,
приютившему нас
в военное время..."
Добавлено Зинькой
Мих. Козаков, 17.4.93.
детские рисунки
1941-1942 гг.

Автограф Михаила Козакова

Козаков помолчал, рассматривая рисунки. И задумчиво сказал:
– Действительно спасибо...

Парадокс заключается в том, – продолжил актер, отвечая на мои вопросы, – что очень много путешествуя по России с концертами, спектаклями, бывая на Дальнем Востоке и на Колыме, и в Норильске, и на Байкале, – я после войны ни разу не побывал в городе Перми, так уж случилось в моей жизни. А я провел здесь... большую часть моего детства. Когда нас, детей, эвакуировали из Ленинграда, водным путем доставили в Молотов в 1941 году. Привезли нас в детский лагерь в деревню Черную, или даже Грязь Черную, помнится, которая находится в километрах семи от Краснокамска. И там нас расселили, было там здание школы, но поскольку я заболел (у меня был туберкулез, что определили в Молотове), то я жил на дому, таких и звали «домушники». Мама моя, Зоя Александровна Никитина, была зам. директора этого лагеря. Бешеный такой директор был, помню, а мама была воспитателем. Писательские жены занимались воспита-тельской деятельностью. Я жил в избе тети Шуры, муж которой был на фронте. Запах ладана у меня ассоциируется с деревней Черной. Первый покойник увиден там.

А потом я переехал в более просторную избу и жил там уже до конца 44-го года. Моя няня тоже была со мной, закутывали меня в какие-то теплые вещи, и так лежал я на воздухе, на морозе, и это меня спасло. В школу я не ходил, ко мне приходила одна из эвакуированных бабушек, из семьи поэта Рождественского, она учила меня читать и писать.

Первой книгой, которую я сам прочел в Черной, была «Маугли», она осталась любимой на всю жизнь. Я поправился, стал как все мальчишки водить в ночное лошадей, сажать картошку (срезали с картошки «глазки», сэкономили), катался на лыжах, там была такая гора – Городище. И вообще у меня самые светлые воспоминания об этих детских годах. Никакой ущербности я не ощущал. У нас не было мяча, мы делали его из тряпок и гоняли в футбол. Из глины, которой там очень много, лепили танки, гули – это такие шары, рыли траншеи, играли в войну этими вот глиняными вещами. Все было бы неплохо, если бы не одно обстоятельство: шла война...

– Что помнится про жизнь в «семиэтажке» (гостинице «Центральной»)?

– Там я тоже побывал. Жили в «семиэтажке» писатели, артисты балета Кировского театра, он был тоже эвакуирован в Молотов. Меня привозили сюда (к отцу). Мы даже играли в футбол в коридоре. Помню такого замечательного поэта д'Актиля, который перевел «Ночь

ошибок» (она, кстати, и шла тогда), я впервые увидел ее здесь, на сцене драматического театра. Мой отец написал пьесу «Яблони и топор», которая шла в этом же театре. Папа был болен, поэтому его не призвали, у него был диабет и страшная близорукость.

И вот так получилось, что мне 62 года, а я здесь не бывал больше. И все-таки попал в Пермь. И не знаю, хороший это или грустный знак, но я думал: неужели я умру и так и не побываю там... Есть места, куда тебя в пожилом возрасте тянет. В поисках прошлого. Я приехал сюда, потому что очень хотелось. И вернулся из Израиля тоже потому же: потому что хотел вернуться... Все мои зигзаги, переходы из одного театра в другой имеют свою внутреннюю логику. Я играл, ставил, читал, преподавал... В Израиле преподавал на иврите, между прочим. Жил на «земле обетованной», значит, мне нужно было это паломничество в святые места. У каждого своя душа и каждый решает важные для себя вопросы сам.

– «Искусство нуждается во власти, а власть – в искусстве, только она понятия об этом не имеет, надо сказать ей об этом!» Так решил извечную тему ваш герой в спектакле, композитор Георг Филипп Гендель. Отношения художника с властью – это всегда игра, и подчас рискованная. Вы втянуты в нее?

– Мы решаем и эту проблему сегодня: как жить художнику на этом свете. Как играть с властью – или не играть. Я стараюсь держаться на отдалении от нее.

– Ваш отец написал большой роман «Крушение империи» о конце царской России, о революции...

– Переиздание романа «Девять точек» в новой редакции и под названием «Крушение империи» отец не увидел (М. Э. Козаков умер в 1954 г. – В. Г.). Я обожал своего отца, он прекрасно знал историю, но эту книгу я не смог дочитать до конца, прости меня, Господи... А ранние вещи отца, написанные в 20-е годы, я люблю. Повести «Абрам Нашатырь», «Попугаево счастье», «Человек, падающий ниц»... В них папа такой, каким и был в жизни, каким я его помню – умный, бесконечно добрый, искренний человек и хороший писатель.

Я думаю, он бы стал очень хорошим писателем, но что-то его сломало. Может быть, даже мое рождение. Потому что он очень любил меня, и очень боялся за меня, поэтому пошел на всевозможные компромиссы... А может, верил, как многие верили, что Октябрьская революция – то, что надо стране.

– Но я не об отцовском романе даже хотел вас спросить... Скажите, как вы пережили крушение другой империи, советской? Вам ведь

в тех исторических условиях довольно комфортно жилось. Признание, любовь, Госпремия и прочие почести – все было...

– Пережил... так же тяжело, как и все остальные. И радуюсь так же, как многие! Я счастлив, что та власть рухнула. Потому что она была страшной. Но некоторым при ней недурно жилось. В том числе и мне – я занимался любимым делом...

... Пожалуй, надо расшифровать мысль моего собеседника о компромиссах при той власти, которую он считает страшной. Компромиссы вынужденно допускал его отец, это было (пьеса «Чекисты», статья в сборнике о строительстве Беломоро-Балтийского канала, как пишет его сын: «В том самом сером томе, где Олеша, Федин, Каверин и даже Зоценко толковали о перевоспитании зеков и вредителей...»).

А младшему Козакову довелось играть в погодинских «Аристократах», это о той самой «перековке» на великой сталинской стройке. В кино он играл Дзержинского (фактура у него очень подходящая!). Ему ставили условие: сыграешь «железного Феликса» – а потом только получишь шекспировскую роль, и так было не раз. Своеобразный бартер, который в сфере нравственности неизбежно приводил к каким-то издержкам. В глубине души копилось раздражение, все сказывалось на характере...

– А когда вы почувствовали, что не имеете той «здоровой коммерческой жилки», которую собирался привить Баху его соперник Гендель?

– Коммерческую жилку меня заставляет искать жизнь. У меня вот двое детей маленьких, двое родителей Ани (тогдашней жены и одновременно продюсера козаковской антрепризы – В. Г.). Интересно, как бы я прокормил семью, если бы получал те 680 тысяч рублей в государственном театре?

– Михаил Михайлович, так получилось, что вы дважды играли в фильмах «Хождение по мукам», в двух экранизациях романа А. Толстого...

– Ну что вспоминать, я не люблю этот роман, и все! (В книге своей М. М. отзывается еще крепче: «И та, и другая версия – дерьмо! И я там – дерьмо! А лучше сказать, как учила Раневская, говно!»).

– Ну, а ваше личное «хождение по мукам», поиски себя, метания закончились с вашим возвращением в Россию?

– Мое личное?.. В гробу оно закончится.

– Вам нравится мысль, что человеку вообще «стыдно быть несчастливым». Вы же много претерпели в своей жизни, и ошибок сделали немало?..

– Думаю, достаточно. Но тем не менее я могу назвать себя счастливым человеком, потому что я занимался и занимаюсь любимой профессией – и она отвечала мне взаимностью, и я видел очень много интересного в этой жизни.

Сожалею ли о чем-то, стыжусь? Да. «Но строк печальных не смываю», как сказал Пушкин.

В своих размышлениях о времени «Рисунки на песке» М. М. пишет о родителях: «...Отца любил нежнее, чем мать. Может быть, оттого, что по характеру слишком похож на нее. Любимое кладбище – где отец. Матерью всегда восхищался и поражался ее силе. Я – слабак рядом с ней, нытик и зануда».

ДОКУМЕНТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ...

Воспоминания Галины Федоровны Станковской, известного пермского историка-архивиста, бывшей блокадницы, участницы открытия мемориала в Егошихинском Парке памяти.

– Я была совсем ребенком, когда мама вывезла нас с братиком из блокадного Ленинграда. Что я помню... Мало что помню, конечно, была долгая голодная дорога, намучились, это понятно... Всем было тяжело. Об этом трудно вспоминать и сейчас... Мы – ленинградцы, война для нас началась раньше, чем для других: папа наш погиб еще в 1939-м, на финской войне, у мамы на руках нас осталось двое малых ребятшек, я и братик Толя. У меня сохранились последние письма отца с фронта, в которых он упоминает и меня, мне тогда годик только исполнился. Служил Федор Федорович Станковский, командиром взвода в 255 стрелковом полку. Письма очень интересные, они воссоздают атмосферу тех лет в стране:

«Соня! Все отпуска у нас пока запрещены. Наверно, ты газеты читаешь и видишь, что с Финляндией до сих пор вопрос еще не разрешен, а поэтому придется послужить. Я думаю, тебе денег не посылать в этот раз, но если тебе нужны, я пришлю. Я имею ввиду, так или нет, но нам придется быть в Финляндии и я думаю, деньги приберегу, может быть, там что-либо придется купить. 16 ноября 1939 г.»

«...Ты мне посылку воздержись посылать, т. к. здесь кое-что стало появляться, папиросы есть, а остальное особенно мне и не надо. Я живу так себе, очень скучно. Нахожусь от города в 7 км, в деревне, условия очень плохие, холодно. Иногда имею развлечение, когда бесеую с другими командирами, т. к. комсостав исключительно весь с

Ленинграда. Все время провожу в поле на занятиях... Очень скучаю о детишках. 22 октября 1939 г.»

Если в октябре настроение у командира взвода победительное, то в декабре, чувствуется по письмам жене (странно, но почему-то не вмешивается военная цензура), интонация уже меняется:

*Галина Станковская (справа) и Анна Смолькова
во время открытия мемориала на Егошихинском кладбище (сентябрь, 2010 г.)*

«...Я тебе ответить не мог, потому что все время нахожусь на передней позиции и связи почти нет. Я пока жив и здоров, но с моего взвода людей осталось 12 человек из 49, остальных убило и ранило. Очень холодно, есть случаи массового отмораживания ног и рук. Все время нахожусь в окопах, раз шесть ходил в бой. Когда нам будет смена, пока неизвестно. Поцелуй за меня детишек, и в особенности Галю, поздравь ее с годовщиной рождения, она мне все время снится, хотя спать приходится стоя или сидя... головы высунуть нельзя, свищут пули и снаряды. Целую... 24 декабря».

Письмо написано карандашом. Через три дня, 27 декабря в 6 часов вечера Федор Станковский был убит при наступлении на высоту 65,5. Пуля попала в голову. Об этом сообщил в записке его боевой товарищ Урусов.

– Сохранила я, – продолжает рассказ Галина Федоровна, – и документы, связанные с эвакуацией. Вот извещение, полученное мамой Софьей Ивановной из районной комиссии по эвакуации, мы жили в

Октябрьском районе. В документе говорилось, что «комиссия обязывает Вас вместе с Вашими детьми выехать из гор. Ленинграда на все время войны 13 июля 1942 г.» Видите как? «На все время войны...» Никто не знал еще, сколько продлится этот кошмар. Для подготовки к эвакуации давалось три дня, затем маме надо было явиться в комиссию для получения эвакуационного удостоверения и посадочного талона. Посадочный талон был выдан в эшелон № 132, ехали очень долго, знали только, что направляемся куда-то на Урал, в Молотовскую область... А когда приехали, наконец, 21 июля нас направили в Краснокамский район. Как и написано в направлении, выданном эвакупунктом при Молотовском облисполкоме, «на временное жительство»...

Вот так я оказалась в этих местах. Жизнь так сложилась, что здесь я осталась на всю жизнь, училась, работала в бывшем партийном архиве, детей вырастила...

Архивная работа позволила мне познакомиться со многими интересными судьбами, сотням людей удалось помочь, когда я вплотную занималась делами жертв политических репрессий. Попадались в их числе и ленинградцы. Расскажу об одной судьбе, поразившей меня, когда я разбиралась с документами дела артистов Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. В то время, когда миллионы советских людей отдавали жизнь за Отечество на фронте, а в тылу героически трудились женщины, дети и старики, органы НКВД продолжали искать «врагов народа», изменников Родины. За самые невинные слова, проступки, мысли люди пополняли «население» «Архипелага ГУЛАГ» Новую волну репрессий вызвал Указ Президиума ВС СССР от 06.07.41 «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». За такое наказывали по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2-х до 5-и лет. Но основная масса людей, обсуждавшая ситуацию на фронте и тяжелое положение в тылу, пострадала по печально знаменитой 58 ст. УК.

Не избежали этой участи эвакуированные в Пермь в 1941 году артисты Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова. Интеллигентные, неординарно мыслящие люди, не скрывавшие своих взглядов, вызывали особое подозрение у сотрудников НКВД. Несколько артистов хора обвинили в том, что они вели антисоветскую пораженческую агитацию, дискредитировали руководителей Советского правительства, клеветали на экономическую жизнь трудящихся, высказывали недоверие к сообщениям Совинформбюро...

В одном из донесений «стукачей», которые оказались в распоряжении следствия, приводились, в частности, слова обвиняемого

артиста о том, якобы, что «все как крепостные, слова нигде нельзя сказать, куда пошлют туда и иди, что заставят, то и делай, вот вам и свобода, вот вам и социализм.»

Мужественно и стойко держалась на допросе Ксения Линдебек. Из протокола допроса видно: все, что ей инкриминировали, она категорически отрицала.

Вопрос следователя: «Вы встали на путь борьбы со следствием, следствие от Вас требует чистосердечных показаний о проводимой Вами антисоветской агитации?»

Линдебек: «Я еще раз следствию заявляю, что антисоветскими разговорами я не занималась и в этом повинной себя не считаю. В первые недели войны я приходила в партком и просила, чтобы меня направили на фронт шофером, так как я имею права шофера и могу оказать стране помощь. Действительно, с моей стороны были разговоры среди сотрудников о происходящих действиях, но не в антисоветском содержании...»

В кассационной жалобе в судебную коллегия Верховного суда СССР она писала:

«Я себя виновной не признаю и считаю, что у суда не было оснований признавать меня виновной в контрреволюционной агитации без всяких к тому достаточных оснований и осуждать меня на такой длительный срок лишения свободы невинно и незаслуженно. Надо знать закулисную жизнь театра и понять все мелочи, зависть, склоки жадность и вражду отдельных лиц между собою, благодаря которым эти отдельные личности, не брезгуя ничем, могут преподнести какое угодно обвинение, вот это случилось и со мною.»

Следователи, однако, не хотели знать «закулисную жизнь». Им надо было проявить бдительность, отчитаться о раскрытии «опасного» антисоветского гнезда.

Судебная коллегия по уголовным делам Молотовского областного суда приговорила 24 ноября 1942 года троих артистов Ленинградского театра им. Кирова – Антонова И. М., Васильева Г. Л. и Линдебек К. А. к 8 годам лишения свободы, Тамамац В. Р. – к 5 годам ИТЛ. Приговор облсуда судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР оставила в силе. В 1958 году этот приговор был отменен «за недоказанностью обвинения», дело прекращено.

Нужно только представить ситуацию: в первые дни войны эта женщина идет в военкомат, хочет уйти добровольцем на фронт, шофером! И такого человека, искреннего, любящего родину, решили подвергнуть несправедливому суровому наказанию. Ксения Александровна Линдебек была реабилитирована только в 1996 году. Как

сложилась судьба ее, мы, к сожалению, не знаем. Может быть, публикация этих документов поможет нам хоть что-то узнать о жизни этой незаурядной женщины, чья судьба оказалась столь драматически связана с нашим краем и городом.

НАС С МУЖЕМ «ПОСВАТАЛ» МЕССИНГ

Воспоминания Л. Х. Кабаковой, председателя общества бывших ленинградцев-блокадников Ленинского района г. Перми.

Л. Х. Кабакова

Людмила Хотеевна Кабакова – отличник культуры СССР. Двадцать лет, с 1975-го по 1995-й, преподавала в Пермском институте искусства и культуры. Была заместителем декана, проректором по учебной работе. У неё взрослый внук и уже двое правнуков.

– Бабушка моя, – рассказывает она, – говорила во время блокады: «Нам умереть не страшно. Мы своё отжили. А вы, детки, обязательно должны жить, чтобы память о том, что здесь было, нести дальше». Вот я и несу эту память...

На ежегодных встречах в день снятия блокады, 27 января, пермяки – жители блокадного Ленинграда (их осталось сегодня около 300 человек) по-прежнему чувствуют себя молодыми, а то и вовсе детьми.

Вспоминают, как вместе со взрослыми дежурили на крышах. Как весной 1942-го, когда Ленинград, в котором не работали ни водопровод, ни канализация, начали чистить всем городом, они тоже выходили на улицы, пусть и с детскими лопатками. Как собирали дровишки для печки на месте очередного разрушенного бомбёжкой деревянного дома.

В конце августа 1942 года шестилетнюю Люсю вывезли из Кронштадта в числе последних эвакуированных блокадников. С жуткой анемией и дистрофией третьей степени. Чтобы попасть на Лисий Нос, катер с женщинами и ребятишками должен был пройти в

Финском заливе Дорогой смерти – так называли тот участок из-за бесконечных обстрелов немцами.

Потом два месяца они ехали по Большой земле в телячьих вагонах. Многие погибли под бомбёжками, от голода. Она выжила. Но учиться в школе, когда настало время идти в первый класс в эвакуации, долго не могла: от малейшего напряжения кровь из носа текла ручьём.

Она часто выступает перед школьниками, студентами. И совсем не считает, что рассказы о войне неинтересны современной молодёжи.

Правда, некоторые их реплики способны повергнуть в шок. Например, юная особа, заиклившаяся на борьбе с лишними килограммами, однажды воскликнула: «Зато вы худели тогда без всяких диет!»

Да уж, 125 граммов хлеба в сутки – страшнее такой «диеты» трудно себе что-то представить. Хлеба из опилок, жмыха, глины, примесей муки, пыли и прочего. К тому же настолько сырого, что человек, съедавший дневную норму за раз, получал заворот кишок. Ели и столлярный клей, и обойный, поскольку раньше в него добавляли муку, соскребали что только можно...

Случалось, кто-то утрачивал в том аду всё человеческое. Преступал незыблемые, казалось бы, нравственные законы.

– Когда началась блокада, вокруг нас с мамой объединились несколько семей маминых подруг. Так легче было выживать. И вот у одной из этих женщин пропал маленький сын. Чуть раньше неё вышел из подъезда на улицу – и исчез. Бесследно. Да что говорить, голод царил страшный – людей похищали и ели. Мы сами покупали студень, в котором попадались детские ногти...

Но в первую очередь, разумеется, была бесконечная забота взрослых о детях. И именно она помогала выстоять.

Разве забыть, как любую болтанку, что давали в воинской части, мама, работавшая там в прачечной, несла домой?

Или то, как выручала колюшка, крохотная жирная рыбёшка с шипами, которую ловили моряки? В Кронштадте, кстати, ей поставлен памятник, на котором написано, что в войну маленькая колючка спасла от смерти сотни тысяч людей.

– В детстве нам не довелось играть в куклы. Поэтому, наверное, мечта о настоящей, большой кукле не покидала меня и когда я выросла. Дело было в середине 50-х годов. В Ленинграде как раз стали появляться в продаже огромные гуттаперчевые пупсы. И я загадала: кто из троих моих поклонников купит мне желанную куклу – за того

и выйду замуж! Купил Юра Кабаков, единственный. Причём пупс стоил пять рублей, а ему, служившему тогда на Балтийском флоте, в месяц платили всего 3 рубля 60 копеек. Занял денег у командира, но купил.

Незадолго до этого, впрочем, судьба уже подавала Людмиле знак. Юрий пригласил её в морской клуб на концерт Вольфа Мессинга, гастролировавшего в Кронштадте. Тот предложил кому-нибудь из зрителей поучаствовать в эксперименте. Она вызвалась.

Ясновидец взял девушку за руку и приказал: «Думайте!» Хорошо, подумала Людмила, отведите меня к будке киномеханика, где сидит Кабаков. Прошли с Мессингом через весь зал клуба, фойе, поднялись на балкон, подошли к будке.

– К нему хотели?

– Да...

– Пожалуйста!

Вскоре они поженились и переехали в Пермь, на родину Юрия Петровича. Он месяц не дожил до их золотой свадьбы... Хватает проблем со здоровьем и у неё: суставы, позвоночник, сердце. Но старается не поддаваться. Ведь она нужна не только своим близким, но и тем, с кем сблизила её далёкая теперь блокада.

Уже имея дочку, Людмила Хотеевна окончила вечернюю школу, юрфак ПГУ, Ленинградский институт культуры. А потом ещё с десятков разных школ и курсов, в том числе по садово-парковому искусству на бывшей ВДНХ.

Нынче основы ландшафта воплощает в жизнь на даче. Все соседи и знакомые восхищаются её альпийскими горками, мини-парком деревянной скульптуры (обычные коряги, удивительно похожие на оленя, дельфина или осьминога) на лужайке перед домом, невероятным количеством цветов.

С мая до октября она там. Приехать в город могут заставить лишь проблемы, связанные опять же с блокадниками. Председателю общества, ей приходится заниматься не только организацией праздничных мероприятий. Кому-то советует, куда обращаться для подтверждения проживания в блокадном Ленинграде, чтобы получать положенные льготы. Кому-то помогает оформить на дому группу инвалидности. Ну, и хождение по кабинетам чиновников, звонки, переговоры – без этого, понятно, тоже никак.

– Мой отец, служивший на флоте, погиб в первые дни войны. В начале 1942-го умер младший братишка. Лежат на Пискарёвском бабушка и тётя. Два дяди погибли на фронте, и где их могилы – до сих пор неизвестно.

Я осталась жива. Конечно, я счастливый человек! Недавно вот съездила в Питер, на парад Победы. На Дворцовой площади и на Невском к ветеранам постоянно подходили петербуржцы, дарили цветы, благодарили.

Какой-то малыш, чуть старше моего правнука Платона, протянул мне цветочек и прошептал: «Спасибо!»

Записала Вера Шуваева

ПО СЛЕДАМ «ДВУХ КАПИТАНОВ»

В. Каверин

Казус Гузикова-Кукоцкого

Издрядка мне вспоминаются слова Евгения Евтушенко, посвященные Вениамину Каверину, из стихотворения «Два капитана»:

«Ах, классик-диссидент Вениамин Каверин,

Вам будет монумент?

Я в этом не уверен».

Лично мне греет душу тот факт, что Каверин своим дарованием создал своеобразный литературный памятник городу на Каме. Роман «Два капитана», полюбившийся многим поколениям, создавался здесь, у

нас. Приведу несколько слов о г. М-ове (Молотов – так называлась Пермь в 1940-1957 года – В. Г.), из главы «В госпитале»:

«...Город был просторный, спокойный. Все лучшие улицы стремились взлететь на высокий берег Камы, и этот разбег мне напомнил родной город Энск...»

Книга вторая («пермская») этого романа вышла впервые в журнальном варианте («Октябрь», 1944 г.) Отдельным изданием роман был напечатан в Детгизе уже в 1945 году.

В своем романе Вен. Каверин описывает впечатления Сани, находящегося на излечении, от М-ова и от величавой весенней Камы, по которой идут пароходы с фамилиями знаменитых летчиков на бортах. Внимательный читатель обнаружит в повествовании немало узнавае-

мых мест: тут и госпиталь, расположенный в корпусе мединститута, и авиашкола (быв. Семинария), и улицы, и театр, и Кама, и аэродром... Помните? «...На стене лучшего в городе здания авиашколы я в тысячный раз (!) прочел надпись на мраморной доске: «Здесь учился Попов, изобретатель радио, гениальный русский ученый».

Нельзя равнодушно читать о том, как боевой летчик Александр Григорьев, только что выслушавший от своего лечащего врача неутешительный приговор, стоит на высоком камском берегу. Погруженный в нерадостные размышления, курит папиросу за папиросой, наблюдает «всю эту незнакомую разнообразную жизнь большой реки». Прочитав название подошедшего парохода – «Ляпидевский» (летчик, один из первых Героев Советского Союза) – Григорьев подумал: «А вот ты не стал Ляпидевским». Затем он дождался еще двух пароходов с «крылатыми» фамилиями на бортах. И – невольно улыбнулся, подумав, что ему «...придется до поздней ночи укорять себя, если окажется, что в Камском пароходстве все суда названы фамилиями знаменитых летчиков, да еще моих хороших знакомых».

О встречах с бессмертным творением В. Каверина и его образами вспоминает жительница Перми педагог Нина Михайловна Маневич – учитель словесности, много лет преподававшая литературу:

– Роман Каверина мы полюбили сразу после выхода его в свет не только за его литературные качества. Дело в том, что вместе со мной – а я окончила 17-ю школу – училась Ира Гузикова, про которую говорили, что она некоторыми своими черточками похожа на героиню романа, Катю.

Это была красивая девочка и хорошая, отзывчивая подружка. Она окончила школу с золотой медалью, хорошо рисовала. У меня сохранилась фотография ее, с такой дарственной надписью: «Хлопотливой Ниночке в память о школьной газете». Мы издавали свою стенную газету, я тогда была членом учкома, Ира – художником. О выпуске 1949 года есть материал в школьном музее. (Был. К сожалению, сейчас в школе музея нет. – В. Г.)

От Ирочки мы услышали впервые о том, что в город приехал известный писатель Каверин. Мы помогали раненым в госпиталях, и наше шефство также интересовало писателя. Время было очень тяжелое, очень! Не все раненые воины выживали, от нас это также нельзя было скрыть. Но для нас это же детские годы, и все вспоминается как-то светло. Хотя было разное... Однажды хоронили девочку знакомую, умерла от болезни, не помню какой, случилось это в войну еще. После прощания с ней мы заглянули в кладбищенскую церковь, Всехсвятскую, которая только недавно была снова откры-

та. Там как раз служба шла, батюшка провозгласил здравие Иосифу Виссарионовичу (Сталину). Нам это показалось так смешно и нелепо, что мы захихикали, представляете? Нас выгнали, конечно, из храма. О том, что появился роман Каверина и о том, что там есть пермские страницы, мы узнали тоже от Иры. Все дело в ее папе, он был известный профессор...

С Ириной Павловной Гузиковой (Уваровой) мне удалось спиться, а затем и встретиться, благодаря ее пермским школьным подругам (за что я искренне им признателен!). Из ответов И. П. на мои вопросы проясняются очень важные подробности, не только о прообразах знаменитого романа и о его авторе, но и о жизни в военную пору жителей города и эвакуированных ленинградцев. Впервые узнаем мы о судьбе необычной семьи профессора Гузикова, семьи, которая тогда, в 42-м, так заинтересовала В. Каверина, внесла в его жизнь чуточку тепла. Перебравшись в Москву, Павел Алексеевич Гузиков прожил недолго, умер от тяжелой болезни. Ирина Павловна работала в московских журналах, стала кандидатом искусствоведения, художником. Мало кто знает, что она была женой и единомышленницей известного писателя, советского диссидента Юлия Даниэля (громкое дело «отщепенцев» Синявского и Даниэля). Другой удивительный факт: профессор Гузиков стал прототипом романа Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого», это произведение было отмечено Букеровской премией.

В письме И. П. Уваровой мы находим драгоценные свидетельства того, как удалось пережить страшную войну в нашем обществе. Мама Иры работала в госпитале, она врач, и дочка тоже привлечена к госпитальной жизни. Читала раненым вслух, «учиняла» кукольный театр (куклы станут позже делом всей ее жизни), готовила нехитрые новогодние подарки, кисеты с вышивками и пр., писала под диктовку фронтовиков письма их девушкам, родным. Благодаря школьницам в разных уголках страны были получены и последние весточки от тех раненых героев, кто уснул вечным сном и похоронен на Егошихинском кладбище.

«...Последнее, что память сохранила, – пишет И. П. Уварова. – В «нашей» палате в честь какого-то праздника идет концерт. Мне велено читать Твардовского.

Читает свой рассказ (и ведь не помню какой!) Каверин.

Читает рассказ Аркадий Первенцев.

Пребывание двух столь разных писателей в одном пространстве еще возможно. Война сблизила хотя бы физически самых несоединимых литераторов, так во время лесного пожара оказываются ря-

дом и травоядные, и хищники. Это уже потом, после войны, наступит четкое размежевание на тех, кто принял причастие буйвола, и тех, кто верен причастию агнца...»

Письмо И. П. Уваровой (Гузиковой) в этом издании, в отличие от первой публикации, мне хочется опубликовать полностью, без всяких купюр. Поверьте, оно стоит того.

«Дорогой Владимир Федорович!

Ответ мой задержался по причине болезни, но все же постараюсь написать как можно подробнее. Ваше письмо меня взволновало и тронуло. Благодарю Вас за память о том, что оставалось только лишь моим воспоминанием.

В книгу «Два капитана» попала не я, как полагают мои одноклассницы. В ту пору, когда В. А. Каверин оказался в Перми, моя личность для романа интереса не представляла по причине малолетства. В «Двух капитанах», скорее всего, промелькнула моя мама, Вера Павловна Гузикова (в романе – Аня).

Но «как причудливо тасуется колода! Кровь!» Через воспоминание обо мне проступила тень моей мамы. Ее могла помнить только лишь Ляля Попова (ныне доктор филологических наук профессор Пермского университета Е. Н. Полякова – В. Г.): где-то в старших классах мама приехала ко мне в Пермь (она тогда жила в Киеве), и мы обе отправились на бал-маскарад в мою школу № 17 – обе в костюмах и масках. Ляля особенно страстно стремилась снять маску с незнакомки.

Много лет спустя мама зачитывала мне свои воспоминания о том, как она встречалась с В. А. Кавериним в Перми. Записки не сохранились. Помню только, что она писала о рассказе «Дама под розовым зонтиком» – то ли читал ей, то ли дал почитать. (К моему великому стыду я этот рассказ так никогда и не нашла.) Она рассказывала еще (со слов Каверина), что если накануне он написал фразу, а на другой день ее вычеркивал, то считал это удачей.

В нашей семье считалось, что Аня – эпизодическое лицо в романе – в какой-то степени соотносима с Верой Павловной, и уж во всяком случае на страницы романа попало описание дома ее родителей.

Нужно сказать, что наше семейство относилось к возможному «попаданию» в столь знаменитую книгу с интересом, и только. Семья была далека от литературы – медики. И хотя в доме было много прекрасных книг, литература для врачей была все-таки другим миром: уважаемым, интересным, но отдаленным.

Так что соотношение эпизодов в книге Каверина с нашей семейной хроникой (устной) не стало предметом широкого обсуждения и оглашения.

Между тем мелкие совпадения и соотношения имели место. Вряд ли они значительны, но все же они есть.

Аня, как и Вера Павловна, была эвакуирована из Ленинграда в Пермь (а перед войной и до самой эвакуации Вера П. жила в Ленинграде). Вениамин Александрович встретился с нею в эвакуации в Перми, а Саня Григорьев встретил в Перми ленинградку Аню.

Родители Ани, как и родители Веры П., живут в Перми (в «М-ове»), Аня приглашает Саню Григорьева в дом своих родителей, а Вениамин Александрович оказался в доме родителей Веры П., в гостях у профессора Гузикова Павла Алексеевича, и потом бывал в этом доме нередко.

Думаю, у меня есть основания узнать в тексте приметы родного пермского дома. «...Это был дом, не тронутый войной, – рассказывает Саня Григорьев. – Впервые после фронта и госпиталя я был в таком доме. Мы сидели в столовой. Без сомнения, те же салфеточки лежали на стеклянной доске буфета, те же безделушки стояли на кустарных резных полочках, развешенных по стенам, и шелковый коврик над тахтой, должно быть, точно так же висел до войны. Я смотрел на изящную, приветливую женщину, которая сидела в этой красивой комнате, и мне было мучительно жаль мою Катю». Так вспоминает Саня и так помнит В. А. Каверин. К тому времени, когда он писал роман «Два капитана», его память четко «сфотографировала» приметы нашего пермского Дома. Вещи, названные им, я помню, да кое-что живо и до сих пор. Жив резной настенный шкафчик (скорее всего, изготовленный в Талашкино), жив «коврик над тахтой» – мусульманский молитвенный намазлык, родом из интернациональной Астрахани. Эти вещи переехали в Москву и ныне находятся в доме моей старшей внучки. Но возвращаюсь к людям.

«Изящная, приветливая женщина в красивой комнате» вполне могла соответствовать беглой зарисовке с натуры, наброску к образу Ани.

Однако справедливости ради надо сказать, что муж Ани, которого знал в Ленинграде Саня Григорьев и о котором в романе идет речь, взят писателем из другого, неизвестного мне сюжета.

Между тем черты В. П. все же промелькнули в образе Ани, но одна подробность не соответствует тому, как оно было «на самом деле». Каверин пишет, что Аня эвакуирована из Ленинграда с дочкой. «С дочкой» – это и есть я. Только я не прибыла из Ленинграда с мамой, но жила и воспитывалась в Перми, в том самом доме родителей Веры П.

Итак, вот и я. Мама работает в госпитале (кажется, на Луначарского?), она врач, я же привлечена к госпитальной жизни: читаю раненым вслух, учиняю кукольный театр и пишу под диктовку письма незнакомым мне девушкам. К новому году готовлю поздравления – кисеты с записками: «Дорогой защитник Родины Ваня!».

Вениамин Александрович заходит за мамой, провожает ее домой. Важный штрих: пребывание Сани Григорьева в госпитале города М-ова. Думаю, тема госпиталя связана с визитами Каверина в мамину палату. Однажды она в присутствии Вениамина Александровича разбирала тумбочку одного своего пациента и обнаружила в пачке махорки мышинное гнездо. Вытащила мышат голых, слепых, и, поддразнивая своего спутника, попросила отнести их мне. Они вошли в дом. Новорожденных он нес в кожаной перчатке. Припоминаю – судя по его виду, он не был любителем мышей, особенно новорожденных. Мама веселилась. Я пошла кормить мышат из пипетки.

Должна сделать страшное признание: в моих глазах известный писатель внешне проигрывал рядом с красавицей Верой. Какой-то маленький, сухой, угловатый. Описать точно сейчас не могу, но потом он вспоминался мне в образе персонажа от Гофмана, и само по себе это, право же, интересно. Что я могла знать из Гофмана в том нежном возрасте, только «Щелкунчика». Крестный Дроссельмейер!

Замечу в скобках, о причастности Каверина к «Серапионовым братьям» я тогда ничего не знала и знать не могла.

...Но как невозможно, как трудно задать вопрос взрослому го-стю! Преодолевая великую неловкость, отваживаюсь обратиться к писателю с дурацким вопросом – не он ли написал сказку «Цветик-семицветик»? Нет, не он. (...)

Вот наш дом, уже не в Перми, а в Москве, на улице Новопесчаной. Внучка Ксюша играет во дворе со своим другом, соседским мальчиком Колей. Это Коля Бердилов, правнук Каверина. Колю часто забирают в больницу, оттуда он возвращается без волос. Его облучают, но спасти не могут.

На Ваганьковском кладбище долго стоит сиротливая табличка на шесте, здесь могила Коли. Прошло немало времени, и вместо таблички поставлен памятник, очень скромный: Каверину Вениамину Александровичу и Бердилову Коле, правнук и прадед под общим камнем.

Вениамин Александрович недолго жил в том же доме, что и мы, на Новопесчаной, но я его не видела.

...В 60-е годы я писала «сериалы» в журнал «Пионер»: история

керамики, история театра. Одну из серий (кажется, театральную) открывает теплым предисловием В. А. Каверин.

Взволнованная, пишу слова благодарности, попутно напоминая дом в Перми, «красивую комнату», госпиталь и мамину палату, все, что я помнила о связи жизненных сюжетов со страницами «Двух капитанов». Пишу робко номер моего телефона (вдруг захочет позвонить). Позвонил. Расспрашивал. Но к тому времени прошлое стерлось из его сознания, он не мог вспомнить то, о чем я говорила. Не отрицал – просто не помнил. Это его смущало и тяготило, а уж меня! Как я корила себя, зачем полезла к любимому писателю со своими мемуарами! В ту пору я еще не знала, как это бывает, когда память отказывается хранить что бы то ни было.

...Тоненькая и слабая, обрывающаяся и совсем невидимая нить, соединившая меня случайно с огромной темой «Каверин», вдруг завязывается крепким узлом. Название ему – благодарность.

Когда в середине 60-х были арестованы два писателя – Андрей Синявский и Юлий Даниэль, когда готовился скандално громкий процесс над литературой, появилось коллективное письмо в их защиту. То был жест неповиновения, протеста против государственной политики. Нужно ли говорить, что Каверин поставил свою подпись.

И я всегда буду чтить каждого, кто подписал это письмо.

В начале 70-х, после лагерей особо строгого режима и Владимирской тюрьмы, после года высылки в Калугу, Юлий Даниэль вернулся в Москву и соединил свою судьбу с моей, точнее, наши судьбы соединились.

Художник Борис Биргер, наш друг, дружил и с Вениамином Александровичем. Он и повез Юлия на дачу к Каверину. Я отправилась с ними. Визит Юлия был знаком признательности за отважное заступничество. Насколько я помню, В. А. не считал свою подпись под коллективным письмом поступком исключительным. Он всю жизнь был отважен и благороден.

...Вы спросили, менялось ли мое отношение к «Двум капитанам». Нет, «Два капитана» – как «Три мушкетера», из разряда вечных книг. Они оставляют в душе след торжества «чего-то над чем-то». Позже я оценила родство романа Каверина с книгами Диккенса, изначальная схема у них общая.

Но не ошибусь ли я в том, что один из этапов борьбы Сани Григорьева пришелся на 1937 год? Год жесточайших репрессий и парализующего страха. Каверин, равно как и другие его современники, не мог не множить все происходящее с героями романа на эту роковую дату. Если это так, то образ отважного Сани Григорьева оказывается

в некотором роде иносказательным, что ли, во всяком случае, тема мужественного противостояния испытаниям, носящим частный характер, имеет двойное дно.

«Не дать себя запугать» – напишет в свое время Ю. Даниэль. Саня как раз и не дал себя запугать, в 1937-м году его бесстрашие обрело особый смысл, исторический, можно сказать. Но и два интригана, взявшиеся вредить Сане, в освещении это мрачной, грозной даты, выглядят не такими уж злодеями, в ту пору любой донос мог стать поводом к аресту, а то и к расстрелу.

Испытания выпали роману в новые времена. В новой реальности реанимировал сюжет «Двух капитанов» проект «Норд-Ост», мюзикл, осуществленный на Дубровке. Сам по себе мюзикл и не плох, только для людей книжной культуры его восприятие затруднено. Вкус культуры массовой, привнесенный в мюзикл, вынуждает приспособиться к жанру и подавить в себе намерение сравнивать «драгоценное вещество» прозы Каверина с лихими поворотами мюзикла.

Но как трагически пересекся сюжет романа с грозной реальностью! Захват заложников на Дубровке, реальная угроза смерти и реальная смерть... Террористы вышли на сцену, кажется, как раз в тот момент, когда актер, игравший роль Сани, наглядно продемонстрировал мужество и убежденность в победе «чего-то над чем-то». Неужели зловещая тень террора навсегда легла на роман? Кровавая ирония providения.

Письмо мое растянулось бесконечно – что поделаешь, заданные Вами вопросы требуют продолжить ответ.

О моей семье. Центральная фигура в моей семейной хронике – Павел Алексеевич Гузиков. Но прежде, чем писать о нем, я вынуждена объяснить схему родства в нашей семье.

Павел Алексеевич был женат на Варваре Юрьевне Бахталовской. У нее было двое детей от первого брака – дочь Вера и сын Александр. Павел Алексеевич усыновил их. Когда у Веры Павловны родилась я, он удочерил и меня. Так кем же он мне приходился? Дедушкой, отчимом или отцом? Да отцом, конечно! Самым родным и любимым.

Надеюсь, он определил линию моей жизни. Во всяком случае, в критические моменты я всегда примеряю, как бы поступил на моем месте он.

Память о нем была столь значима для меня, что я часто рассказывала о его жизни, бытовой и профессиональной, моей подруге Люсе.

Люся – это Людмила Улицкая, и образ Павла Алексеевича попал в эпицентр ее романа «Казус Кукоцкого».

Никогда не видев Павла Алексеевича Гузикова, Люся написала его портрет поразительно точно. Мне остается лишь добавить некий

комментарий к книге Улицкой (специально для Перми, для тех, кто еще помнит нашу семью).

Реальный П. А. Гузиков не спился, как Кукоцкий, а умер от лейкемии. Приемная дочь Кукоцкого – в романе ее зовут Таня – соотносима со мной только в детстве. У взрослой Тани, чья жизнь и смерть подробно описаны Улицкой, совсем другой прототип. И Елена, жена Кукоцкого, не соответствует Варваре Юрьевне. Тут самое время расстаться с «Казусом Кукоцкого» и обратиться к давней пермской реальной жизни (...).

Мой папа! Он – врач и этим сказано все. Если не все, то самое главное. Любая женщина может позвонить ему ночью, рыдая: начались преждевременные роды, помогите! Он одевается и едет. Вернее, идет.

Он – акушер-гинеколог швейцарской выучки (после Швейцарии его пригласили в клинику Берлина, если по-нашему, то вроде как на стажировку). Потом... Но я останавливаю себя, сейчас пойдет пермский период, и то в кратком виде.

Его популярность, репутация очень хорошего врача и отзывчивого человека многократно возросла в годы войны. Когда мужья на фронте, а жены одиноки; когда свирепствует закон, запрещающий аборт... Не буду писать о том, скольких женщин он спас от смерти в результате варварских подпольных чисток. От суда, от тюрьмы. Только помню, как женщины на улице бросались к нему, безуспешно пытаясь целовать руки.

А новорожденные! «Я принял никак не меньше миллиона младенцев», – говорил он.

«Что вам больше всего нравится в женщине?» – мы подсовывали ему какую-то анкету.

Он писал: «материнство».

И менее всего замыкался внутри профессии.

...Звонок из клиники домой: «Варя, у меня сегодня одна женщина рожала, у нее куча детей, а в доме полная нищета. Сделай что-нибудь. Вот адрес». И Варвара Юрьевна в сопровождении няни Маруси отправляется по адресу с посудой, бельем, продуктами, деньгами.

Павел Алексеевич и Варвара Юрьевна – моя семья, мои папа и мама. В пермский период они запомнились мне в ореоле доброй славы. Их высокая репутация обязывала меня быть «хорошей девочкой», откровенно говоря, это была трудная задача.

Я должна была одеваться скромнее всех в классе, я не могла «всуе» поминать имя знаменитого папы, мне влетело за то, что зубной врач в поликлинике, узнав мою фамилию, принял меня вне очереди.

А папина слава все разрасталась, число женщин, его боготворивших, увеличивалось. Его деятельность разрасталась тоже. Он возглавлял акушерско-гинекологическую клинику, заведовал кафедрой в мединституте, где-то был консультантом, вылетал в глухие селения области на самолете «У-2». Ему были интересны деревенские целители, а они, привыкшие скрываться от преследований, были к нему доверчивы. У них он взял древний народный способ окуривания ран дымом, изобрел особый аппарат для окуривания трещин при груднице, во время войны и после войны медикаментов катастрофически не хватало. Он следил внимательно за новациями в медицине, ездил в Москву и в Ленинград с докладами о своих изобретениях, о новых методах.

Мне сейчас трудно представить себе объем его деятельности. Для меня он был подобен лучезарному всемогущему божееству, но более всего я любила его в образе заядлого охотника. У него были роскошные ружья, а уходил он в леса в плохонькой одежонке, как охотнику и положено. Со своим породистым ружьем, со всем охотничьим затрапезным маскарадом он уходил на несколько дней в леса. Где-то на какой-то реке (на Каме или на Сылве?) у него была своя лодка. «Дед, тебе заплатить за перевоз? Перевези» – попросила компания студентов-медиков, загулявших на природе. Потом они сдавали ему экзамен...

...Не знаю, почему у меня возникло намеренье учиться в Москве. Но оно возникло и не собиралось проходить. П.А. не хотел разлучаться. Заглядывая вперед, он принял заочно участие в строительстве первого медицинского кооператива в Москве. Мы должны были переехать все вместе. Его тяжелая болезнь сбила наши планы. Когда мы добрались до Москвы, он был безнадежно болен.

Москве было не до нас...

Из больниц мы не выходили.

Он знал: спасение только в работе. Мечтал стать консультантом – в какой-нибудь больнице, в поликлинике, где угодно. Но мы оказались в Москве, в эпицентре грозных событий. Как раз в ту пору Отечество открыло охоту на врачей – «убийц в белых халатах». Кто бы решился принять на работу профессора-медика? Да еще и еврея. Антисемитизм становился государственной политикой. Осознать это нам, провинциалам, было трудно.

К нам заехала из Перми одна знакомая, она работала в папиной клинике, и принялась рассказывать, как уничтожается все, что создано им с великой любовью.

Это было последнее его земное горе – он умер в тот же вечер.

Шел 1952 год».

Драгоценная, волнующая весточка эта, пришедшая от Ирины Пав-

ловны в ноябре 2005 года, навевает столько дум, и печальных, и позитивных... Времена меняются, но лучшие человеческие качества передаются из поколения в поколения. В том числе и память. В том числе и память.

Роман Вениамина Каверина дорог нам прежде всего светлой романтикой мечты. Цельность и сила чувств, верность, целеустремленность и, конечно, дыхание свободы. Сам писатель признавался в одном из последних интервью, что после войны наступил период, в определенном смысле печальный.

«Я думаю, что множество жертв, понесенных нами в годы войны, неслыханное мужество, которое проявил народ, и все, что было связано с нашей победой, – все это заслуживало несколько иного отношения к людям, более мягкого, более заботливого, внимательного. Но наступило время, всех нас как-то заставившее отказаться от свободного проявления своих замыслов. Или, если не отказаться, то скрывать их» («Огонек», апрель 1987 г.)

Все, чем так дорожил автор «Двух капитанов», – ощущение дружбы, чувство локтя, общей цели, свободы... – все это впитывал читатель из романа, увидевшего свет в победный год. Девиз «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» – стал поистине путеводным для нескольких поколений, он не был забыт и в самые тяжелые для страны годы.

«ПЕРМЬ – ЭТО СУДЬБА»

Вспоминает народный артист России балетмейстер Николай Боярчиков.

Н. Боярчиков

– Пермь – это судьба, – признался знаменитый хореограф на встрече с пермскими журналистами. – Впервые я попал в Пермь (тогда Молотов) во время войны. Ленинградское хореографическое училище, где моя мама преподавала классический танец, было эвакуировано сюда. И именно здесь я поступил в училище, так как этого захотела мама. Самому-то мне, как и многим пацанам, этого вовсе не хотелось: война, мы раз-

бирали всякие пистолеты... Жили все училищные тогда в Верхней Курье. Жили очень дружно. Дедовщина, существующая в балетных школах сегодня, вызывает жуткое ощущение. О нас, младших, старшие (среди них будущие звезды Колпакова, Семенов, Кургапкина), наоборот, заботились, подкармливали чем могли. Самым вкусным лакомством считалась горбушка хлеба с выковыранным мякишем, куда закладывалась каша.

В Пермь в 1971 году я приехал работать потому, в частности, что в Питере исчезла возможность что-либо делать. Поначалу все складывалось в Малом оперном театре хорошо, а потом жене первого секретаря обкома партии, посмотревшей «Трех мушкетеров», не понравилось, что артистам там ставят кружки на зад. «Спектакль снять и ничего больше Боярчикову не разрешать!» Вот я и маялся, хотя предложений была куча.

Пермь же просто перевернула мою жизнь. Работалось здесь замечательно. Продолжая традицию Марата Газиева, хореографа уникального и, на мой взгляд, недооцененного, я пытался делать спектакли, которых нет больше нигде.

...Примечание. С творчеством Н. Боярчикова пермяки познакомились еще задолго до его приезда в Пермь на постоянную работу. В 1965 году он поставил в пермском театре комедийный балет «Три мушкетера» В. Баснера. Затем последовала постановка балета «Три карты» С. Прокофьева. Вступив в должность главного балетмейстера театра, Николай Боярчиков выпустил балетные спектакли «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева, «Чудесный мандарин» Б. Бартока, «Слуга двух господ» по Гольдони, «Орфей и Эвридика» А. Журбина, «Царь Борис» С. Прокофьева по трагедии «Борис Годунов» А. Пушкина. За пермские постановки Н. Н. Боярчиков был удостоен Государственной премии России.

«ЖАЛКО СТАЛО КОРОВЫ...»

(Казус Каменского)

История о том, как в годы войны лишили Сталинской премии самого известного и популярного поэта-орденоносца Василия Каменского, весьма поучительна. Во всяком случае, ситуация заслуживает более пристального внимания потомков, чем небрежные байки и «лыгенды»...

В одной из пермских газет, например, в 2009 году опубликовали такую сногшибательную версию. Якобы, В. Каменский, автор либретто оперы «Емельян Пугачев», не получил за свое творение высшей награды государства потому, «поэт всеми силами избегал вступления в партию».

Речь идет о том скандальном эпизоде, когда в 1943 году обнаружили список всех счастливиц, получивших за оперу «Емельян Пугачев» Сталинскую премию, а фамилии одного из основных авторов там не оказалось!

В. В. Каменский в 1940 г.

Дело было, однако, совсем не в «антипартийной» настроенности Каменского. Сохранились письма 1930-1940 годов, которые свидетельствуют о том, что Каменский сильно переживал из-за того, что его в 1930-е годы «вычистили» даже из «сочувствующих». Он писал письма, в том числе самому Николаю Бухарину, «любимчику партии», редактору газеты «Известия», в то время еще не арестованному. Поэт жаловался на невнимание, на то, что его не публикуют, напоминал о своих заслугах. «Меня насмерть замолчали», – пишет он, раскрывая происки московских чиновников от литературы.

В Молотове военных лет поэт общается с эвакуированными артистами, писателями, старается помочь им своими познаниями. Его обуревают новые замыслы. Так, он обращается к одному из тогдашних руководителей горисполкома и краеведу А. К. Шарцу с неожиданной просьбой (неожиданной, потому что только недавно перенес тяжелую операцию):

«Дорогой Александр Кузьмич! Меня очень взволновало твое сообщение о собранном материале для будущей книги о знатных людях Молотовской области. Твоя интереснейшая работа непосредственно связана во многом с моей будущей книгой «Старая Пермь и молодой Молотов», т. к. в книге будут, разумеется, упомянуты разные известные люди Перми и Молотова. И мне пришла мысль, о которой жажду немедленно сказать лично. Поэтому прошу побывать у меня хоть на 15 минут, но поскорей». (ГАПК Р1588 оп.1 д.430).

Боевой настрой поэта в то время передает его переписка. Обращаясь к своему давнему другу, писателю и редактору Тимофею Грицу, Василий Каменский писал:

«...Эти последние месяцы я много работал в Молотове, где бывшая Мариинская опера сейчас репетирует моего «Пугачева». Коллектив в полторы тысячи поет мои пугачевские стихи. И как поет. Чудо! Спектакль-оперу «Пугачев» готовят к 25-летию Октября. Выходит просто чародейство...

Я прямо счастлив, как поэт, что мои стихи гремят во всю колокольную грандиозного театра. И, главное, всем очень нравятся. Стихи мои новые, так как стихотворный текст сделан мной заново и звучит здорово. Цитаты уж теперь шумят по городу, ибо в театре окна открыты, и многие слушают репетиции на улице, то есть в саду. Да и сами мастера расппевают, гуляючи... Руководство театра говорит, что такой текст они встречают как счастье искусства слова, и меня хвалят до невозможности; А я уж влюбился в балерину, потом в певицу, потом в другую балерину, теперь в новую певицу. С ума с ними спятил от успеха. Одной уж балерине обещал положить к ногам корову, но потом опомнился, как домой приехал. Жалко стало коровы. Другой певице с жару обещал 20 пудов картошки, но, приехав домой, сбавил до 10 пудов...»

Домой – значит в село Троицу. Это письмо написано поэтом в августе 1942 года. Премьера оперы Мариана Коваля (Ковалев, 1907-1971) состоялась в ноябре 1942 года. Успех был оглушительный! В 1943 году композитор и ряд исполнителей были удостоены Сталинской премии. А вот Василия Каменского в списке лауреатов за оперу «Емельян Пугачев» не оказалось.

Данное обстоятельство шокировало многих творческих деятелей. Поэту открыто сочувствовали, переживали за него, старались утешить, подбодрить. Приятной неожиданностью для Василия Каменского стала статья в его защиту, написанная основным его соавтором – композитором Марианом Ковалем. Дело в том, что в газете «Литература и искусство» появилась резкая критическая статья Д. Рабиновича по поводу оперы «Емельян Пугачев» и прежде всего либретто.

Причем появилась эта злобненькая публикация за несколько дней до опубликования постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1942 год. Скорее всего, именно появление этой зубодробительной критики и повлияло на исход голосования и окончательное решение высокой комиссии. В те годы на выступления прессы реагировали моментально. Вот композитор Коваль и решил «дать отлуп» несправедливому критику, написав в газету «Звезда» свой ответ под названием «О либретто «Емельяна Пугачева» и недобросовестной критике» (17 апреля 1943 года):

«...Статья весьма легковесная и поверхностная, и не стоило бы заострять на ней внимание, если бы в ней не был совершенно недостойно ошельмован известный русский поэт В. В. Каменский. В статье Рабинович утверждает, что успех музыки оперы «Пугачев» произошел «не только без помощи словесного текста, но сплошь и рядом вопреки ему». Хочется решительно протестовать против такого утверждения. Темой великого пугачевского восстания я заинтересовался в 1934 году, когда работал над рядом вокальных циклов, посвященных отдельным этапам историко-революционного прошлого русского народа. Прочитав поэму Василия Каменского «Емельян Пугачев», я сразу зажегся оригинальным поэтическим языком Каменского, его богатейшей ритмикой, красочностью и музыкальностью стиха, смелыми рифмами. Несмотря на частичную вычурность и замысловатость стихов, я почувствовал их глубокие корни в русском народном творчестве; Сцены же пугачевской свадьбы и казни в поэме Каменского меня буквально потрясли. Я сразу же написал музыку на три отрывка из поэмы Каменского. Затем началась работа над расширением и углублением темы, над изучением эпохи, началось создание оратории «Емельян Пугачев». Оратория была закончена в 1939 году и тогда же была исполнена на декаде советской музыки. Музыка оратории, конечно, была глубоко и органично связана со стихами Каменского, его образами и поэтической ритмикой. В конце работы над ораторией я познакомился с поэтом Василием Каменским, и у нас началась настоящая большая творческая дружба, приведшая к созданию в 1942 году оперы «Емельян Пугачев» и оратории «Чкалов».

И вот сейчас я узнаю от критика Д. Рабиновича, что музыка писалась «вопреки» поэзии Каменского и «борьба подлинного русского начала в музыке со стилизаторскими тенденциями в стихах проходит через всю оперу». Какие же доводы приводит Рабинович в подтверждение этого своего «открытия»? К сожалению, доводы

не только не умные, но и нечестные. Рабинович пишет: «Каменский не пожалел стихов для обрисовки Емельяна, но в том-то и дело, что в словесном тексте это Пугачев по наименованию. В действительности же это... сам Каменский, такой, каким мы знаем его через его поэзию уже добрых 30 лет, – Каменский – автор «Сарыни на кичку» и «Гимна сорокалетним юношам»... Перед нами – он, выступавший в дореволюционном Тифлисе, в цирке и с лошади читавший публике свои эпатажные стихи...

Д. Рабинович пишет, что в лучших местах своей оперы я «побеждаю» поэзию Каменского: «...Побеждает композитор и в ласково-озорной, брызжущей весельем и девичьим лукавством песне Устиньи»... Зачем мне было «бороться» с этими чудными стихами и «побеждать» их? Я просто поблагодарил поэта и постарался, в меру своих способностей, написать к ним хорошую музыку. Никто, конечно, не будет судить об опере «Пугачев» по либретто, и напрасно Д. Рабинович от этого кого-то предостерегает. Всем ясно, что главное в опере – музыка, и музыка именно вокально-хоровая. Но каждый, кто внимательно прочтет либретто Каменского, несомненно, увлечется его многочисленными поэтическими красотами, интересными драматургическими ситуациями, яркими образами, русской народностью и с негодованием отвернется от критики Д. Рабиновича». (Публикация краеведа Ивана Ежикова).

Нельзя не поразиться и тому, как действовала недобросовестная «крытика» на творческого человека, как фактически человека ломали, «встраивая» его в систему. Василий Каменский вынужден был приспособливаться, реагировать на выпады, пусть и незаслуженные. Мне не забыть, как во время посещения московской квартиры вдова поэта Валентина Николаевна Козлова показала мне черновики, сборники разных лет, в которых он вносил правку уже дрожащей рукой...

В сборнике В. Каменского «Поэмы об Урале и Каме», вышедшем вскоре после войны (Молотовгиз, 1947) напечатана и поэма «Емельян Пугачев». Но вот жалость – песню Устиньи автор не включил в этот вариант. А ведь это был тот самый текст, который так нравился композитору, и Мариан Коваль в своей статье его опубликовал, признавшись, что именно стихи Каменского, истинно народный мелос, помогли написать музыку, вот фрагмент:

*Спозаранку у реки
Ходят с песней казаки.
Ждут, когда мне, молодой,
Надо выйти за водой.
Они песню мне поют,*

*Не хотят да воду пьют:
Потому – вода – моя –
Ой, хмельная самая,
Пьют из полного ведра,
То вздохнут, то охнут,
А как взглянут на меня –
Снова с жару сохнут.
Спозаранку у реки
Ходят с песней казаки.
Ждут, когда мне, молодой,
Надо выйти за водой...*

Надо сказать, самолюбие поэта было вскоре удовлетворено: сначала ему вручили за «Пугачева» именные часы, а через год он получил второй орден. Так что теперь он мог подписываться, как было принято в те годы: дважды орденосец. «Непромокаемый энтузиаст», как Василий Васильевич сам себя называл, веру в людей не потерял.

Примечание. Другую легенду, запущенную недобросовестными журналистами уже сегодняшнего дня, можно объяснить элементарной невнимательностью и нежеланием сверять источники. В одном из исследований появилось утверждение, что В. Каменский так и не смог подняться в пермское небо на своем самолете «Блерио», что он, якобы, все выдумал про свои полеты. Приводится и цитата из публикации в местной газете «Пермский край» за 1911 год о попытках авиатора взлететь с отмелей в Нижней Курье: «Бегают авиатор, толкая самолет, хорошо, резво, а полетов что-то не видно». В те же дни, однако, в другой газете – в «Пермских губернских ведомостях» появилась небольшая заметка: «В понедельник в Нижних Курьях пытался летать авиатор-любитель В. В. Каменский. С песков, лежащих немного выше Курьи, он поднялся на незначительную высоту и продержался около минуты. Курьинские дачники устроили Каменскому овацию». Газетчик употребил осторожное выражение: «пытался летать». Но уже через день упрямый летун совершил более продолжительный полет. Василий Каменский не был бы Каменским, если бы не отказывал при этом номера: он пролетал над пароходами, плывшими по реке, пугал пассажиров, которые в страхе прятались по каютам. Таким «хулиганским» способом поэт словно мстил обывателям за насмешки, за неверие в его силы.

«А КАК В ПЕРМИ С ПИОТРОВСКИМИ?»

Этот вопрос задал мне Михаил Борисович Пиотровский, директор Петербургского Эрмитажа, когда мы встретились с ним в Перми и заговорили про его предков.

Встреча наша состоялась в Органном зале. Михаил Борисович, после заседания президиума Совета музеев России, который он возглавлял, нашел время для встречи с местной интеллигенцией. После чего согласился ответить на мои вопросы.

Найти контакт помогла книга «Пермские поляки» (автором-составителем которой мне довелось быть).

– Михаил Борисович, вы вспомнили годы эвакуации, когда наши города, Ленинград и Молотов, оказались так тесно связаны. Как мы поняли, вы считаете Пермь городом звериного стиля и деревянной скульптуры, городом Строгановых, но это еще и город Пиотровских, вы знаете об этом? В этой книге, которую мне хочется вам подарить, есть данные о некоторых ваших предках, пермских и вятских.

– Спасибо, я почти ничего не знаю об этой ветви. Я, когда приехал первый раз в Уфу, пришел к Рахимову (тогдашний президент республики – В. Г.) и вдруг увидел у него на столе полный список Пиотровских, живших в Уфе. Там было много ссыльных. Не все родственники, конечно, однофамильцев тоже много. Но самый верхний в списке был наш прадедушка Бронислав Игнатьевич, который служил воинским начальником в Уфе. А в Перми как с Пиотровскими?

– С Пиотровскими у нас хорошо, их вклад в развитие местной культуры пермяки помнят и ценят...

...В Пермь Иосиф (Юзеф) Юлианович и его жена, вятская учительница Ольга Платоновна переехали в 1875 году. Как пишет в своих заметках историк Елена Харитонова, их магазин, находившийся на бойком месте на углу улиц Сибирской и Покровской, работал не на прибыль, а на просвещение. Кроме того, Иосиф Юлианович был избран почетным членом Пермского научно-промышленного музея; при создании библиотеки местного университета, первого на Урале, существенно помог также магазин Ольги Петровской – так он был зарегистрирован.

– В Перми их фамилия несколько видоизменилась, – заметил я, – букву «и» они потеряли, выбрав русифицированный вариант, быть может, не по своей воле – «Петровские». На всех фотографиях вывеска в таком написании: «Магазин Ольги Петровской».

– Да? – удивился Михаил Борисович. – А мы вот все буквы сохранили...

Узнав, что в Перми есть мемориальная доска в честь четы Пиотровских, основателей первого специализированного книжного магазина (книготорговля велась в Перми и до приезда четы Пиотровских из Вятки), что сохранился мемориал этой славной семьи на старинном Егошихинском кладбище, – директор Эрмитажа поделился своими познаниями об истории рода. Оказалось, пермские краеведы знают далеко не все.

Как пошутил Михаил Борисович, Пиотровских в России все же поменьше, чем Ивановых. Свое родословное древо наш гость изучил достаточно глубоко.

...Представители рода Пиотровских жили возле Ровно, русскими они становились постепенно, после присоединения западных территорий к России. Уфимский Пиотровский был еще католиком, а вот его потомки – уже православными. Кстати, и пермские родственники Михаила Борисовича, представители семьи инженеров-нефтяников, тоже давно исповедуют православие (они приходили на встречу с гостем Перми в Органном зале).

– В арабском мире традиционно нужно знать пять колен рода, – говорит Михаил Борисович. – Для человека это все равно что знать историю. В нашей семье всегда рассказывается точно о четырех-пяти коленах, дальше уже идет частично правда, частично легенды. Это касается и русско-польской линии, и армянской.

Помимо родословия, беседа наша касалась и общего положения с культурой в городе. Проблемы общие... Остро стоят вопросы охраны памятников, сохранения единого культурного пространства. Не отлажены отношения с бизнесом... Куда ни кинь – всюду клин. Пермских художников, например, волновала проблема высокой арендной платы за мастерские. М. Б. Пиотровский на это сказал, что и в Петербурге невнятица с мастерскими продолжается. Общественная организация, каковой является Союз художников, должна сказать свое слово, проявиться гораздо решительнее.

– Иначе возникает большая проблема: а нужны ли вообще творческие союзы? – сказал директор Эрмитажа. – У нас теперь много капиталистов – и нет действенных общественных организаций. Это как раз та сфера, в которой общество должно активно высказываться, «давить». Так же обстоит дело и с отведением земель для музеев и заповедников. Так же – с реформой бюджетных учреждений, с социальной сферой, к которой культура не должна относиться. Совершенно другая «епархия». Нужно своими силами менять «минусы» на «плюсы». Тогда будут меняться и законы. Тем более что в России сейчас законы на пятьдесят процентов

принимаются такие, что их нужно срочно менять, вносить поправки и т. д.

Известный специалист и знаток ислама, Пиотровский называет себя человеком, гражданином мира. Ни к каким религиям и церквям не принадлежит. Видимо, связано это опять же с происхождением. В их роду представлены православная, католическая и армяно-григорианская церкви (мама – армянка).

На прощанье я вспомнил фильм об Эрмитаже «Русский ковчег». О фантастической встрече «в потустороннем мире» со своим отцом, Б. Б. Пиотровским, который был известным ученым, многолетним директором Эрмитажа, Михаил Борисович рассказывает вполне спокойно. Такую «встречу» устроил им, напомним, Александр Сокуров, режиссер ленты об Эрмитаже.

– Встреча с отцом... не была тяжелой для меня, нет. Было нервно, но очень интересно. Сокуров сначала боялся мне предложить эту идею. Он сказал: «Пожалуйста, не кричите, не выгоняйте меня сразу, у меня такая идея...» Мне помогло решиться одно: я сижу в кресле, в кабинете отца, работаю с теми же людьми, с которыми работал еще он сам.

После общения с гостем Перми можно сделать вывод, что Михаил Борисович – идеалист чистой воды. Посмотрите, к примеру, как он верит в набатную силу слова, как высоко ставит роль общественности. Как верит своему президенту, наконец. В том, что Пиотровский – государственник, сомнений не остается после его рассказа о работе Совета по культуре при Президенте России.

– Если о культуре будут говорить так же, как говорят сейчас об обороне, – а такая надежда у нас есть – то изменения к лучшему будут, – сказал Михаил Пиотровский. И добавил: – Нам надо добиваться своего. Слава богу, к голосу общественности у нас еще прислушиваются.

В заключение Пиотровский сказал, что город наш ему понравился, и галерея тоже. Он хотел бы еще приехать сюда. Критиковать ничего не стал. Большой дипломат, конечно. Директор такого музея, как Эрмитаж, и не может не быть дипломатом. По роду службы.

АРАМ ХАЧАТУРЯН: «Черт возьми, в угоду балету!»

Танец с саблями.

Письма и документы того времени позволяют восстановить хронику рождения одного из шедевров выдающегося композитора Арама Хачатуряна (Публикуются по монографии Вл. Юзефовича).

9 февраля 1942 года... «Ленинградский Кировский театр находится в Молотове. Они мой балет «Счастье» поставили – уже четыре картины. Вызывают меня туда, чтобы дописать новую картину и привести в порядок шестую. Каринэ – Уланова, ее партнер Армен – Чабукиани и Сергеев. Я видел вещь в Ленинграде – две картины. Блестяще поставлено, если бы не война, это было бы событием...»

*Автограф Арама Ильича Хачатуряна
(хранится в музыкальном отделе библиотеки им. Горького)*

8 августа 1942 года... «Мои «Кировцы» находятся в Свердловске (на гастролях. В. Ю.) ...13-го вместе с ними еду в Молотов...»

Август 1942 года... «Приехав в Молотов, я писал партитуру балета, не расставаясь с грелкой и манной кашей. К счастью, я пользовался

столовой театра, которая снабжалась по тем временам потрясающе, а обслуживали обедающих научные сотрудники – ленинградцы. В гостинице в моем распоряжении были инструмент и табурет. Этим и ограничивалась скромная «меблировка»...

23 августа 1942 года... «Я работаю здесь много. Увлекаюсь той музыкой, которую пишу. Отношение ко мне идеальное. Все мои просьбы выполняются... Живу в гостинице, правда шумной и не очень удобной, но имею приличную комнату, рояль, целыми днями сижу дома, выхожу только на обед в столовую».

26 августа 1942 года... «Работаю над балетом. Надо написать две новые картины и кое-что «починить». Нужно написать 50 минут музыки. Сочиняю прямо на партитуру чернилами. Времени нет думать и делать эскизы. Гостиница очень шумная и кругом радио. Трудно».

4 сентября 1942 года... «Мне прибавили здесь работы, и балет будет почти весь с новой музыкой».

Сентябрь 1942 года... «Это не балет старый «Счастье», новый балет, кстати, он теперь и называется «Гаянэ» – это имя героини, новый балет, где музыка на 60 – 70 процентов новая. Здесь я уже закончил новую картину. Около получаса музыки. 250 страниц партитуры... В театре и в балете очень довольны этой музыкой и, к сожалению, чрезмерно хвалят ее. От этого я волнуюсь и жду с нетерпением оркестрового звучания. Кое-где даже позволяю себе эксперименты. Сейчас мне преподнесли сюрприз и заставляют писать новую последнюю картину, куда войдут из старого только пять танцев, а всего около 25 номеров. Последнюю картину обращают в целый акт. Я очень огорчен и озлоблен. Из меня делают что хотят, но другого выхода нет. Я буду писать здесь не меньше еще месяца...»

Осень 1942 года... Т. Вечеслова: «Нередко мы собирались у Хачатуряна посмеяться, пошутить. Однажды он угостил нас неведомо как сохранившейся бутылкой красного вина – в то время это было неслыханной редкостью. Арам Ильич был радушный, веселый человек. Он загорался, видя, как танцует талантливая Нина Анисимова... удивлялся отточенному мастерству Наталии Дудинской, заразительному комедийному дару Николая Зубковского. Своей музыкой он мог разбудить самых равнодушных актеров. Его ритмы зажигали, будили к жизни. Подготавливая балет к выпуску, весь наш коллектив не жалел своих сил. Только работа могла нас отвлечь, заглушить горечь, тоску по оставленным родным».

Сентябрь 1942 года... «Мне ужасно обидно, что на мой балет смотрят, как на старую работу, как на нечто... «декадное»... Я сейчас делаю большую, трудную, актуальную и интересную работу. Пожа-

луйста, разъясните кое-кому, что балет мой почти новый и это мой очередной опус... Мне ужасно некогда, пишу музыку в день от 12 до 14 часов. Уже устал и часто обалдеваю. Но состояние приятное, творческое».

20 сентября 1942 года... «Давно Вам не писал, потому что безумно некогда. Пишу и днем и ночью. Не успеваю... »

10 октября 1942 года... «Пишу с утра до вечера. Еще на три недели работы. Сейчас пишу последний акт. Кончу его к концу октября. Затем буду ходить на оркестровые репетиции и сочинять симфонию... По 14 часов работаю...»

24 октября 1942... Балет я завтра кончаю совсем. Итого написал здесь за два месяца два акта совершенно новой музыки. 1 час 10 минут. Около 500 страниц партитуры. Говорят, самая сильная музыка из всего балета. Сейчас дело переходит в оркестр и на сцену. Труппа работает с большим увлечением».

Конец октября 1942 года... «Занят с утра до поздней ночи. В день три репетиции, кроме того бесконечные встречи с дирижером, балетмейстером, художником и т. д. Тем, что я здесь написал, я очень доволен. Только я доволен меньше, чем довольны вокруг. Надо быть здесь и видеть, что делается в театре и в труппе, когда играет оркестр. ...Был очень волнительный день, когда впервые труппа, отлично знавшая музыку на рояле, должна была слушать музыку в оркестре. Такого дня я желаю всем своим друзьям... Лазовский сказал в дирекции, что следующая его работа будет опера с Хачатуряном...»

Ноябрь 1942 года... «В театре музыкой все довольны, но я считаю, что еще многое не сделано. Безумно мучаюсь и страдаю».

Ноябрь 1942 года... Т. Вечеслова: «Я была первой исполнительницей роли Нунэ, и Арам Ильич сочинил для меня вариацию и посвятил ее мне. Он написал ее перед самым спектаклем, словно играючи, и всего за полчаса!»

Ноябрь 1942 года... «По просьбе театра уже после окончания партитуры я дописал «Танец курдов» – тот самый, который стал позднее называться «Танцем с саблями»». Я начал сочинять его в три часа дня и не отрываясь работал до двух часов ночи. Утром следующего дня были переписаны оркестровые голоса и состоялась репетиция, а вечером – генеральная репетиция всего балета. «Танец с саблями» сразу же произвел впечатление и на оркестр, и на балет, и на присутствовавших в зале... Вспоминаю характерный штрих: в партитуре над тем местом, где трехдольный ритм идет в «Танце с саблями» с остросинкопированной перебивкой, я не удержался и

написал: «Черт возьми, в угоду балету!» И еще: в самом конце танца я хотел первоначально сделать большое и постепенное *diminuendo*, но Нина Александровна Анисимова и артисты балета убедили меня завершить танец, наоборот, столь же постепенным *crescendo*».

Ноябрь 1942 года... Н. Анисимова: «С Арамом Ильичом у нас произошла перед премьерой ссора. В четвертом акте балета в танце «Шалахо» нам, танцовщикам, удобнее считать на три. Оркестр же играл явно на два. Танцовщики сбивались. Я громко стала считать на три. Оркестр остановился. Хачатурян из зала закричал: «Прекратите считать на три, я Вас в галошу посажу! «С этим счетом – хоть в ботик!» – ответила я. Ссора наша длилась долго. Только после войны в Москве мы помирились. А считать в «Шалахо» можно и на два и на три...»

«Спектакль «Гаянэ» создавался коллективом театра в одном из крупнейших центров нашего оборонного труда. Работая над балетом, мы вдохновлялись примером той напряженной фронтовой работы, которая осуществляется предприятиями города Молотова и Молотовской области, кующими день и ночь оружие для победы над врагами нашей Родины. Работая над балетом, мы думали о героических защитниках Северного Кавказа, об эпической борьбе Сталинграда, о доблести великого города Ленина...»

Декабрь 1942 года. А. Хачатурян, Н. Анисимова, К. Державин, Н. Дудинская, Т. Вечеслова, К. Сергеев.

МНЕ НЕ НУЖНЫ БАГАМЫ

Мне не нужны Багамы,
Когда на сердце грусть.
По набережной Камы
Я мысленно пройдусь!
Увижу дом, в котором
Немало лет подряд
От смертного разора
Спасался Ленинград...

(Фрагмент поэмы Светланы Томской, во время эвакуации автор воспитывалась в лагере Ленинградского Литфонда в Молотовской области).

Содержание

Вступление. Ленинградский квартал	3
---	---

Часть 1.

ЛЕНИНГРАД-ПЕТЕРБУРГ В СУДЬБАХ ПЕРМИ И ПЕРМЯКОВ

Нас сближают белые ночи	10
«Этот человек сильнее Гитлера» (Шостаковичи на Урале)	13
...И сияет в ночи Ленинград! (Елена Вечтомова – Юрий Инге)	20
Картина в наследство	
(Первое пермское «землячество» на берегах Невы)	25
Памятник в руинах храма (Моряки на защите Ленинграда)	28
Без очереди они не могли пройти (Е. А. Спешилова)	34

Часть 2.

«НАС МОЖНО РАСПОЗНАТЬ ИЗДАЛЕКА»

Молотов-Пермь или «Как до Химграда добраться?»	38
Божья Воля из Шлиссельбурга	39
В поэзии как в бою... (Юрий Тынянов)	43
Литературный десант (Милый щен без прописки)	44
С тоскою о вере, по новой мы спорим о Вере Пановой	49
Гений русского балета (Галина Уланова)	55
Блистательна, полувоздушна... (Е. Н. Гейденрейх)	58
«Наше дело левое...»	64

Часть 3.

ПЕРМСКОЕ ПИСКАРЕВСКОЕ. «У НОГ УЖЕ ПЛЕСКАЛИСЬ ВОДЫ СТИКСА...»

*Памятники блокадникам
на территории Егошихинского Парка памяти*

Так начиналась эвакуация	66
«У ног уже плескались воды Стикса...»	69
Псевдоним с титулом (Казус д'Актиля)	75
«Литературная мама»	83
Князь, ставший «врагом народа»	86

Часть 4.
В МОЛОТОВЕ ЖИЛИ РАЗНЫЕ ЛЮДИ...
*Некоторые уроки из практики взаимоотношений
хозяев и тех, кто «понаехал тут»*

И все-таки: да здравствует позитив!	92
«Хорошо на Каме жить, ходят пароходики...»	93
Люся, откликнись!	97

Часть 5.
«МНЕ НЕ НУЖНЫ БАГАМЫ»

Михаил Козаков. Помнится радость от спуска с Уральских гор	100
Галина Станковская. Документы свидетельствуют	104
Людмила Кабакова. Нас с мужем «посватал» Мессинг	108
Вениамин Каверин. По следам «Двух капитанов» (Казус Гузикова-Кукоцкого)	111
Николай Боярчиков. «Пермь – это судьба»	121
«Жалко стало коровы...» (Казус Каменского)	122
Михаил Пиотровский. «А как в Перми с Пиотровскими?»	128
Арам Хачатурян. «Черт возьми, в угоду балету!» (Танец с саблями)	131

Автор-составитель В. Ф. Гладышев

«НАС МОЖНО
РАСПОЗНАТЬ ИЗДАЛЕКА»

Ленинград-Петербург-Молотов-Пермь

Верстка – Н. И. Свиридова
Корректор – Н. Н. Лазько

Подписано в печать 20.12.2010. Бумага ВХИ. Формат 60х90 1/16
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 5449.

Отпечатано в ООО «ИД «Типография купца Тарасова»,
г. Пермь, ул. Пушкина, 27, тел./факс (342) 212-44-53.

